

The background of the entire image is a vibrant blue, featuring a complex pattern of white and light blue molecular models, including spheres and sticks, and various chemical symbols and formulas scattered throughout. The text is overlaid on a dark blue rectangular area in the center.

Виорэль Ломов

Приключения Юстаса и его друзей

Сказочная повесть

Annotation

События происходят на юге Финляндии – в «Добром крае», в Лапландии, Санкт-Петербурге и Антарктиде. Злой волшебнице Кольгриме и ее помощникам, программистам Стиксу и Ахеронту противостоят добрая волшебница Лоухи (сестра Кольгримы), мумитроль Так-так, отчаянный петух Юстас, «продвинутый» кот Григорий, шотландский сеттер Маклеод, ворона Чернавка. В события втянуты местные жители, гости из Санкт-Петербурга, верховный шаман Лапландии и другие персонажи.

- [Первая повесть](#)
 - [Глава 1. Жареный петух](#)
 - [Глава 2. Дарий-Григорий Второй](#)
 - [Глава 3. Гормоны счастья](#)
 - [Глава 4. Посланница богов](#)
 - [Глава 5. Оковы сняты!](#)
 - [Глава 6. Добрый край](#)
 - [Глава 7. Ночная беседа](#)
 - [Глава 8. Происшествие](#)
 - [Глава 9. Страшно даже здесь](#)
 - [Глава 10. И было утро, и был вечер](#)
 - [Глава 11. Объяснились](#)
 - [Глава 12. Метаморфозы информации](#)
 - [Глава 13. Тайна сейда](#)
 - [Глава 14. Соблазны Иванова дня](#)
 - [Глава 15. Похищение](#)
 - [Глава 16. Самый первый петух](#)
 - [Глава 17. Обмен по-честному](#)
 - [Глава 18. Несравненная сеньорита Лоухи](#)
- [Кольгрима](#)
 - [Глава 1. Теплые пирожки](#)
 - [Глава 2. Снова Кольгрима!](#)
 - [Глава 3. Одни и те же грабли](#)
 - [Глава 4. Разговоры начистоту](#)
 - [Глава 5. Где девочки?](#)
 - [Глава 6. Таинственный рев](#)
 - [Глава 7. В Лапландию!](#)

- [Глава 8. У нойда и у Кольгримы](#)
- [Глава 9. Встреча неизбежна](#)
- [Глава 10. Лабиринт](#)
- [Глава 11. Две радостные встречи](#)
- [Глава 12. Договор можно и не подписывать!](#)
- [Глава 13. Carpe Jean-Jacques Justas\[7\]](#)
- [Третья повесть](#)
 - [Глава 1. Переезд](#)
 - [Глава 2. Встреча в зоопарке](#)
 - [Глава 3. А где Григорий?](#)
 - [Глава 4. Крысиная королева Альфа Премудрая](#)
 - [Глава 5. А была ли кабаниха?](#)
 - [Глава 6. Предательство](#)
 - [Глава 7. Ломай! Грызи!](#)
 - [Глава 8. Странствия Кольгримы](#)
 - [Глава 9. Едем в Сюсьмя!](#)
 - [Глава 10. Ab ovo,\[9\] или Три истории Калле](#)
 - [История первая. О золотом яйце](#)
 - [История вторая. О поле цыплят](#)
 - [История третья. О динозаврах](#)
 - [Глава 11. Золотой петушок](#)
 - [Глава 12. Шмат сала](#)
 - [Глава 13. Кого же?](#)
 - [Эпилог. Юстас! Юстас! Юстас!](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)

*Приключения – это не увеселительная прогулка
в сияющий майский день.*

Джон Рональд Руэл Толкин, английский

писатель, XX в.

Первая повесть

Добрый край

Невидимое зло всего тревожнее.

Публий Сир, римский поэт, I век до н. э.

Глава 1. Жареный петух

Петуха Юстаса раньше звали не Юстасом. Как его звали, никто не знал, и сам он об этом молчал. Но как-то должны были называть, поскольку у героев есть имена. Тем более у таких отчаянных.

Перед домом Сомовых Юстас появился ранним июньским утром и тут же троекратным оглушительным криком сообщил о своем приходе. Явился он не один, а с двумя курицами и цыплятами.

Разбуженный петушиным криком из дома вышел Петр. Увидев кур, он подошел к ним, чтобы узнать, кто такие, откуда и что им надо на его дворе. Но не успел хозяин задать вопроса, как петух коршуном бросился на него. Петр успел увернуться от шпор и клюва вояки и на всякий случай отошел подальше от драчуна. Тот, играя перьями хвоста, грозно смотрел на хозяина двора. Красные глаза и налитый кровью гребень не предвещали ничего хорошего.

– Тю на тебя! – воскликнул Петр. – Сдурел?

– Не смей приближаться к моей семье! – проорал петух. – Накажу!

Петр почесал затылок:

– Серьезная птица. Не иначе из отряда соколиных. Оставайся, раз пришел.

Он открыл сарай и широким жестом пригласил кур в их новый дом. Там Петр выделил пришельцам половину помещения, соорудил загородку, прибил жердочку, чтобы у птиц был насест, бросил охапку сена, поставил кормушку, поилку, насыпал туда пшена и риса, налил воды, и, достав из холодильника пару бутылок пива, пошел к соседу, эстонцу Калле, сообщить об утреннем происшествии. Петух тут же подошел к кормушке и подал сигнал семейству приступать к трапезе.

Дом Сомовых находился в небольшом финском поселке рядом с городком Сюсьмя на озерном острове, связанном с берегом насыпной дамбой. В поселке жили финны, шведы, немцы, эстонцы и несколько семей из России. Общались жители друг с другом каждый на своем языке, но вроде как понимали друг друга.

Поскольку хозяйки не было, соседи уютно расположились на террасе дома. Хозяин угостил гостя скворчащей яичницей, и Петр

рассказал ему об утреннем нашествии пернатых. Калле, задумчиво глядя на озеро, предположил, уж не тот ли это петух, который на днях убежал вместе со всеми курами из соседнего поселка от финна Инту Мартонена. Говорят, об этом сообщили даже в телевизионных новостях.

– Наверняка он, – сказал Калле. – Это петух не обычный...

– Да ты же не видел его, – возразил Петр.

– Ну и что? Увижу еще. Этот петух был суший цепной пес. Инту Мартонен и держал его за такового, даже дрессировал его, как боевого петуха, пока тот совсем не отбил от рук. Налетал на всех, кто заходил во двор, а за детьми гонялся по всему поселку. Как-то к Мартонену пришли сватать его дочь Миию. Раньше целый обряд был. Сватать приезжали по-темному, чтобы кто не прознал да не сглазил. Заходили в дом, присаживались с краешка, мыли косточки знакомым, а сами – и сваты и родители – ждали, когда к ним выйдет невеста. Выйдет, и сваты дарят ей колечко с подарками. Как только она возьмет их, тут же накрывают стол, и начинается сватовство. А не выйдет, знать, от ворот поворот, и гости едут домой искать другую невесту. Но Мартонен современный человек, к тому же его родственник – член парламента Эдускунта, далек от этих традиций. Да и сваты, похоже, тоже. Приехали днем. Мартонен приготовил шашлык, шампанское. Но только гости зашли во двор, петух налетел на них и разодрал будущему свату рубашку, а сваху напугал до полусмерти. Инту Мартонен рассвирепел, схватил петуха и бросил его на мангал. Мангал у него был жестяной, тут же рассыпался, а петух с горящими перьями стал кидаться на всех. Гости убежали, сватовство сорвалось...

– А дальше-то что?

– А дальше вот что произошло. Так по телеку сказали. На другой день Инту Мартонен помирился с будущими родственниками и пригласил их к себе еще раз. Те пришли, на этот раз ближе к вечеру. Вечер выдался теплый, хозяин поставил стол и скамьи на свежем воздухе. Посреди стола на блюде лежал зажаренный петух. Все посмеялись, вспомнив вчерашнее приключение, разлили шампанское и собирались уже приняться за еду, как из курятника вдруг вышли две курицы с цыплятами и прямоком направились к столу. Инту Мартонен как раз угостил всех перед шашлычком горячим кофе, с прибауткой: «Девушка хороша юная, а кофе горячий» и схватил было

ветку, чтобы прогнать их, и тут петух подскочил с блюда, полетел к Мартонену и вцепился ему прямо в зад!

– Брось! – воскликнул Петр. – А что потом?

– Что было потом, история умалчивает... Потом он к тебе пришел!

– Жареный?

– А какой же еще? Теперь давай выпьем за петуха.

Выпив за жареного петуха, Петр вернулся домой.

– Как вас теперь называть? – обратился он к петуху.

Тот молчал.

– Молчишь, Штирлиц?!

Петр лег подремать, но тут позвонила жена Ирина и сообщила, что приедет завтра с Машей и Дашей на поезде «Аллегро». Петр не стал говорить ей о прибавлении в доме и на ночь не стал закрывать сарай – вдруг куры захотят вернуться к прежним хозяевам. Еще неизвестно, как отнесутся в поселке к присвоению чужой птицы? Тут воров не жалуют...

Утром Петр поехал встречать семью в Лахти. В машине он рассказал о нашествии петушиного семейства. Девочки стали возбужденно обсуждать предстоящую встречу, а Ирину не оставляла мысль, как бы чего не вышло из этого дурного.

– Вы только близко не подходите к сараю. Пусть привыкнут, а то напугаются.

Петух тут же опроверг слова нового хозяина и, выскочив из сарая, помчался на приезжих. Те едва успели спрятаться в доме.

– Ну, орел! – перевела дух Ирина. – Мужественный паренек. Надо ему имя подобрать.

– Имя! Имя! – запрыгали девочки. – Надо дать ему имя! Петухан Куриханых!

– Это слишком просто, – сказала мама. – Я что-то такое уже слышала.

– Он вчера откликнулся на имя Штирлиц, – сказал отец.

– Штирлиц! Что ты! Профанация имени народного героя! И не

финское имя!

– Тогда Юстас, это позывной у Штирлица.

Тут зашел Калле. Узнав, что подбирают петуху имя, тоже принял участие.

– Юстас – неплохое имя, но... архаичное. И не финское. Тут же нет Юстасов? – обратилась мама к Калле.

– Почему? Есть. У меня сосед справа Юстус. Юстус Виртанен.

– Всё равно. Фамилия финская, хоккеист, кажется, такой, а вот имечко прибалтийское, надо финское подыскать.

– Не прибалтийское, – поправил Калле. – Стран Балтии.

Мама открыла планшет и стала искать подходящее имя для петуха.

– Нашла. Вот: Анри.

– Какое же это финское! – засмеялся папа, – Чисто французское. «Жил был Анри Четвертый, хороший был король...» – запел он.

– Анри – финское, – сказал Калле. – Все богатые с этим именем живут.

– Вот! – ткнула мама пальцем в планшет. – Что я говорила! «Имя Анри означает потребность доминировать. Всегда и везде». Вот! Замечательное имя. Нам петух с таким именем и нужен.

– Это не петух, это же цепной пес.

– И отлично! – поставила точку мама. – Охранять участок кому-то надо!

– У Чехова рассказ есть, «Лошадиная фамилия», – съязвил папа, но мама отрезала: – Оставь Чехова в покое! Займись полкой в кладовке!

Тут (и тому масса свидетелей: вся семья Сомовых и эстонец Калле) на веранду вошел петух и заявил, что отныне он будет называться никаким Анри, а Юстасом. И никем больше! Петух вскочил на бруствер и во все горло проорал:

– Юстас! Юстас! Юстас!

Так за ним и закрепилось это имя. Кур называли Пеструхой и Дурой, а цыплят решили пока никак не называть. «Надо дожидаться

осени, тогда и посчитаем их, и заодно имена дадим», – решили родители.

Пеструхой курицу назвали за пестрый наряд, а Дурой – другую курицу, приземистую и бестолковую. Судя по повадкам, именно Дура вывела цыплят, но совсем не занималась их воспитанием, а стала днями напролет высиживать яйца, которые несла Пеструха. Юстас пробовал урезонить ленивицу и трепал ей загривок, но та упорно возвращалась к насиженному месту. Потом Ирина в воспитательных целях переименовала курицу в Жанну, хотя непонятно за что – Дура ей было больше к лицу.

Глава 2. Дарий-Григорий Второй

– А про Гришу-то забыли! – воскликнула мама. – Водички дай ему.

Петр достал из багажника клетку, выпустил кота.

– Прости, Григорий, отвлеклись на петуха.

– Какого петуха? – Кот потянулся и чихнул. – Свежо тут у вас!

– Да прибился, понимаешь, петух, кров искал. Не мог отказать бедняге.

– Больной?

– Не совсем. Пошли, твое место покажу.

Григорий, распушив хвост, прошествовал во двор.

По происхождению кот был персидской породы – иначе говоря, перс, чем сильно гордился, а по паспорту – Гриша, что его сильно раздражало.

– Какой я Гриша? Разве похож я на Гришу? Я Дарий!

Гриша любил смотреть телевизор, но только не новостные и развлекательные каналы, на которых показывают всякую чепуху, а исторические передачи и фильмы ВВС о животных. Одно время он смотрел передачи про еду, но после того, как увидел экспертов-диетологов кошачьей еды, утверждавших, что в сухих кормах одних марок мяса больше, чем в других, понял, что все они вруны, так как мяса не было ни в каких кормах. Из телевизора кот узнал, что в Древней Персии некогда жил царь Дарий Первый, мудрый правитель, покоривший многие народы. Поскольку Гриша считал себя мудрым и особой царских кровей, то пожелал называться Дарием, пусть даже Вторым. Он не раз пенял Петру за то, что тот записал его Гришей. Петр тщетно пытался разубедить кота, раскрывал его паспорт:

– Гриша, ну что ты вредничаешь?! Что написал, то написал. Откуда я знал тогда, что ты Дарий? Вот, смотри. Это сведения обо мне. А вот о тебе. Фото – узнаешь себя? Дальше. Имя: Гриша. Пол: Кот. Даже шифр: Один ноль – как в футболе, в твою пользу, значит.

– Это я знаю, – говорил Гриша. – У кошек ноль один, потому что

они всегда в проигрыше.

– Порода: персидская. И так далее. Что тебе надо еще?

– Ошибочка. Тут ошибка, в графе «Имя», – возражал кот. – Ты же отлично знаешь, что я Дарий. Второй. Ладно, Григорий. Был такой римский папа.

– Послушай, Григорий. Зачем тебе древнее имя? Дарий какой-то! Давай окончательно остановимся на Григории. Современно.

– Что значит, «какой-то»? Дарий по-персидски – «добронравный». Я самый добронравный кот на свете!

– Ну, не знаю. Котов называют не по паспорту, а по, пардон, морде. Вот я на тебя тогдашнего поглядел – Гриша, сейчас гляжу – конечно, Григорий! Настоящий Григорий Котовский! Только не лысый.

– Всё еще впереди, – зевнул кот.

Как бы там ни было, Ирина и дети, ничего не знавшие об этих прениях, продолжали называть кота Гришей, а Петр, дабы лишний раз не обижать воспитанника – Григорием. Сам себя Гриша с годами всё больше позиционировал с Дарием и редко снисходительно соглашался на Григория.

Такое плотное общение с Гришей нужно, конечно, поставить в заслугу Петру. Известно ведь, что коты с людьми разговаривают лишь тогда, когда те разговаривают с ними. Когда Петр взял котенка, он еще жил один, без семьи, и часто вел с котиком долгие беседы, объясняя ему, как надо есть, пить, писать и какать (Петр любил показывать всем, какой у него кот умница – ходит на унитаз!), и истолковывая исторические события и особенности поведения животных из телевизора. Гриша поначалу лишь мявкал в ответ да мурлыкал, но со временем перешел на членораздельную речь, и у них все годы шел нескончаемый диалог, который, правда, понимали только они одни.

Как-то Петр спросил Григория:

– А как ты общаешься с другими животными – с собаками, воронами?

– На кошачьем.

– Как, на кошачьем?

– Да так. У животных один язык, который Адам дал, до того, как женился. Знаешь Адама?

– Поэта Мицкевича? – почесал затылок Петр (он никак не предполагал вести с котом богословские беседы). – Или экономиста Смита?

– Да нет, просто Адама, кого бог из дома прогнал.

– Хочешь сказать, что у Адама был кошачий язык?

– Тебя это коробит?

– Да нет, но всё же...

– У всех зверей и птиц остался тот язык. Мы ведь не строили Вавилонскую башню!

– Всё равно не понимаю, – не сдавался Петр. – Как вы понимаете друг друга, если у вас всех разный язык?

– А как в оркестре – у каждого инструмента свой язык, а говорят все на общем, чтобы их человек понимал!

Справедливости ради, надо заметить, что к этой теме они больше не возвращались, конечно, скорее всего, из опаски Петра потерпеть в диалоге с котом фиаско.

Жили они дружно и сильно привязались друг к другу. Перс всегда поджидал Петра в прихожей на консоли. Однажды Гриша сильно заболел, не мог от бессилия вспрыгнуть на консоль и поджидал хозяина на половичке. Когда Петр увидел его, у него сжалось сердце от жалости. Он тут же отнес кота в ветеринарный участок, располагавшийся в доме напротив. Ветеринар радостно сообщил, что у пациента приступ мочекаменной болезни. Если бы промедлили еще пару часов, коту был бы конец. Эскулап тут же занялся Гришей, ни на минуту не прерывая своих баек.

– В воскресенье лег пораньше, думал, выплюсь. В первом часу ночи звонит женщина, рыдает – ее собаку в брюхо укусил клещ, бедняга вот-вот лапы склеит. Капни, говорю ей, маслом на клеща и выкрути его против часовой стрелки. Только задремал, снова звонит! Не выкручивается. Вези ко мне, говорю, но за беспокойство плата двойная. Привозит. Гляжу. Клеща не вижу. Где клещ, спрашиваю. Вот он, на брюхе. Ой, тут еще один. Где? Да вот! Это, милочка, не клещ. И это не клещ. Это титочки. Обрадовалась, заплатила и уехала

на такси. Люди совсем с ума сошли со своими котами и псами, и я скоро сойду с ними.

– А что ж вы работаете ветеринаром?

– Кушать иногда хочется.

Идиллию нарушила женитьба Петра на Ирине, невольно отдалившая кота и хозяина друг от друга. Когда родились Маша, а потом Даша, от малюток кот претерпел много неприятностей, начиная с их пронзительного визга и кончая постоянным тисканьем и укутыванием во всякие тряпки. Но он ни разу не поцарапал девочек, хотя иногда с возмущением шипел на них. С той поры Гриша стал мелко пакостить, особенно когда семья садилась за стол или отходила ко сну. Он отправлял свои естественные потребности, сопровождая их окончание радостным воем, яростно драл обои и мебель, открывал закрытые двери, гонял по полу мелкие предметы, а то просто орал, особенно весной. Неудобным же гостям он даже гадил в обувь. Его ругали, закрывали в ванную, пару раз посадили на ремешок, но он устраивал такой тарарам, что его тут же с извинениями выпускали на свободу.

Как-то Ирине попала статья о персидских кошках.

– Что пишут! – Ирина с возмущением посмотрела на Петра. – Нет, ты послушай, что пишут котоводы! «Персидская кошка наделена мягким и приятным голосом, но его использует не часто». Всё наоборот! Твой кот, похоже, не читал эту статью!

– Обучи! – парировал Петр.

Впрочем, Ирина срывалась редко, и особых взаимных обид ни у кого не было.

Но вот когда летом выезжали на дачу, благоденствующий Григорий пускался во все тяжкие. Он устанавливал «мудрое и справедливое правление» не только на своем участке, но и на всех примыкающих. Даже собаки вынуждены были считаться с его царскими амбициями. Особенно, когда на нем шерсть вставала дыбом, горели глаза и усы топорщились так, что ими можно было пробить доску в заборе. Связываться с «этим тигром» никто не хотел, а Григорию достаточно было факта признания его авторитета. Поэтому разгневанным его практически никто и не видел. Раз только, когда Трифон, кот с дальнего участка, пришел к Гришиной зазнобе, соседке Мурке, Григорий явил себя во всей своей красе и гнал селадона далеко за

территорию общества. Возвращаясь мимо участка зазнобы, он исполнил песнь торжествующей любви «Мурка, ты мой Мурёночек», дома с аппетитом уплел миску жаркого, после чего сморился в кресле полуденным сном.

Много неудобств Гриша испытал при переезде семьи в Петербург. Кота не разрешили взять в салон самолета, и пришлось сдать его в багаж. Когда прилетели, клетки на транспортере не оказалось. Григория принесли перенервничавшим хозяевам через двадцать минут. Оказывается, от шума двигателей и холода бедняга чуть не сошел с ума, выбил дверцу клетки, и грузчики никак не могли поймать его в грузовом отсеке.

Однако, пора вернуться в Сюсьмя.

Отобедав, Гриша решил пройтись по участку, осмотреться, пометить, где надо, границы участка, а заодно разобраться с петухом, обретшим кров у хозяина. Услышав шевеление в сарае, кот не стал заходить туда, решив не беспокоить больную птицу во время сиесты. «Пусть наберется сил», – рассудил он.

Побродив по участку и обнюхав все цветы и кусты крыжовника и смородины, уловил запах мышей, зайца и ежа. Затем кот пошел к озеру, раскинувшись перед глазами во всю ширь горизонта. На берегу он заметил недогрызенный мосол, видимо, оставленный каким-нибудь псом, и улегся рядом с ним на мягкую траву. Озеро горело золотыми и серебряными огнями, было тепло. Гриша задремал.

Разбудила кота ворона. Она подковыляла к мослу и стала долбить его. От неожиданности Гриша подскочил, распушил хвост и усы и зашипел. Но ворона ничуть не испугалась его:

– Чего жадничаешь, кот?

– Ты кто такая?

– Ворона.

– Звать как?

– Ворона и звать.

– Будешь Чернавкой.

– Это кем же?

– Да царицей, вот кем.

– Царицей – ладно, а то меня твой хозяин воровкой обозвал.

– У меня нет хозяина, – буркнул кот. – Я сам по себе.

– Рассказывай! Небось хозяин кормит?

– Небось... Вульгарная ты птица, ворона, вот что я тебе скажу! Хоть и царских кровей, хм, хм...

– Да уж какая есть!

Тут раздалось рычание, и на ворону из кустов бросился пес. Гриша взлетел вверх и с шипением упал на спину собаки. Старый пес от испуга присел и замотал головой. Перед ним в боевой стойке, изогнув спину и задрвав трубой хвост, стоял крупный рыжий кот, который не думал ретироваться. Связываться с таким было не резон, но и сдаваться тоже как-то обидно. Спасла положение ворона.

– Так это ты, Маклеод! – воскликнула она. – Чего бросаешься на старых друзей? Забыл, как я тебе на той неделе кость дала?

– Извини, обознался. Я думал, это ворона со двора Аарна Какконена.

– Ну что ты! Разве я похожа на побирушку? Кстати, меня с сегодняшнего дня звать Чернавка. Царица, то есть.

Тут послышалось:

– Григорий! Ты где? Кис-кис-кис!

– Тебя зовут, Григорий! – каркнула Чернавка. – Хозяин.

– Ага, небось. – И кот не спеша с царским достоинством пошел по тропинке на голос Петра.

Глава 3. Гормоны счастья

- Где пропадаешь? Зову, не откликаешься, – спросил Петр.
- С песиком подружился. Верная псина.
- На службу хочешь призвать? – насмешливо спросил хозяин.
- Староват. Пусть в приятелях походит, а там посмотрим. На службу я Чернавку нанял.
- Это еще кто?
- Ты знаешь ее. Ворона. Ты ее воровкой обозвал.
- А-а, достойная компания. Чем промышлять думаете? Смотри, тут воришек не любят.
- Ты выпил? – ушел кот от темы.
- С чего ты взял?
- Учуюл. Ты ж знаешь, я эксперт.

Когда подошли к домику, эксперт учуюл еще одного выпившего – Калле. Эстонец откинулся в кресле и блаженно улыбался.

- Твой друг? – спросил кот.
- Сосед. А там посмотрим. Иди, поспи, а мы посидим, пока наши не вернулись.

Когда Ирина уехала в магазин, Петр хотел заняться полкой в кладовке, но пришел Калле, под градусом. По словам эстонца, на высоких широтах жизнь может идти достойно только под высоким градусом.

– Петр! Тебя ждут крупные неприятности! – Калле уселся в кресло и, похоже, надолго. – Кур чужих присвоил? Ja, да, присвоил. О намерении содержать кур в городском доме в коммуно сообщил? Ei, нет, не сообщил. Курятник как надо оборудовал? Ei, нет, не оборудовал.

– Не части! – Петр достал из холодильника пиво. – Кур я не присваивал, сами пришли. И я их не содержу, разок крупы насыпал. А как оборудовать мой сарай, извини, я разберусь без финского государства!

– Ошибаешься! Не разберешься! Тебе советчик нужен, а лучший советчик – это я. Слушай. То, что куры финна Инту Мартонена сбежали к русскому, уже в Лапландии знают, это далеко на север. Так что скоро этот Мартонен явится за ними, придется отдать, да еще с вознаграждением, если не хочешь с полицией разбираться. Куры у тебя, значит, ты их и содержишь, а о своем намерении содержать кур ты коммуне (конкретно Аарно Какконену) не сообщил.

– Какое намерение, куры пришли, я их и приютил. И тут не город!

– По российским меркам не город, а по финским город! Средневековая церковь, два театра, дом молодежного творчества, два музея, библиотека, два фестиваля, десять вилл – что там еще? Заповедник, дендрарий, крупный балансирующий камень Сюсьма на вершине плоской скалы Хейнола. Три шикарных магазина, рынок, ярмарка, асфальт, коттеджи. И всё это на четыре тысячи горожан! «Не город» – именно город! А вот сколько квадратных метров ты выделил курам? Пол сарая? Пять метров. Петух, две курицы, пять цыплят – восемь. А на каждую птицу положен один квадратный метр!

– Пять цыплят, это ж не куры! И вообще курица не птица...

– Шути-шути, я тебе серьезно говорю. Подлей-ка. Это еще не всё. На петуха нужно особое разрешение. А чем кормишь их?

– Что было, тем и покормил, рисом, пшеном.

– Ну вот! Защитники прав животных придерутся, не отборным зерном кормишь, моришь птицу!

– Да я же морю ее тем, чем и себя морю!

– Не важно. У них написано, что кормить птицу надо отборным зерном!

– Слушай, Калле, поговорим о чем-нибудь другом. Свалились эти куры на мою голову! Что-то Дениса Волочаева давно не видно. Зинку видел, а он где?

Волочаевы были тоже из Петербурга. Они жили напротив Сомовых, на взгорке. Маклеод был как раз их собакой.

– Ты не знаешь? А, вас же не было прошлой осенью. Да и зимой тоже. Денис с Зинаидой в конце сентября хорошо собрали белых

грибов, продать – на машину хватит. Насушили, весь дом провоняли. Как-то Денис на рыбалку пошел. Вернулся за полночь. Замерз, как суслик, проголодался, выпил, закусил чипсами из пакета, стал наливать в ванну шампунь и уронил флакон. Взбил пену и целый час лежал в ней, как эта, ну которую ты поминать любишь...

– Афродита.

– Она. После ванны пошарил по кастрюлькам, еды никакой. Зинаида спала уже. С полки достал еще один пакет с чипсами. Утром его разбудили вопли жены. Та орала так, что разбудила пол посёлка. – Калле замолчал, сосредоточенно прожевывая колбасу и улыбаясь.

– Чего орала-то? – не выдержал Петр.

– Кто? А, орала, потому что Денис весь покрылся собачьей шерстью. Как Маклеод. С тех пор Зинка стала в моельный дом ходить.

– Почему он шерстью-то покрылся? Сглазили?

– Какое! Маклеод постарел, шерсть клочьями лезла. Вот Зинаида и купила два пакетика гормонов для роста шерсти. Там надо по чуть-чуть добавлять в еду. И шампунь – по чайной ложке для мытья шерсти. На псарню хватило бы, а Денис оприходовал всё за раз. Вот и оброс за ночь.

Петр с недоверием отнесся к этой истории, поскольку Калле и без градуса сочинял иногда такое, чего отродясь не было даже на экваторе. Ну да небольшая ложь лишь украшает беседу.

– И где он теперь, Денис?

– Тут несколько передач прошло. В Америке даже показывали. Денису оттуда письмо пришло, из собачьей клиники доктора Мопса, звали к себе, обещали вывести шерсть и вернуть человеческий облик. Оплатили всё – и проезд, и проживание, и лечение! Профессор Мопс снял фильм, книгу издал с фото Дениса до и после. Я видел. Классные фотки!

– И где сейчас Денис?

– У вас, в Железноводске. Лекарствами сбил себе кислотно-щелочной баланс, теперь восстанавливает.

– Надо Ирине рассказать. А вот и она!

К дому подкатила машина. Петр с девочками перетаскал пакеты, а Ирина прошлась по двору. Заметив уснувшего Калле, она позвала мужа:

– Петь, а чего это Калле спит?

– Спит, – подтвердил Петр. – Столько ужасов рассказал о проблемах, которые куры могут принести.

– Я вижу. Я хорошо вижу, как вы решали эти проблемы!

– Да ладно тебе! Я серьезно...

– Ну тебя! Какие проблемы от кур? – Она приблизилась к кусту, под которым копались куры. Петух на нее не отреагировал. Ирина подошла к нему и погладила по спине. Юстас дернулся, остро взглянул на новую хозяйку, но агрессии не проявил.

– Молодец, Цербер ты наш!

– В греческой мифологии Цербер – порождение Тифона и Ехидны, – уточнил Петр. – Он трёхголовый, как наш Змей Горыныч. Прежде чем в лапшу его класть, три башки надо срубить, но лапша всё равно отравленная будет, у него слюна ядовитая.

В детстве Петр запоем прочитал пятнадцать раз кряду «Мифы и легенды Древней Греции» Н. А. Куна и с тех пор по всякому поводу делал экскурсы в культуру Эллады, что не совсем нравилось Ирине.

– А то еще есть совсем жуткие создания – сторукие гекатонхейры...

– Фу! Гадость какая! Вечно ты со своими древними греками! Где они? Где ты их увидел? – Ирина широко повела перед собой рукой.

Греков и впрямь нигде не было. Зато с пригорка, с которого устремлялись высоко ввысь тонкие березы, спускалась Зина Волочаева. Зинаида была, конечно, не сторукой, но вполне гекатонхейрой, так как ей и двух рук хватало, чтобы присвоить что-нибудь чужое. (Она работала продавщицей в овощном отделе универсама). Точь-в-точь Чернавка, только в человеческом облиции. В Финляндии Зине стоило огромных усилий держать себя в руках, чтобы не брать то, что плохо лежит. А тут всё плохо лежало. Лодки, велосипеды, двигатели, машины, дрели, садовый инвентарь, строительные материалы лежали и стояли там, где их оставили только что или год назад, без цепей и замков; дома, гаражи и сараи

редко запирались на ключ, а если и запирались, то все в округе знали, где он лежит. Хотя, по мнению финнов тут плохо лежали лишь пустые банки из-под пива, обертки от мороженого и окурки, которые бросали под ноги новоселы из России.

– Маклеода не видели? – спросила Зинаида.

– Да вон он, на берегу, – указал Петр. – С нашим котом подружился.

– Круто! – сказала Зинаида. – Слышь, Петь, пивка нет? Что-то горло пересохло.

«Права финская поговорка: «Мужчина без жены – что сарай без крыши», – подумала Ирина. – А жена без мужа – что крыша над Парижем».

Глава 4. Посланица богов

С Юстасом Гриша познакомился уже вечером после глубокого спокойного сна. Потянувшись, он вышел на террасу и увидел под кустами смородины красного петуха с семейством. Кот еще разок потянулся, размял косточки и направился к курам. Петух грозно застыл на его пути. Но Григорий вовсе не думал ссориться с нездоровой птицей, хотя та на вид вовсе не была таковой. «С чего это Петр решил, что петух больной?» – подумал кот, упустив из виду, что так решил не хозяин, а он сам. Гриша, не приближаясь к главе куриного семейства, сел, миролюбиво умылся и мурлыкнул:

– Привет что ли!

– Привет! – отозвался петух. – Ты кто?

– Я перс, Дарий-Григорий Второй.

– А я Юстас. Единственный, – добавил петух.

– И я единственный. Просто из царей я второй. Говорят, ты болен?

– Что? – спросил петух. – Не понял.

– Раз не понял, значит, здоров. Дольше проживешь. Пошли на бережок, перетрем. А пернатых тут оставь. От них писк один.

Оставив Пеструху с цыплятами (Дура-Жанна сидела в сарае) во дворе, Григорий с Юстасом прошли к мосткам возле лодки Петра. Вскоре к ним присоединился и Маклеод, рыскавший по камышам в поисках уток и прочей водоплавающей птицы. К петуху он отнесся с подозрением, но без враждебности. Не успела тройка найти общий язык, как прилетела Чернавка. Она уселась на лодке и с интересом прислушивалась к беседе.

– Кто это? – спросил Юстас, скосив на ворону глаза.

– С вашего позволения Чернавка, царица! – опередив всех, представилась ворона. – По мнению вашего нового хозяина, воришка. Это у него ошибочное мнение, так как я не ворую, а лишь беру то, что лежит без призора. Это не воровство. Воровство, когда берешь то, что охраняется.

– Что-то мудрёно, – сказал Григорий, – И это уже грабеж.

Тут Григорий вспомнил, что сболтнул Петру о том, что нанял ворону.

– Я вот что подумал, Чернавка. Сослужи-ка ты нам службу. Решил я оказать тебе царскую милость и, поскольку ты сама царица, взять тебя на царскую службу.

– Какую? – с готовностью откликнулась ворона.

– Посланницей. Посланницей богов. А нас трое: я, Дарий-Григорий Второй, Юстас и Маклеод.

– А что посылать?

– Посылать не надо, Надо лететь туда, куда посылают.

– Это я и так делаю, без службы, в качестве хобби.

– За особые поручения будет особое, царское вознаграждение. Какую пищу предпочитаешь?

– Какую найду, ту и предпочитаю.

– Я имею в виду царскую.

– Зимой и хлебная корка – царская еда.

– Упрощаешь! Представь настоящий царский обед...

– Как у Аарно Какконена? Он иногда готовит шашлык, вот это по-царски, хотя около костей мясо вкуснее.

– Разбираешься, – хмыкнул Маклеод. – Шашлык-то удалось попробовать?

– Да! Сам всё съедает, даже жилы.

– Прекрасно! За службу будешь получать от Аарно Какконена шашлык! Обещаю, все трое приложим к этому лапу!

– Боюсь, я не приложу, – сказал петух. – Я частичный вегетарианец.

– Почему частичный?

– Червяков люблю.

– Ты, Юстас, отвлекать будешь Аарно, а я уж как-нибудь стяну пару кусков, – успокоил его кот.

– Вот мы и вместе! – резюмировал Григорий, на что ворона живо

откликнулась:

– «Вот мы и вместе», – сказала бабка, как с волком в яме очутилась.

Маклеод, всё время молчавший, поднял нос, втянул воздух и подал голос:

– Какконен шашлычок готовит. Сыроват еще. Может, попробуем?

Направились к дому Какконена. Чем ближе подходили, тем больше нравственно страдал Маклеод от аромата изощренного блюда.

– Вы идите, я тут подожду, – не вытерпел он. – Для моей психики это слишком. Давненько не пробовал мяска. Зинаида перестала в магазин ездить, воздухом, что ли, питается.

Во дворе Аарно Какконен колдовал над мангалом. Он то и дело проворачивал над углями три шампура, поливая большие куски мяса маринадом.

– Это он напрасно делает, – заметил кот. – Вовсе не обязательно поливать. Вот что, Юстас. Лезь в кусты и хрипи оттуда погромче. Да сухими ветками потрещи. Только не кукарекай, догадается. Сможешь?

– Запросто!

Так и сделали. Юстас забрался в гущу и стал громко хрипеть и топтаться по сухим веткам. Какконен снял шампуры с огня, чтобы не пережглись, и подошел к кустам. Григорий в это время метнулся к мангалу и стянул один шампур.

– Получай, Чернавка, аванс! Учти, обжегся, пока тащил.

– Ребята, а мне кусочек можно? – уронил слюну Маклеод.

– Бери, друг! – сказала Чернавка. – Мне трех кусков хватит, пять ваши.

Григорий великодушно отказался от своей доли, и пес в мгновение ока проглотил пять кусков и уставился на ворону, рвущую крепким клювом ароматное мясо.

– Маклеод, не сглазь! – засмеялся кот.

– Ладно, бери еще один, – разрешила ворона. – Мне двух кусков хватит.

Каково же было удивление Аарно Какконена, когда он, вернувшись к мангалу, обнаружил пропажу одного шампура! Потрясенный бедняга обшарил весь двор и даже оглядел со всех сторон близстоящую сосну, точно шашлык мог сам вознестись на нее. В тот же день он рассказал об этом чуде всем знакомым. Вечером Калле, случайно встретив Петра возле помойки, поведал ему о том, что Аарно Какконен стал готовить шашлык (из петуха!), и тот, не успев дожариться, взвился с мангала прямо в небо!

После того, как Маклеод славно поужинал, он повел Григория к себе показать свой двор. На старости лет пес предпочитал спать в доме, в тепле, но Зинаида так громко храпела, что он долго не мог уснуть, а если и засыпал, то ему снились жуткие монстры, от которых он никак не мог убежать или спрятаться. В конце концов, пес нашел себе уголок на террасе под столом, притащил туда старую куртку Дениса и стал на ней спать.

Григорию понравилась лежанка приятеля.

– Не дурно! Не дурно! – похвалил он. – Свежий воздух, звезды! Романтика!

Тут он вспомнил, что вчера в телевизоре услышал свою песню «Мурка, ты мой Мурёночек»!

– Ты представляешь, – воскликнул кот, – поют «Мурка, ты мой Мурёночек», а автора слов и музыки не называют! Это же моя песня! Я ее посвятил одной из моих невест. Помню, пел ей: «Мурка, ты мой Муреночек!», а она мне: «Гриша, ты мой котёночек!» Надо же, спели, а меня не назвали! Плагиат!

– Ты письмо напиши на ТВ, – посоветовал, зевнув, пес. – Пусть извинятся и сосисок пришлют, молочных.

– Пришлют они, ага! Сами слопают! Видел бы ты, сколько они в телеке еды готовят. Сготовят и тут же едят! С утра до вечера!

– Может, их на убой откармливают?

– Не думаю. Кто их есть станет?

Глава 5. Оковы сняты!

В шесть утра поселок еще спал. Рано встают лишь по нужде. Но Юстас уже бодрствовал и, стоя на садовой скамейке, каждые три минуты громко и протяжно возвещал миру о приходе нового дня. Красуясь и горланя на открытом месте, да еще при отсутствии людей, петух сильно рисковал, подзабыв о том, что самый ранний петух – первая добыча ястреба. Но на этот раз пронесло – ястреб кружил в небе вдали от поселка. Зато прилетела Чернавка. Каркнув, что у нее есть новость, ворона сорвалась, полетела к Маклеоду и оглоушила пса известием, что Инту Мартонен с дочкой только что выехал из дома и едет за Юстасом.

– Откуда знаешь? – откашлялся пес. – Постой, промочу горло.

– Знаю, – ответила ворона. – Не твое дело, откуда. Будешь знать – скоро состаришься.

– Да уж куда стариться, – буркнул Маклеод. – Мосол уже не могу разгрызть.

– Надо отвести тебя к родне. К Ворону. С ним я, правда, в контрах, но он омолаживает. Особенно дур ворон!

– Омоложусь еще. Юстаса надо предупредить!

Петуха застали всё в той же позе и с той же песней.

– Юстас, хватит глотку драть! Хватай семью и тикай отсюда, Мартонен едет!

Потеряв от известия голос, петух с трудом выдавил из себя:

– Кто сказал?

– Я говорю! – Чернавка с возмущением посмотрела на тупицу. – Кто сказал?!

Юстас забежал в сарай. Послышались шум, кудахтанье, писк, из сарая выскочила Пеструха, следом цыплята, последняя кубарем вылетела Дура-Жанна.

На террасу степенно вышел Григорий и, жмурясь от солнца, поинтересовался:

– Что за шум с утра?

– Мартонен едет! – каркнула ворона.

– И что? – невозмутимо сказал кот. – Мало ли тут их ездит Мартоненов! Тут все Мартонены. Из-за каждого шуметь?

– Инту Мартонен едет забирать Юстаса! Да еще со своей дочкой Миией, та своего не упустит. Вся в мать и отца. Шишка недалеко от ели падает.

– Хватит болтать! Стать в строй! – скомандовал петух своим. Те стали ломаной линией перед папашей. Цыплята было запищали, но Дура-Жанна, впервые проявив материнскую заботу, стала клевать им загривки.

– Отставить! – приказал Юстас. – Сейчас выступаем! Идем вглубь острова!

– Я поведу вас! – воскликнула ворона. – Я знаю вышку, на ней укроемся!

– Не суетись, Чернавка! – охладил кот вороний пыл. – Как они взберутся на вышку? На вышку могу взобраться один я. Ну и ты, конечно. Им надо что-нибудь пониже. Знаешь какую-нибудь пещеру или заброшенный дом?

– Я знаю, – вспомнил Маклеод. – Недалеко от вышки есть дом лесника, он пустует уже года два. Там и гараж есть, для велосипеда. Мы там были с Денисом.

– Я тоже с вами пойду, – сказал Григорий. – Малость перекушу. Возле лодки подождите.

– Я их подальше уведу, – сказала ворона, – а то ими перекусит Мартонен.

Юстас посадил в Машину корзинку цыплят, приказал им не пищать и не прыгать, туда же поставил ведерочко с зерном и попросил Макледода нести корзинку. Пес взял ручку корзинки в пасть, и отряд двинулся в путь. Цыплята, видя над собой оскаленную пасть собаки и ощущая ее жаркое дыхание, испуганно запищали, но батюшка прикрикнул на них, что оставит их на съедение Мартонену. Устав бояться, цыплята успокоились. Вскоре им стало казаться, что пес улыбается, и они уснули.

Едва успели беглецы скрыться из виду, как к дому подкатила машина, из которой вылезли толстый пожилой мужчина с девушкой,

а с ними Аарно Какконен и Калле. Подойдя к крыльцу, они стали что-то обсуждать. Григорий оторвался от своего блюдечка, чтобы разглядеть приезжих.

«А почему Калле? Похоже, переводить будет. Финны-то друг с другом столкнутся и без переводчика, а с русскими нужен толмач», – рассудил Григорий. Разбудив Петра (хорошо, тот спал на диване), кот сообщил ему о нашествии финнов и о том, что куры уже – благодаря его заботам – вне опасности. Григорий вспомнил фильм, где черные рабы, рискуя жизнью, убежали от белых рабовладельцев, и пожалел, что не досмотрел его до конца. Что случилось с ними? Тут раздался стук в дверь.

– Петр, встречай! – позвал Калле.

Петр вышел на крыльцо, пожал приехавшим руки и, предупредив, что все еще спят, пригласил гостей в дом. Усадив их на диван, подsunул журналы с фотографиями садов и интерьеров Финляндии.

– Калле, переведи им: люблю тысячеозерный край! Швеция богаче, но Финляндия милей! А я пока кофе сооружу. Чего принесло спозаранку?

– Я ж тебе говорил! За курами. Позвонили, чтоб переводил.

Эстонец о чем-то долго шептался с финнами, потом сказал:

– Хотели компенсацию содрать, но я уболтал их. Компенсируешь мне, когда моя уедет куда-нибудь.

– Прошу за стол, – пригласил хозяин гостей. – Кофе с бутербродами.

Не успели допить кофе и несколько натянуто пообщаться, как из спальни вышла заспанная Ирина в ночной сорочке.

– Чего шумите? – Увидев гостей, она ойкнула и скрылась в спальне. Вышла в халате.

– Ирина, – представил ее Калле. – А это Инту Мартонен, его дочь Миия, Аарно Какконен.

– Всё о'кей? – спросила Ирина гостей.

– О'кей, о'кей! – успокоил ее Калле.

– Мы за курами, – сказал Петр.

Двери сарая оказались открытыми настежь. На пороге лежал растрепанный пучок сена. Кур внутри не было, не было их и во дворе. Петр в задумчивости смотрел на сарай. Мартонен сказал что-то Калле.

– Спрашивает, кто открыл дверь?

– А я откуда знаю? Вы же меня разбудили.

Финны подозрительно поглядывали на Петра и о чем-то спорили. Калле не стал переводить, а пришел Петру на выручку:

– Похоже, и от тебя смылись. Не съел же ты их?! Скажу, не знаешь, где они.

Эстонец обратился к финнам, и те затараторили еще громче.

– Не верят, – пояснил Калле. – Говорят, спрятал.

– Где я их спрятал?! Пусть осмотрят дом, сарай, двор!

Какконен предложил гостям осмотреть владения Петра, но Калле всё же убедил финнов не раздувать из-за кур международный скандал – ясно, что птиц нет, ведь не слышно их голосов.

Не солоно хлебавши, Мартонены сухо попрощались и укатили в свой поселок, а Какконен с Калле разошлись по домам.

Беглецы тем временем, опасаясь преследования Мартонена, были уже за поселком. И хотя проводником была ворона, истинным проводником себя считал Григорий, догнавший их уже за последним домом. Он шел впереди всех, задрав хвост трубой. А ворона пусть летает там наверху – тешит себя нехитрым своим делом!

Идти по утоптанной тропинке было легко и приятно, и кот невольно очаровывался красотой местности. Во всяком случае, Дарий-Григорий Второй, воспитанный на телефильмах о разнообразии животного и растительного мира, имел хороший вкус и умел ценить природную красоту! Особенно сейчас, ранним июньским утром, на этой чудесной тропинке, огибавшей озеро. Огромные и стройные, как струны, светлые сосны и березы сменялись такими же огромными, но тяжелыми угрюмыми елями. Там и сям лежали разбросанные ледником валуны и глыбы, похожие на яйца доисторических монстров. Поляны не созревшей еще черники и брусники перемежались папоротниковыми коврами. Кот с интересом отметил, как появилось два солнца. Одно отсекало зеленые верхушки

деревьев, росших ниже к воде, а второе резало бурые и белые стволы у основания. Оказывается, вверху было настоящее солнце, а внизу всего лишь его отражение в озере, и то не одно, а неожиданно два, три, пять отражений – в зависимости от ширины водоема в этом месте. Когда шли ельником, стало прохладно и тревожно, и богатому воображению кота померещился уродливый ящер, с клёкотом вылетевший из темной чащи. Григорий даже на мгновение замер, но тут же прогнал свои фантазии. И тут едва не наступил на гадюку, гревшуюся на плоском камне прямо на тропинке. Она была точь-в-точь под цвет камня.

Кот остановился и предостерегающе поднял лапу. Петух, увидев змею, хотел тут же наброситься на нее, но Григорий успел остановить безумца.

– Я поговорю с ней. Я знаю, как надо общаться со змеями. А вы уйдите с тропинки и встаньте в сторонке, на том пригорке.

Кот подошел к гадюке ближе и уселся на задние лапы. Умывшись (он считал, что со змеями надо разговаривать только тщательно умывшись), Григорий обратился к пестрому кожаному чулку. Голос его был мягок и бархатист, он успокаивал и гипнотизировал.

– Доброе утро, красавица... Какое сегодня прекрасное солнце... И настроение чудесное... Недалеко отсюда я видел чудную мышиную норку и слышал, как в ней пищат мыши... Недалеко, прямо по тропинке, сразу за поворотом с правой стороны... Кстати, там же, но надо спуститься ближе к воде, болотце и в нем лягушки...

Не поблагодарив информатора, гадюка шмыгнула мимо него и заскользила по тропинке.

Путники тронулись дальше. Вскоре тропинка раздвоилась, предлагая идти дальше вдоль озера, либо в сторону и вверх, вглубь острова. Ворона прокричала, что надо идти направо, и кот повел отряд в гору, в гущу леса. Появилось много глыб, упавших деревьев, сломанных старостью и ураганами. Приходилось то и дело перепрыгивать с камня на камень, огибать валуны, перелазить или подлезать под упавшие березки и осины – здесь они были совсем другие, чем на берегу, – карликовые и хлипкие, прорастать сквозь заросли калины, барбариса, шиповника. Нелегко было Маклеоду на старости лет демонстрировать эквилибристику с корзиной в пасти!

Но пес успешно справлялся с царским заданием.

Ступать правее или левее тропинки было страшно, так как земля была покрыта пухлым слоем пружинящего мха, тысячекратно перегнившей листвы и сосновых иголок, трухлявых стволов и веток – под этим покровом наверняка были провалы, расщелины, ямы с неведомыми гадами и чудовищами!

Наконец вышли к вышке. Ворона взлетела на нее и проорала оттуда, что дом лесника уже близко. Похоже, тут уже много лет не было живой души. Всё же пришлось идти по пухлой почве сквозь заросли, паутину и колючки. Под лапами глухо потрескивали гнилые ветки, они то и дело погружались в бурое месиво перегноя. Но вот и дом, черный, покосившийся, с лопнувшими стеклами и дверью на одной петле. Осторожно зашли внутрь. Было глухо и пусто. Рядом с крепко сколоченным столом стояли две скамьи, вырубленные из сосновых стволов. В углу стояла допотопная койка с панцирной сеткой и никелированными шарами на спинках. Поперек ее лежал полосатый матрац, подушек и одеяла не было. Не было ни посуды, ни одежды, ни запасов еды. В небольшом шкафчике стояла банка с затвердевшей солью, лежала коробка отсыревших спичек, толстая оплывшая свеча и два желтоватых кусочка сахара-рафинада.

– Да, братцы, не разгуляешься, – сказал Маклеод. – Придется таскать еду из дома. Боюсь, один не справлюсь.

– Почему один?! – с возмущенно воскликнула ворона. – Мы с Дарием-Григорием Вторым поможем! Ведь поможем?

– Поможем, – кивнул кот. – Щедро, по-царски. Да можно и тут мышей половить. Чую, есть.

– Кому ты хочешь мышей половить? – спросил пес. – Где ты видел кур, которые едят мясо?

– Юстас любит червяков. Сам говорил.

– Курица не птица, червяк не мясо! – опрометчиво произнес Маклеод.

– Но-но-но! – предостерег петух. – Чтобы я в последний раз слышал это!

Уже вечерело, в доме сгустился сумрак. Загустела и тишина. Она стала как кисель, который очень любили Маша и Даша, а Григорий терпеть не мог! То ли дело зеленые оливки и черный кофе!..

Уставшие и голодные путешественники сидели на скамьях и тупо глядели на пустой стол. Не было сил выйти из дома и поискать что-нибудь съестное. Птенцы уснули, съев перед этим всё прихваченное зерно, а взрослым мерещилась вкусная еда: Маклеоду – кость с мясом, Григорию – всё те же зеленые оливки и черный кофе, Чернавке – кусочки шашлыка, а Юстасу с женами – червяки и зерно. Им уже стало казаться, что сейчас они готовы съесть всё, что угодно, хоть волка. Однако усталость вскоре сморила всех.

Куры тоже стали кемарить, как вдруг в дверь постучали. Звук был тихий, осторожный и оттого устрашающий. Дверь была приоткрыта, и с добрыми намерениями кто бы стал стучать? Подал бы голос и зашел с дружеским приветствием. Кто? Петр? Если Петр, ладно. Хотя он и без стука зашел бы. А вдруг рабовладелец Мартонен?! Отсюда не убежать, не вырваться, даже если Юстасу стать грудью на защиту своего семейства, и всем его друзьям прийти ему на помощь.

– Я сейчас, – сказала ворона. – В окошко выскочу и посмотрю.

– Я с тобой, – поддержал ее Григорий. – Ты сверху смотри, а я снизу.

Через несколько минут они вернулись в дом и сказали, что рядом с домом никого нет. У дверей лежит то ли белый тюк, то ли полиэтиленовый пакет, наполненный под завязку, и черное ведро на нем, видно лесник забыл.

– А кто-нибудь видел этот пакет, когда заходили? – спросил Маклеод.

И тут снова послышалось: «Тук-тук! Тук-тук!»

– Вот, – пошутил Григорий. – То тюк, то тук! А потом так-так!

– Смотрю я на вас, братцы, и ржу, – стала насмехаться над боязливymi спутниками ворона. – Смотрю и ржу...

– Смотри, ржой не покройся! – сказал Григорий. – Ржет она! Слышала бы ты, как ржет тяжеловоз жеребец Титан породы брабансон! Не похвалялась бы тут! Кстати, неплохо было бы этого жеребца сюда, разогнать страх-тоску. Вот так! Так-так!

И тут в третий раз раздался стук, и скрипнула дверь...

Глава 6. Добрый край

– Так-так! – раздался скрипучий, но вовсе не противный голос. – Так-так! Кто зовет меня?

Глазам ошеломленных скитальцев в дверном проеме предстало белое создание, напоминавшее снеговик, с передними лапками, как у белки, хвостом с кисточкой и в черной шляпе. У куриц и Маклеода душа ушла в пятки, даже Юстас и Гриша слегка смутились. Ворона же предпочла юркнуть в окно и наблюдать за происходящим снаружи.

– И вот на «так-так» явился Так-так! – пробормотал опомнившись кот. – Добро пожаловать, херра^[1] Так-так! – Сломав пять спичек, Григорий зажег свечу и примостил ее в щель на столе.

– Рад видеть вас, мои друзья, в нашем Добром краю! Не обессудьте, что нет провианта, но это чепуха. В получасе ходьбы живет славная старушка, родом из России – там ее по досадной ошибке прозвали бабой Ягой. Так вот, она моя троюродная бабушка, а я ее двоюродный внучатый племянник, внук ее двоюродной племянницы. Вижу, запутал вас. Короче, седьмая вода на киселе. Я столуюсь у нее. Бабушка рада будет принять нас и накормить от пуза.

– На лопату посадит и в печь! – прошептала Дура-Жанна. Порой и ее осеняла мысль.

– Первую тебя! – зашипел на нее петух. – Нишкни!

– Позвольте представить вам, херра Так-так, моих друзей! – Кот справился со смятением. – Начну с себя. С вашего позволения, сэр Дарий-Григорий Второй, персидскоподданный. Это мои спутники: шотландский барон Гордон Первый Маклеод Единственный, рыцарь Юстас с двумя Дульсинеями, Пеструхой и Д'Жанной, посланница богов, близкая родственница вещего Ворона Чернавка, ну а там спит мелочь пузатая, пока никто. У них обряд инициации по осени будет.

– А что за обряд? – неожиданно заинтересовался Так-так.

– По осени посчитают и решат, быть им курами или табака.

– Турецким табака? – уточнил Так-так.

– Зачем же, финским.

Д'Жанна, попыталась было возразить их благородию, позволившему себе небрежно, вскользь отозваться о ее талантливых детках, но супруг так грозно взглянул на нее, что курица осеклась и не посмела открыть клюв.

– Прошу прощения, херра Так-так, за излишнее любопытство... – Кот сделал паузу. – Вы служите клерком или член Палаты общин?

– Иногда меня называют кодин-халтья, хотя кодин-халтья – даже не клерк, заурядный домовый, маленький человечек, вроде гнома, а я, как видите, посолоннее, просто Так-так. Кстати, дальний родственник Муми-тролля, очень дальний, десятая вода на киселе. Но вовсе не муми-троль. И даже не ложный муми-троль. Ну что вы! Это грибы сплошь ложные да царевичи! Конечно, отдаленно я похож на представителя этого славного рода, но все же я просто Так-так, единственный в своем роде. Это мой титул: Единственный в своем роде.

– Как и у меня! – с восторгом произнес Маклеод.

– Ну как же, как же! – воскликнул Григорий. – То-то я гляжу, знакомая морда! Ну конечно же, вы, херра Так-так, Единственный в своем роде, из Долины Муми-троллей, что под Турку! Как же, как же!

Спутники кота с благоговением посмотрели на крупнейшего знатока истории Суоми и ее культуры, а Так-так и вовсе снял перед ним шляпу.

– Повторяю, я не совсем муми-троль, я просто Так-так, Единственный в своем роде.

– Присаживайтесь, херра Так-так, Единственный в своем роде! Вы же хозяин, а мы ваши гости! Я преклоняюсь перед вашим королевским смирением! – в очередной раз улестил хозяина кот.

Хозяин уселся и стал с любопытством разглядывать незваных гостей, вокруг которых плясали и извивались тени, покинувшие стены жилища. Посидев и помолчав минут десять, он поднялся, надел шляпу и предложил отправиться к бабушке. По его словам, та, зная об их приходе, уже третий час печет вкуснейший пирог из ржаной муки – калакукко с лососем и перловкой и неделю назад замутила бражку.

– Позвольте, – беспокоился Юстас, – но по-фински кукко – петух! Уж не из петуха ли пирог?

– Уха из петуха! – пошутил Маклеод.

– Ну что вы, что вы! – успокоил Юстаса Так-так. – Она в курсе, что среди едоков будет петух! Как бы она допустила это!

– Как же получается, херра Так-так, Единственный в своем роде, – осторожно спросил кот, – мы знакомы всего четверть часа, а ваша бабушка уже третий час печет для нас пирог и неделю назад замутила бражку? Как такое возможно?

– Что вы удивляетесь, херра Дарий-Григорий Второй? Тут всё известно на неделю вперед. Аномальная зона. Не бойтесь, это не обычная аномальная зона, где происходят всякие ужасы, а единственная необычная, хотя тоже рождена поворотом подземной реки и особым узлом невидимой земной сетки. Аномальная зона добра, Добрый край. У нас еще будет время, и я расскажу о ней. Вам как, комфортно? Не чувствуете беспричинного страха?

– Нет! – сказал кот. – Одно лишь бесстрашие!

– Вот и отлично. Ну что, идем? Свечу захватите, а у меня есть фонарик.

Путники выбрались из дома. Свежий ветер тут же задул свечу. Настала ночь, и поскольку к вечеру стянулись облака, темень была, хоть глаз выколи. Так-так зажег фонарик и повел гостей по едва заметной тропке. За Так-таким шли вереницей ворона (она не стала лететь, боясь напороться на торчавшие в беспорядке сучья и ветки), кот, петух с женами, замыкал отряд пес с цыплятами. Гриша какое-то время терпел ворону впереди себя, но, в конце концов, занял ее место. Проводник изредка останавливался и ощупывал фонариком путников, чтобы удостовериться, не отстал ли кто от группы. Когда узкий луч света прыгал по нависшим веткам, то и дело проваливаясь в бездонную темноту, становилось жутко, но голодным и смертельно уставшим путникам было не до страха. К тому же заметно похолодало. Все мечтали поскорее дойти до приюта, согреться, поесть и как следует отдохнуть. Ведь впереди была полная неизвестность. Край, может быть, и добрый, но к кому? Одним цыплятам в корзинке, прижавшимся друг к другу, было уютно и тепло от дыхания Маклеода.

– Вот мы и пришли, – произнес Так-так и осветил фонариком

небольшую бревенчатую избушку.

– А мы поместимся там? – спросил Григорий.

– Поместитесь! Это снаружи избушка выглядит маленькой, а внутри просторно! Я ж говорил про аномальную зону. Тут не только за неделю вперед всё известно, а и пространство раздвигается в любую сторону на пятьсот километров. Хоть до поселка вашего первого хозяина Мартонена, славный рыцарь Юстас, или до вашего Петербурга, славный шотландский барон Гордон Первый Маклеод Единственный.

– Из избушки можно попасть прямо в мой дом? – спросил кот.

– Да запросто!

– Что, и Мартонен может попасть в избушку? – забеспокоился петух.

– А вот это нет! Здесь одностороннее движение, полупроводник, если проходили физику твердого тела. Туда можно, оттуда нет. Оттуда только тем путем, которым я вас привел. Ну да что мы стоим? В ногах правды нет.

Так-так снял шляпу и пригласил пройти в избушку. Гостей встретила старушка, опрятно одетая, в цветастом передничке, гладко причесанная, без всяких пресловутых косм, о которых столько наврали всякие сказочники. Лучезарно глядя на входящих, она протягивала им хлеб-соль и приветствовала:

– Добро пожаловать в мой дом!

Так-так представил ее гостям:

– Моя третьестепенная бабушка, руова^[2] Лоухи.

– Вообще-то я нэйти,^[3] – поправила третьестепенного внука старушка, – но это неважно. Я не имею никакого отношения к той Лоухи, что в «Калевале», но я тоже родом из Карелии. Из России. Так что многим из вас землячка. Да и остальным не чужая, так как, сколько помню себя, живу в Финляндии. На два дома в одном доме, во как! Этот домишко пришел сюда еще в девятнадцатом веке.

Затем Так-так представил пришедших, не забыв титул каждого, а про цыплят сказал, что это наиболее вероятные претенденты на производство финского табака. Дура-Жанна опять было всколыхнулась, но Юстас гневно толкнул ее крылом. Та тут же

успокоилась. Когда ее цыплят начинали хвалить, Дура-Жанна от гордости надувалась и лезла вперед, а как переставали, тут же забывала о них.

Гости уже стали переминаться с лапы на лапу от долгой церемонии представления, но тут Так-так пригласил всех за стол, посреди которого радушно дымился огромный ароматный пирог из ржаной муки калакукко с лососем и перловкой и застыла в почтении пред гостями пузатая бутылъ бражки.

– На землянике, – указала Лоухи на бутылъ.

Так-так ловко разлил бардовый напиток по стаканчикам.

– За тебя, бабуля! За вас, дорогие гости! За Добрый край! – произнес он, ловко объединив сразу три тоста.

Бражка и пирог были такие вкусные, что едоки не заметили, как умяли всё до последней крошки. Кот, отдуваясь, сказал:

– Здесь, и правда, время другое. Хотел бы вкушать этот пирог целую вечность, а он закончился в мгновение ока!

– Благодарю вас, досточтимый сэр Дарий-Григорий Второй за столь изысканный комплимент! – произнес Так-так, а Лоухи подскочила со своего табурета и сделала девичий книксен.

– Я рада! Я так рада! – воскликнула она. – С хорошими гостями и хозяева хорошо покушают! А теперь прошу в опочивальню! – Старушка ткнула пальцем в стенку, и та вдруг покати́лась куда-то вдаль, открыв комнату с кроватями, налитанную свежим запахом простынь и наволочек.

Глава 7. Ночная беседа

Едва коснувшись головами подушек, путники тут же провалились в сон, глубокий и спокойный, какой бывает разве что в детской колыбели. Не спалось лишь Григорию. Как ни странно, новое место настроило его на мечтательный лад. При таком настроении кота обычно тянуло на свежий воздух, под звезды и луну, к запахам и звукам бездонной тьмы. В такие минуты он упивался своим одиночеством и воспоминаниями... Гриша поднялся с постели и вышел из спальни. Старушка с внуком сидели возле самовара и пили чай.

– Не спится? – улыбнулась Лоухи. – Что-то мешает?

– Нет, благодарствую. Всё прекрасно.

– Чайку?

– С удовольствием!

Кот сел на табурет и налил чай в блюдце.

– Узнаю русскую привычку пить чай из блюдечка и прикусывать рафинадом.

– Они давно так не пьют, – сказал Так-так. – Это уже пережиток.

– Ну что ты, Такушка! Господин Дарий-Григорий Второй вовсе не похож на саблезубого кота.

– Я выродок, роува Лоухи, – пошутил Григорий.

– Наити, – мягко поправила кота старушка. – Лучше говорите: госпожа.

– Миль пardon, госпожа наити! Горячий не пью, как обжегся на молоке. Хозяйка кастрюльку не закрыла.

– Как, нарочно?

– Ну что вы! Есть грех – любопытен... Какой ароматный чай!

– Иван-чай. Иммунитет повышает и очень полезен мужчинам.

– Я не жалею, – откашлялся кот. – Впрочем, я одинок. Юстасу надо порекомендовать.

– Маклеоду не помешает, – сказал Так-так. – Беднягу утомила

дорога.

– Старенький он, – вздохнул Григорий. – А скажите, почему вы это место называете Добрым краем? Это официальное название или аллегория?

– Официальное. И единственное. Другого Доброго края нет. Тут только мы с бабулей живем да теперь вы. Сюда даже злой комар не проскочит без нашего разрешения.

– А как же мы?

– Интересная компашка у вас подобралась, явных злючек нет, есть не очень далекие особы, но это поправимо, тут всё близко. А неявные злючки у нас легко становятся самыми добродушными созданиями.

– Да-да, очень легко! – подтвердила Лоухи.

Незаметно прошел час, может, и больше – время тут не ощущалось. Из спальни вышел Маклеод. Ему тоже предложили чай, но вместо сахара хозяйка подала сахарную косточку, чем растрогала старика до слез.

Так-так, заметив, что кота и особенно пса напрягает обращение по полной форме, предложил демократически обходиться без титулов, бесполезных в этом месте.

– Ведь мы, в конце концов, не в Палате общин, – сказал Так-так и одобрительно улыбнулся Грише, заметив, что тот оценил шутку. Ничто так не сближает и ничто не дается так легко, как чувство юмора, когда оно есть.

– А Юстас не может без титула, – сказал Маклеод. – Он носит его, как орден.

– Петух, что вы хотите! Петуху без титула только в котел или на мангал. А с титулом можно и в историю попасть. В крайнем случае, в элиту.

Услышав про элиту, Григорий не удержался от философской мысли, косвенно намекая, что и он из этих же сфер:

– В элите кого только не встретишь!

– Да-да, – согласился Так-так. – Жаль, в непогоду с элиты сползает позолота, обнажая чернь... Не сочтите назойливым, –

обратился он к сеттеру, – ведь у вас нет паспорта? Как вы пересекли границу? И от бешенства не привиты. Хотя и так видно, что вы не бешеный.

– Боже упаси!

– У вас должна быть масса справок.

– Кошмар сколько! – сказал пес. – Я вообще не знаю, зачем людям эта морока с собачьими документами? Себя они не парят – получил шенген и ступай, куда хочешь! А для меня нужны ветеринарная книжка, клеймо, микрочип, всякие прививки, глистогон, международный сертификат... Я породистый, значит, еще справка о том, что своим отсутствием (и кто его заметит, мое отсутствие?) я не нанесу вреда отечественному собаководству! Что я не единственный представитель породы (а ведь я единственный!), что без меня не вымрет порода в стране. Так она и без меня вымрет – вместе со мной. К тому же документы должны быть на английском языке, который Денис не знает и знать не хочет. И это не главное!

– А что же главное? – полюбопытствовал Так-так. – Вы так интересно рассказываете о темном для меня предмете – пограничных заморочках. Мы с бабулей живем без границ. Зачем границы добру? Границы там, где зло.

– Вы правы, именно заморочках! За то время, что проверяют мои документы и сканируют чип, тысячи диких зверей, поодиночке и стаями, без паспортов и без чипов пересекают границу! И никто не останавливает их! Как их остановишь? Когда я шел позади волчьей стаи, пограничники не остановили нас. Навстречу промчались кабаны с поросятами, волки посторонились, а солдаты и вовсе попрятались от них. Страху тогда я натерпелся!

– Повезло вам, – поддакнул Так-так. – Эти растерзают и волка. Теперь понятно, как вы очутились здесь. Вы бродяга без паспорта. Как же так, ведь у вас богатая родословная!

– Се ля ви, ^[4] – вздохнул пес. – Собачья жизнь! Я один в шотландской родне без паспорта!

– Почему? Когда вас забирали из клуба, должны были выдать паспорт.

– Дело в том, что я не от клуба. Мои родители – папаша с длинной родословной, а вот мамаша беспаспортная, хоть и

аристократических кровей. Ее ввезли в Россию контрабандой. Можно, конечно, было оформить паспорт, но Денису не до этого было. И я стал переходить границу, как волк. Хозяин высаживал меня из машины за несколько километров до пункта пропуска, я пересекал границу, а потом подсаживался к нему уже на той стороне. И обратно так же. Практикуем не первый год.

– Да вы, батенька, не просто бродяга, вы злостный нарушитель границы! Упекут вашего хозяина в каталажку!

– Не упекут. Он в России. В Штатах шерсть вывел, теперь на водах.

– Я в курсе, – ухмыльнулся Так-так. – Хотя по статусу вас можно причислить и к эмигрантам. «Без бумажки ты – букашка, А с бумажкой – человек» – помните песенку? Ну да оставим это. Я обещал рассказать о нашей зоне. Вам это будет интересно, а птицы обойдутся – поверхностные создания! Особенно дамы.

При этих словах Гриша самодовольно усмехнулся, а Маклеод жарко задышал, что у него было знаком высочайшего одобрения.

– Вышло так, друзья мои, – продолжил Так-так, – что наш край сплошь окружили аномальные зоны. Люди не замечают этого, у них всё аномальное давно превратилось в нормальное, а отсюда хорошо видно, как там гибнет всё живое. Что вы хотите – гиблые места! Нам с бабулей трудно стало бороться с наползающей лавой зла.

– А как вы боретесь?

– Зло не снаружи, зло внутри нас. Надо изгнать его из себя, и не впускать новое. Как только у нас это получилось, край стал Добрым.

– А практически, как это сделать? Ведь зло с добром не разорвать.

– Мы же знаем, что будет через неделю, вот и разбираемся семь дней, где зло, а где добро, отделяем их друг от друга. Я сделал сепаратор, в котором отбиваю зло и выбрасываю его в сточную канаву. Плохо, конечно, что оно возвращается в человеческий мир. Но там всё равно никому до этого дела нет. Да и это обычный круговорот зла в природе. Зато хоть наш край без зла, и занимает площадь диаметром в тысячу километров!

– А как понять, что тут зона добра?

– Торопитесь вы! Всё узнаете. Комфортно здесь, ничто не гнетет? Это главное – нет страха. Как рассветет, я покажу окрестности. Здесь вы не увидите погибших птиц и животных, выжженной земли и сгоревших дотла деревьев. Тут нет светящихся шаров, странных предметов, нет призраков в белом (не считая меня, но я не видение, можете пощупать), пугающих звуков и мстительных взглядов. Тут вообще нет ничего, что нельзя объяснить. Зато сколько красивых деревьев, кустарников, цветов! Ясень, ольха, лещина, бересклет, крушина... Нарциссы, гортензия, анютины глазки, пеларгония, петуния, рододендроны... Поляны розового вереска и земляники! А малина, сирень! О, скорее бы настал рассвет!

Глава 8. Происшествие

Забрезжил рассвет, но – удивительное дело – Юстас не проснулся, во всяком случае, не драл по привычке горло. Гриша вышел на крыльцо, протер лапой влажные перила. Взошло солнце, зажужжали мухи. Совсем не хотелось спать. Но почему дрыхнет петух? Вышли Так-так с Лоухи.

– Не заболел ли наш Карузо? – спросил кот.

– Чего ему тут орать? – сказал Так-так. – Петушиный крик – пустое, бахвальство одно. Перед кем здесь бахвалиться?

Петух, словно услышав, что речь шла о нем, вышел на крыльцо, громко хлопнув дверью и разбудив всех, кто еще спал. Послышалось кудахтанье, цыплячий писк.

– А где Чернавка? – спросил Юстас. – В спальне ее нет.

– Обследует край, – успокоила петуха хозяйка. – Все встали? Завтрак на столе.

После завтрака Так-так повел гостей на вересковую поляну, потом в малинник, в котором малина созревала на месяц раньше, чем в других местах. В малиннике они увидели ворону. Чернавка с большим аппетитом уплетала ягоды.

– Вот не знала о такой вкуснятине! – воскликнула она.

– Конечно, малина только в Африке растет! – сыронизировал Григорий. – Михал Ивановичу оставь!

– Он сейчас рыбу ловит, – сказал Так-так.

– Эх, и я по рыбалке соскучился!

– В чем же дело? – сказал Так-так. – Озеро вон там. В лодке удочки, банка с червями, ведерко. А мы еще ходим.

– Я с тобой! – воскликнул петух. – Никогда не ловил рыбу!

– Зачем она тебе? Смотри, сколько ягод, жуков-червяков! – пробовал урезонить петуха кот, опасаясь, что тот своим криком распугает рыбу, но Юстаса было не переубедить. Пришлось взять его.

– Ты хоть ловил рыбу на удочку?

– Рыба летает?

– Всё ясно. Не хуже тебя.

– Юстас! – воскликнула Дура-Жанна. – Ты обещал поиграть с цыплятами!

– Вот и играй! Не лезь в мужские дела! – оборвал курицу петух, а кот добавил:

– Ешь червяков да неси яйца.

Юстас одобрительно засмеялся.

Озеро оказалось недалеко. Глазам рыбаков предстал тихий заливчик, покрытый лилиями с коридором чистой воды для прохода лодки. Лодка стояла на причале. Они взяли удочки, банку с червями, ведро для улова и уселись на бережку.

– Нанижи червячка. – Кот поплевал на червяка и ловко нанизал его на крючок. – Делай как я, боец!

Петух поплевал на червяка и проглотил его.

– Нанизал? Теперь забрасывай.

Юстас кинул удочку в воду.

Кот от неожиданности подскочил на месте и покрутил у виска лапой.

– Ты чего? Крючок надо забрасывать, а не удище!

– Да откуда я знал? – обиделся петух.

– Как теперь ее достать? Плавать умеешь?

– Я? – передернулся от ужаса петух.

– Эх, неумеха! Чего не сделаешь ради друга.

Кот, задрав хвост, на задних лапах зашел в воду и палкой подтянул удище.

Рыболовы закинули крючки и стали ждать поклевки. У кота клевало, но всякий раз рыба срывалась.

– Не везет, – вздохнул Григорий. – А почему у тебя не клюет? Погляди крючок, червяка нет? Ну да, голый. Рыба съела. Нанизывай нового. Э, приятель, а чего это ты его в клюв взял?

– А чем мне его брать? У меня нет твоих когтей.

– О господи, что у тебя вообще есть, голодранец? Плюй и забрасывай в воду.

– Червяка?! – опешил Юстас. – Ты что? Его – в воду?

– Дурень! На него же рыбу ловят! Дай нанижу!

Знай петух, что придется червяка бросать на съедение рыбам – ни за что не пошел бы на рыбалку! Но скоро у него заклевало, и он вытащил красноперку. Рыбка сорвалась с крючка и, сверкнув на солнце, шлепнулась на песок. В это время повело поплавок и у кота. Григорий схватил удилице и встал на кромку берега. Хвост его распушился, усы встали торчком, глаза загорелись. Не чуждый чувства прекрасного, Юстас подумал: «Хороший вышел бы портрет рыбака Григория, будь я художником!» Затем петух перевел взгляд на прыгавшую рыбку и, склонив голову, с интересом наблюдал, как та прыгала к воде, пока не булькнула в озеро. У кота поплавок замер, он достал леску из воды, на крючке червяка не было.

– А ты чего упустил рыбу?

– Почему упустил? Поймал. Она сама упрыгала.

– Поймал, когда она в ведре будет!

– Зачем ее туда? – буркнул петух. – В озере ей лучше.

Вскоре слышались голоса. Прибежали цыплята, а за ними появились и все остальные.

– Как улов? – спросил Так-так и глянул в ведро. Там было пусто. – Ничего, в другой раз поймаете. Но в другом месте. Здесь одни щуки, а для них блесна нужна.

* * *

Незаметно пролетело три дня, и Григорий захандрил. Он вдруг подумал, что Петр наверняка ищет его и конечно же нигде не может найти. «Как же я забыл о нем? – ругал себя кот. – Ведь он никогда не забывал обо мне. Даже уезжая в командировку договаривался с Максимом, чтобы тот приходил кормить меня, причесывать, включать на час-другой телевизор... Какой же я неблагодарный!»

Так-так обратил внимание на упавшее настроение Григория и спросил, не хочет ли тот навестить Петра. Кот обрадовался и машинально спросил:

– Может и Маклеода с Юстасом захватить? О них ведь тоже беспокоятся.

– Захвати. Знаешь что, я, пожалуй, тоже с вами пойду. Посмотрю, как там Петр, Зинаида. Мартонена навещу, давненько не был у него.

– Вы знакомы? – удивился Гриша.

– Общались как-то, – уклончиво ответил Так-так. – Нормальный мужчина.

Но в этот же день отправиться в поселок не получилось. Помешало неожиданное происшествие. В полдень возле избушки Лоухи объявились трое парней. Они о чем-то громко спорили. На крыльцо вышла Лоухи.

– А вот и баба Яга! – загоготал один из юнцов в ковбойской бандане.

– Кто такой, мил-человек? – спросила его хозяйка.

– Экстремал. Бабуся, ты чё, тут в натуре живешь?

– Живу, милок, и тружусь. Вы-то что тут забыли?

– Остров изучаем. Заплутали малость.

– Чего изучать его? Остров как остров.

– Мы спецы по аномальным зонам.

– И с богом! Где вы тут увидели аномальную зону?

– Ну как же, на карте отмечено.

– На какой?

– Въедливая старушка, – бросил речистый экстремал приятелям и небрежно помахал в воздухе рукой: – Да их полно этих карт с геопатогенными зонами!

– Ты хоть одну-то покажи! – не сдавалась Лоухи. Из дверей вышел Так-так.

– А это что за чудо! – воскликнула бандана.

– Чудо-юдо рыба-кит! – отрезал хозяин. – И царь Спарты Леонид!

– Опаньки! – опешил ковбой. – Бабуся, зачем карта? Вот это – разве не из зоны? – Он вдруг захлопал себя руками по ляжкам и дико загоготал. А двое других в восторге стали стучаться лбами, как бараны.

Тут на крыльце появился Григорий. Он сел на перила, свесив задние лапы, и спросил парня:

– Чего гогочешь, гусь?

Юнец едва не лишился дара речи.

– Товарищи! Да тут и коты говорящие!

– Еще и козлы, – не удержался Григорий от оскорбления. Он-то хорошо знал, как не любят люди этого обидного прозвища, хотя, что плохого, скажем, в винторогом козле или в туре? Отменные красавцы!

– Что ты вякнул, комок рыжей пакли? Да я тебя! – Парень замахнулся на кота, но тот неуловимым движением лапы разодрал ему руку.

– Не суйся! Еще получишь, – спокойно сказал он пострадавшему, но тот схватил палку.

Так-так разозлился не на шутку:

– Молодые люди! Вам лучше убраться отсюда подобру-поздорову. Считаю до трех.

Однако поганцы вовсе не думали убираться, а стали подниматься на крыльцо.

– Раз! Два! Три! – сказал хозяин края и дунул на пришельцев. Тех в мгновение ока не стало. Так-так глянул на солнце в зените, словно ища у него поддержки, и обратился к Лоухи: – Как думаешь, в оболочке пробой или что?

– Всё может быть, Такушка. Надо посмотреть.

– Первый раз такое. Как бы за цветочками ягодки не явились... Бабуля, я пошел, до вечера обернусь, а ты продезинфицируй после хлопцев атмосферу.

Глава 9. Страшно даже здесь

Так-так успел вернуться засветло до дождя. С собою он принес целое ведро плотвы, окуней и голавликов. Знакомый рыбак подарил ему рыбу в Карелии, где Так-так обнаружил дыру в оболочке края. К вечеру на небо набежали тучи, стал накрапывать дождь. Все зашли в избушку. Быстро стемнело. В наступившей тишине слышно было, как у проголодавшегося пса урчит в животе. Зажгли свечи. Лоухи, напевая песню из репертуара Мирей Матье, колдовала у плиты, но особого аппетита не было даже у Маклеода. Было тревожно, непонятно отчего. Но когда стряпуха подала толстенную рыбную запеканку, источавшую умопомрачительный аромат, никто не стал дожидаться, когда его попросят скушать хотя бы кусочек. С аппетитом пришел и азарт. Блюдо поглощали так споро, что оно и не заметило, как исчезло со стола.

– Ой, бабуля, уважила! С пальцами проглотил. Спиши рецепт, – нарушил молчание Так-так. Оглядев насытившихся гостей, сменил тему: – Однако надо к буре подготовиться.

– Шторм дойдет до сорока трех узлов, – уточнила Лоухи. – Такушка, ты дыру хорошо залатал?

– Не прорвет, бабуля... Как-то не по себе сегодня, а?

– Да, напирает стихия. Как бы не продавила... Ну да вспомни, как раньше было. Осилим и это.

– Ой, а что осилим? – спросила Дура-Жанна. – Сильно беспокоюсь за чад!

– Осилим ужин, драгоценная Д'Жанна! – воскликнул Так-так. – Да уже осилили! Бабуля, запеканка чудо! Спасибо большое! Пойду избушку закреплю, а то унесет куда-нибудь.

Так-так вышел, бормоча: «Всех любителей чад кинуть в озеро Чад! Потом вынуть оттуда – для любителей чуда. Что за чушь я порю! Д'Жанне чушь подарю!» После плотного ужина на него часто находило поэтическое настроение.

– Когда начнется непогода, вы не пугайтесь, – сказала Лоухи. – В моей избенке бояться нечего. Буря побушует и уйдет, и всё будет, как было. Деток уложи, Жанна, пора им спать.

– Я уложу, – сказал Юстас. – Ребятня, за мной!

– Какой у тебя заботливый муж! – сказала Лоухи.

Д'Жанна горделиво поглядела на Пеструху, но та проигнорировала ее самодовольный взгляд, так как подбирала крошки со стола.

Так-так тем временем закрепил избушку, чтобы ее не повалил и не унес ветер. По углам домика были цепи, которые хозяин зацепил за огромные крюки-якоря, врытые в землю. Чтобы избушку не придавило поваленное дерево, буде таковое, Так-так окружил ближайшие сосны и березы специальными подпорками, не наносившими вреда стволам.

Ночью началась буря. С воем налетел шквал ветра, под напором которого ломались ветки и огромные деревья гнулись чуть ли не до земли. Засверкали синие молнии. Трескучий и раскатистый гром, казалось, раскалывает небосвод. Хлынул, как из ведра, дождь. Избушка качалась и дергалась, точно ее несло по волнам. Порывы ветра рвали ее с якорей, как воздушный шарик, но цепи были надежные.

– Это лишь шторм, так что не дрейфь, команда! – прокричал Так-так, перекикивая рев бури, доносившийся снаружи. – Вот когда шторм переходит в ураган, тогда есть чего опасаться, и есть на что поглядеть, но тут такого не было, и вряд ли будет. Хорошо, здесь не открытое море. Видели бы вы ураган на море. Может, кто видел?

Все молчали. Даже Григорий, хотя по телеку он не раз видел жуткие и разрушительные цунами, тайфуны, торнадо. Одно дело видеть в телеке – «бурю в стакане воды», а другое дело – оказаться в бушующем море.

– Незабываемое зрелище! Я наблюдал арктический ураган на Балтике. Волны выше пятиэтажек. Темно-серо-зеленое небо – низкое, лохматое; море, как бешеный зверь, – коричневое от взбаламученного песка; в воздухе хлопья белой пены и белые чайки. Пену уносит, а чайки висят, как прибитые. Никак не мог понять, почему их не сносит ветер? А они – машут крыльями и сами летят ему навстречу. Молодцы!

К утру буря утихла. Гости уснули. Утихла и тревога, беспокоившая Так-така своей необычностью. Лоухи внешне оставалась бесстрастной, но видно было, что и ей не по себе. Они оба

нутром ощущали в воздухе – в атмосфере – какую-то примесь, вроде запашка паленых перьев.

Лоухи спросила:

– Такушка, тебе не показалось странной наша тревога? Отчего она? От тех недорослей? А Григорий-то – молодчина! А? От бури? Да что буря, не в первый раз... Словно сам воздух вызвал тревогу. Точно в нем растворилось что-то... А ведь когда я дезинфицировала воздух, он не очень-то хотел очищаться, именно – не хотел, как живое существо! Вот, вот в чем дело! Воздух стал чужим!.. Уже светло. Давай-ка выйдем и посмотрим, как там. С якорей сними избушку, не любит она цепей.

Вышли на крыльцо. Воздух был по-прежнему свеж и приятен, небо обычное, совсем безоблачное, светило солнце, дул приятный ветерок. Хозяева занялись очисткой участка от сломанных веток и шишек. Так-так поднял упавшую изгородь, освободил избушку из якорного плена, слышно было, как та облегченно вздохнула. Лоухи засмеялась:

– Я же говорила тебе!

И тут Лоухи обратила внимание, как с запада наползают какие-то странные шарообразные и плоские квадратные облака. Уж кто-кто, а она досконально знала об облаках всё, поскольку много лет преподавала в Высшей школе природоведения предмет «Особенности небесной стихии»! По небу ползли исполины, похожие на листы бумаги салатного цвета и катились, подскакивая, изумрудные мячи. Не было ни одного облака привычной формы – в виде нити, когтя, волны, барашка, башенки, паруса, ряби, куска ваты, слюды, хлопьев, бесформенной кучи, наконец, или фигуры! Не было и привычного цвета облаков – ярко-белого, серого, синеватого, темно-синего, расплывчато туманного или перламутрового...

– Может, это НЛО, Такушка? Но сколько! Не может быть!

Так-так в задумчивости глядел на небо и пожимал плечами.

– Ой, теряюсь в догадках, бабуля. Тебе лучше знать.

– Такушка, а уж не газовая ли это атака наших старых друзей? Сходи-ка ты завтра туда, Мартонена проведай, – сказал Лоухи. – Может, и там тоже новости есть.

– Хорошо, бабуль. С утра отправлюсь.

Лоухи и Так-так называли внешний мир, расположенный за краем их Доброго края словом «там», а если надо было наведаться туда, так и говорили – «туда».

Неожиданно небесные полки, точно испугавшись намерения Лоухи разузнать о них «там», исчезли. Не осталось ни одного облака!

Глава 10. И было утро, и был вечер

С утра Лоухи подготавливала новые грядки для пересадки клубники.

– Юстас, зови сюда своих! – позвала она. – Тут дождевых червей полно.

– Благородное дело – труд на земле! – изрек петух, знакомый с мнением на сей счет телеведущих и вedomых, столь же далеких от земледельческого труда, как и он сам. Прохаживаясь по дорожкам между грядками, Юстас ловко выдергивал из взрыхленной почвы червей, длинных и жирных. Лоухи едва сдержала улыбку – петух мог бы стать идеальным натурщиком для живописца, поднаторевшего на создании монарших портретов.

– И не только благородное, но и здоровое. Думаешь, почему я дожила до моих лет, коим скоро будет сто двадцать пять? Пятью пять – двадцать пять, и еще раз на пять! Пять в кубе – знаком с этой арифметикой?

– Арифметика – мой конек! – воскликнул петух. – А в Кубе живет мой дядя Коко у зятя Мартонена, Педро Ланквиста.

– Да не в Кубе, а на Кубе. Это же не Украина.

– Да не всё ли равно – это грамматика. Арифметика – вот фантастика!

– Ух ты! Именно копошение на земле подарило мне эту фантастику: мои года – мое богатство.

– Я тоже люблю копать в земле!

– Быть и тебе долгожителем. Ну, хотя бы два в кубе. Соображаешь, сколько это?

– Пока с трудом, но лет через сто, думаю, соображу.

На тропинке показался Так-так.

– Наконец-то! Что долго так, Такушка? Я уж беспокоиться стала.

– Всё то же. Инту пока не накормит до отвала, не отпустит.

– Как он?

– Как бочка стал. Кланяется тебе. Хотя наклониться уже и не может. По петуху сучает. Юстас, Мартонен тебе привет шлет! Бабуль, от Инту новости есть, вернее, от его родственника депутата. Пошли в дом, расскажу, отдохнешь заодно.

– Да я полна сил. Я на земле отдыхаю. Клубнику вот надо было еще в том году пересадить. Шестой год пошел, измельчала совсем.

– Пойдем-пойдем, сам посидеть хочу, устал.

Так-так сел возле окошка и рассказал, что у Мартонена всё хорошо, двадцать четвертого июня, на Иванов день выдает замуж Миию, а вот в мире всё хуже и хуже. Депутат на выходные был у Мартонена, сетовал, что этим летом дети и подростки – не только в Финляндии, но и во всем мире – стали совсем неуправляемыми. Верне, они управляемы непонятно кем из Интернета и социальных сетей. Совсем отбились от рук, не слушаются взрослых, стали жестокими и агрессивными, издеваются над стариками. Малышня – сущие бесенята. Якобы выявлен компьютерный вирус Си-1Ви-1 (C1V1), который разрушает не только компьютерную систему, но и человека.

– Только смотри, об этом никому. Инту по секрету сказал.

– Да от меня кому? Разве что Григорию.

– Ему как раз и не надо. От него Петру, от Петра – Ирине, а женщины, уж прости, как решето. А вот в природе никаких изменений я не заметил, хотя в воздухе и чувствовалась тревога, вроде нашей вчерашней. Может, не столь явственная. Облаков не видел. Мартонен тоже ничего про них не слышал.

– Вот что я думаю, Такушка, – сказала Лоухи. – Осталось два-три дня, и эти облака появятся и там. Что принесут они, трудно сказать, но определенно ничего доброго. Не настоящие они. И заметь, перед ними случился ураган, едва не унесший нашу избушку в тартарары. Думаю, к вечеру надо ждать еще каких-нибудь гостей или природных катаклизмов. Расслабляться нельзя. Надо понять, откуда эта зараза проникает к нам, в чем ее опасность. Признаться, я в замешательстве. До сих пор не по себе, вон, руки даже дрожат...

– Ты меньше на грядках пропадай. Сколько нам надо этой клубники? Разбила плантацию! Сколько грядок, двенадцать? Столько земли перелопатить за утро! Задрожишь тут!

– Ты, Такушка, лучше скажи, на Иванов день будешь цветок папоротника искать?

– Обязательно. Можно и Григория взять, смысленый котик. А для Маклеода надо баньку протопить, чтоб попарил косточки, а после по росе походил.

Лоухи оказалась права. К вечеру снова появились облака необычной формы и неестественного цвета. Причем они не приползли с запада, как вчера, а словно выпрыгнули из-за горизонта. К тому же они были не разрозненные, а слепленные в фигуру, напоминавшую огромного дракона. Дракон застыл над домом лесника, в паре километров от избушки. Он точно раздумывал, что делать дальше. Воцарилась жуткая тишина. Попрятались птицы, бабочки, муравьи и пчелы. Закрылись лютики, ноготки, бархатцы и гвоздики, точно наступила ночь, даже шиповник, который отходит ко сну лишь поздно вечером.

– Такушка, доставай пушку, – шепнула на ухо внуку Лоухи. – Только не суетись. Надо это облако уничтожить, иначе оно уничтожит нас. Похоже, дракон ждет команды.

Так-так нажал на потайную кнопку под крыльцом, пласт земли уехал вбок, явив вход в подземное помещение. Вниз вели рельсы и ступеньки между ними. Так-так спустился и вскоре выехал оттуда верхом на странном многоствольном агрегате, центральное жерло которого окружали еще шесть стволов. За пушкой тянулся электрокабель.

– Ну что, моя славная, – погладил Так-так пушку. – Займемся стрельбой по воробьям?

– Ты чересчур самокритичен, – сказала Лоухи. – Прошлым летом пушка прекрасно зарекомендовала себя. Помнишь ту «тучку», что весила двадцать миллионов тонн? Заряжена?

– Да, всё готово, – кивнул Так-так.

– Бей дракону по башке. Хорошо, в том месте уклон к озеру, вода туда хлынет, но и нам достанется. Уж очень большая туча.

– Все заткнули уши! – предупредил Так-так.

Пушкарь поставил рядом с собой коробку с запасными капсулами, направил пушку на облако, махнул рукой, чтобы любопытные отошли подальше от пушки, и нажал на рычаг спуска.

Раздался грохот. В небо улетели семь снарядов и через несколько секунд взорвали голову дракона. Так-так быстро заложил в пушку очередную порцию округлых капсул и нажал рычаг спуска. Этот залп добил дракона окончательно, оставив вместо него белое облако распыленного химического реагента. Реагент нужен был для того, чтобы капли воды и кристаллы льда примерзали и прилипали к его частицам, становились тяжелыми и падали на землю в виде дождя.

– Ну, Такушка, Разгонитель туч, закатывай пушку, закрывай подпол. Сейчас придет вода. Все в дом!

Собственно, все и так уже были в доме, один Григорий сидел на своем излюбленном месте – на крылечных перилах.

«Разгонитель туч» быстро спрятал пушку и закрыл люк, но вода так и не пришла.

– Потоп отменятся, – произнесла Лоухи. – Странно. Куда же делась вода из облака? Там ее, по моим прикидкам, хватило бы, чтобы сюда пришла волна высотой не меньше метра. Заряды-то еще остались?

– Да, на два залпа, – ответил внук. – Что-то я устал. Перенервничал.

Он зашел в избушку и прилег отдохнуть.

– Круто! – подал голос Григорий. – Я такого еще не видел!

– Ты еще много чего не видел, Григорий! – сказала Лоухи. – Эта пушка дипломный проект внука – «генератор града». У него есть изобретения и покруче. Одно время он вплотную занимался вопросами охраны природы. Из-за них оставил друзей, девушку, не создал семьи. Как и я, – вздохнула старушка. – Но теперь что уж!..

И тут ее взору предстала пожилая дама, худая, с клюкой, в несколько экстравагантном для ее возраста открытом черном платье, черной шляпке с алой розой и черных очках. Дама подошла к хозяйке, сняла очки.

– Мое почтение, Лоухи!

– Здравствуй, Кольгрима.

– Удивлена?

– Больше тому, что ты без черной маски и с посошком. Такая

резвая была и таинственная. Сто лет назад.

– Артрит. Года-года, – вздохнула гостья. – А посошок из крымского самшита, прочный, прочнее костей.

– На коленках ходи. По триста-пятьсот шагов.

– Пробовала. Мертвому припарки! В дом пригласишь? Хоромы-то у тебя не ахти.

– Поместимся.

– Я не одна. Со мной два помощника.

– И где они?

Кольгрима сунула два пальца в рот и свистнула, да так залихватски, что у Григория от восторга отвисла челюсть. Тут же явились два молодца – косматый, одутловатый, нечистоплотный, рохла рохлей и стройный, подтянутый, черноволосый красавец.

– Стикс и Ахеронт, – представила Кольгрима красавчика и рохлю. – Теоретик и практик. Они у меня компьютерщики, хакеры. Стикс спец по программам, а Ахеронт по вирусам.

– Я их знаю, – сказала Лоухи – Они с моим внуком учились в Высшей школе природоведения. На фото выпускников видела. Да вот он и сам!

Так-так, услышав голоса, вышел на крыльцо.

– Привет, Так-так! – приветствовали его хакеры.

Тот с удивлением посмотрел на них и воскликнул цитатой из любимой трагедии «Гамлет» Вильяма Шекспира:

– Ба, милые друзья! Ты, Гильденстерн, ты, Розенкранц? Ну, как дела, ребята?

– Так-так, не узнал? Это же мы – Стикс и Ахеронт!

– Да узнал, узнал. – Так-так поздоровался за руку с однокашниками и поклонился гостье в черном: – Здравствуйте, руова Кольгрима!

Та, холодно взглянув на него, как на посторонний предмет, и поджав губы, сказала:

– Если позволите, я нэйти. Мое почтение, херра Так-так!

Глава 11. Объяснились

Гости повели себя странно. Кольгрима попросила Лоухи удалить из помещения всех животных. «Кроме господина Так-така», – оговорилась она. Думала она оскорбить этой просьбой внука Лоухи или нет – не ясно, но Так-так ничуть не оскорбился, поскольку и всех людей справедливо считал млекопитающими животными, отряда Приматов, семейства Гоминид, правда, типа того – Человек разумный. Гостья отказалась от угощения – мол, она на строгой диете, и попросила лишь стакан холодной негазированной воды, а молодые люди отменно сытого вида, напротив, набросились на фирменный рыбный пирог, как голодные. При этом они не только жадно ели, но и, похрюкивая, чуть не давились от смеха, вызываемого жалкой обстановкой избушки и убогостью ее обитателей. Кольгрима остро поглядывала на своих помощников, замораживая ледяным взглядом готовый сорваться с губ компьютерщиков смешок и прыгающих чертиков в их глазах. Разумеется, молодым людям было мало дела до того, о чем их покровительница рассказывает Лоухи. Да и саму гостью особо не заботило, хочет Лоухи или не хочет знать что-либо об их общих знакомых, многих из которых уже давно нет на свете. Впрочем, и хозяйка не слушала ее. Похоже, одному Так-таку было интересно наблюдать за этой дурацкой беседой. Он попивал чаек и ждал, когда наконец Кольгрима скажет, зачем она пожаловала сюда.

Когда Лоухи надоело слушать всякую чепуху, она прервала гостью:

– Кольгрима! Зачем этот балаган? Накушались, хлопцы? Выметайтесь на свежий воздух! Такушка, покажи гостечкам мою теплицу и грядки!

Так-так повел знакомцев на садово-огородный участок, а у хозяйки с гостьей состоялся жесткий разговор, о содержании которого после ухода незваных гостей Лоухи сказала коротко:

– Кольгрима хочет забрать Добрый край себе. Якобы он ее по наследству. Это ложь, как и всё, что она делает и говорит. Дракона она наслала, а создали его твои сокурсники. Они о чем-нибудь расспрашивали?

– Нет. Хвастали, какие они крутые программисты и что скоро

изменяют весь мир.

– От этих свинтусов всего можно ожидать.

– Бабуля, ты сказала про наследство. Это твоя сестра?

В это время прилетела Чернавка и сообщила, что проводила визитеров до поворота, за которым те исчезли, будто провалились сквозь землю.

– Спасибо, Чернавка! Это ее шаманы-лопари обучили – летать и исчезать, да еще менять направление ветра... Да, Такушка, это моя сводная сестра. Отец после кончины матушки женился на ведунье из Полесья. Сестренка, она на два года старше меня, с детства отличалась страшной завистливостью и злонравием. Лучше добрая ворона, чем злая сестра. Натерпелась я от нее тычков и наговоров... Такушка, не забыл – обещал Григория с Маклеодом в поселок отвести? Кольгрима до Иванова дня не станет трогать нас, хотя я ей не верю. Тем не менее, если вечером будет спокойно, завтра с утра сходите, только ненадолго, чтобы я не беспокоилась.

Вечер выдался тихий. В воздухе была разлита июньская благодать северного лета, хотелось беспричинно улыбаться и петь. Куры с предводителем самозабвенно рылись в земле, кот дрых кверху брюхом на лужайке, а пес убежал к озеру и рыскал по камышам. Ворона набивала брюхо в малиннике. Так-так, раскачиваясь в кресле-качалке, рассказывал бабуле о том, как во время учебы он любил ходить в оперный театр. День завершился без происшествий. Ночью все спокойно уснули, а Так-так уединился в изолированной от внешних воздействий потайной комнате, включил несколько компьютеров и стал широкозахватным способом собирать информацию со всего света о новом вирусе Си1Ви1 и его модификациях.

После завтрака Так-так, Григорий и Маклеод отправились в поселок. Они так быстро дошли до дома лесника, что кот и пес не успели даже разглядеть дорогу. Едва миновав домик, они тут же очутились на окраине поселка.

– Как это у нас так получилось? – воскликнул в восхищении кот. – Раз – там! Два – тут!

– У нас? – улыбнулся Так-так. – Волшебство!

Маклеод затряс головой, выбрасывая из ушей непонятное ему

слово.

– Сначала к Петру? – спросил проводник.

– Вы идите к Петру, – сказал пес, – а я пойду к себе. Чует мой старый нос, что Денис вернулся!

– Смотри, Маклеод, тебе на всё про всё два часа. Потом возвращаемся. Если, конечно, хочешь вернуться в Добрый край.

– Хорошо. Конечно, хочу!

Дома был один Петр, он перестилал пол на террасе. Хозяин так сильно обрадовался, увидев кота, что даже не заметил Так-така. Прижав Гришу к груди, он несколько раз воскликнул:

– Ты где пропадал? Я уж думал, ты совсем ушел!

Наконец он заметил Так-така:

– Это что, муми-троль?

– Позвольте отрекомендоваться, херра Петр, Так-так, Единственный в своем роде.

– Это мой новый друг! – сказал кот. – Волшебник! А где Ирина и девочки?

– Только что уехали в Муми-дален, вернутся вечером. А вы, простите, мистер Та-так, из Муми-далена?

– Нет, херра Петр, мой дом неподалеку. Простите, я оставлю вас на пару часов, проведу друга в соседнем поселке. Вы его знаете – Инту Мартонена. Кстати, вам привет от Юстаса. Григорий расскажет. Чуть не забыл! Херра Петр...

– Давайте без херра.

– Хорошо. Петр, у вас есть знакомый вирусолог? Я имею в виду компьютерщика.

– Есть. Андрей. Он, правда, не мой знакомый, знакомый знакомых. Из Питера.

– Вот флэшка. Перешлите, пожалуйста, ему несколько файлов с данными о вирусе. Может, он укажет, как обезвредить его. На файле «Имя» я указал мой электронный адрес.

Когда Так-так ушел, Петр сбросил файлы Андрею, после чего стал расспрашивать Григория о том, где он пропадал столько дней.

Тот красочно описал случившееся с ним и его друзьями. Петр с иронией отнесся к словам кота о Добром крае и летающем драконе, старой волшебнице и ее гениальном внуке, выраставших из-под земли и в нее проваливавшихся пришельцах, ускорении времени и мгновенном перемещении в пространстве. Явно, неумеренный восторг Гриши перед странными явлениями природы объяснялся недостатком его знаний об окружающем мире! Петр не удержался и с насмешкой спросил:

– Григорий, а НЛО там летают?

– Пока не попадались, – с серьезным видом ответил кот, отчего Петр почувствовал себя неловко и переключился на другую тему.

– Как там куры? Живы?

– Да пока кудахчут. А Юстас сдержаннее стал, за ум взялся.

Незаметно пролетели два часа. Маклеод и Так-так пришли одновременно. Пес был явно опечален, видно, не просто далось ему расставание с хозяином.

– Денис приехал? – спросил Григорий.

– Приехал.

Попрощались с Петром и через пару минут были уже около избышки Лоухи.

Так-так проверил почту, ответа от вирусолога еще не было. В потайную комнату зашла Лоухи. Внук рассказал ей о том, что был у Мартонена, ничего нового о природных катаклизмах или об эпидемиях тот не слышал.

– Значит, у нас еще есть денек, от силы два, – сказала Лоухи. – Мне бы, Такушка, узнать, где владения Кольгримы? Зная ее любовь к холоду и тайную зависть ко всему доброму, могу предположить, что она живет в одном из двух мест. Либо на необитаемом острове в Северном Ледовитом океане в замке, спрятанном во льдах и скалах. Либо в ледяном дворце на плоскогорье Лапландии. Хотя с годами, может, ей и захотелось погреться где-нибудь в подземном царстве, входом в которое служит жерло одного из потухших вулканов на Мадагаскаре? Впрочем, это вряд ли. Конечно, идеальным местом для нее была бы Лапландия. Сестренка хорошо знает страну саамов, там у нее много тайных мест, пещер и подземных лабиринтов, много тайных связей, в том числе, с потусторонними силами, там есть, где

спрятаться от мира, и откуда можно весь мир держать под прицелом. Там у нее в распоряжении летучие камни – сейды, шаманы-лопары, медведи-оборотни. Там ей, если что, сама Снежная королева поможет, а Северное сияние укроет. Но мне почему-то кажется – я, как Маклеод, чую моим старым носом – что сейчас она обретается где-то поблизости, может даже сразу за границей Доброго края. Живет себе под личиной ангелоподобной старушки на пенсию в шестьдесят евро и социальный пакет в скромном коттедже, рядом с которым стоит подержанный форд или Ситроен. Вот только под тем коттеджем идут туннели со сверхскоростной дорогой к Альпийским горам и Тибету. И дом тот рядом с домом Петра или Мартонена. А почему бы и нет? Не задумывался об этом? Почему среди простых людей так много злых? Да потому что среди них живет Кольгрима. Ей достаточно глянуть на человека, и тот уже в ее власти. Она знает, чем его взять или купить – предложить, как сладкий пирожок из сдобного теста, какой-нибудь соблазн, напичканный злом.

Да, я всё больше укрепляюсь в мысли, что ее надо искать в ближайших поселках. И не ее саму (она вряд ли выйдет из дома), а ее помощников – тех трех шалопаев, которых ты ловко выдул с нашей лужайки, или твоих однокашников-свинтусов. Можно, кстати, привлечь к поискам и Маклеода с Чернавкой, они хоть черта найдут, прости господи!

– Бабуль, а почему ты Стикса с Ахеронтом называешь свинтусами? Потому что за столом вели себя по-свински?

Лоухи внимательно посмотрела на внука.

– А ты не уразумел? – Старушка вздохнула. – Юн ты еще, юн... Тем паче, надо предупредить. За столом характер человека, конечно, проявляется, но его суть куда глубже. У этих хлопчиков – суть свинская. Да-да, натурально свинская. Чернявенький – дикий кабан, а рохля – домашний хряк. Я не шучу. Они когда-то были свиньями, скорее всего, поросятами, а Кольгрима превратила их в людей. Ей нужны были верные помощники, да такие, чтобы в них совести не было. Какая совесть в свиньях? Зато интеллектом они равны человеку. Нелюди, словом. Не выходцы из нижнего мира – орки и гоблины, что они для нашего мира? Так, страшилки. А эти среди людей живут, и никто на них не подумает ничего плохого. А ведь они одним только своим образом жизни могут превратить очень многих людей в свинтусов и без всякого волшебства. Помнишь волшебницу

Цирцею, обратившую спутников Одиссея в свиней? А тут и Цирцея не нужна. Этих двоих, а их ведь может быть сколько угодно, хватит, чтобы многих людей превратить в нелюдей. Принцип – как в твоей пушке. Несколько центров кристаллизации – так их называют? – и огромная туча прольется дождем! Потому Кольгрима и пришла к нам, и так неприязненно глядела на тебя. Ты теперь главное препятствие на пути ее злого замысла! Она точно уверена, что ты раскусил не только тайну ее дракона, но и тайну самшитового посоха!

– Ты хочешь сказать...

– Вот именно! Этим посохом она и превращает свиней в людей! И кто его знает, во что еще! Тебе, увы, предстоит встреча с Кольгримой, и ты должен остерегаться этого посоха. Против остального я тебя обучила, но тут бессильна. Это посох верховного нойда Лапландии, шамана, который Кольгрима обманом выманила у него сто лет назад. Тогда наши пути с сестрой и разошлись. Вот что, – продолжила Лоухи. – Сходи-ка сейчас еще разок к Мартонену и к Петру, к Какконену загляни, попеняй ему о том, что мусор снова стали мешать, не разделяя стекло, бумагу и пластмассу. Калле не забудь. Теперь нам что таиться? Надо людей спасать! Поинтересуйся, не покупал ли кто в последнее время коттеджи, кто расходует больше других энергии и воды, к кому то и дело приезжают гости. Словом, побудь сыщиком. Учти, времени у нас совсем нет.

– Хорошо, бабуля. А если Кольгрима всё-таки на Мадагаскаре? Или в Лапландии, за полярным кругом?

– Ну, тогда что, тогда ничего. Будем делать то, что в наших силах. Вот так, Так-так.

Глава 12. Метаморфозы информации

Так-так уже хотел выключить компьютеры, как пришло письмо от петербургского вирусолога Андрея, в котором тот сообщил, что о вирусе Си1Ви1 он кое-что знал, но не обратил на него должного внимания, поскольку за истекшие полгода число вирусов и вредоносных программ резко возросло. Познакомившись со всей информацией о нем, ужаснулся – такого монстра компьютерный мир еще не знал. Пока неясно, к какому виду его отнести и как исследовать. Хорошо, что он упакован в нескольких зараженных файлах разной длины и различных типов, но это не облегчает задачу, поскольку они архивированы непонятным способом, и при распаковке объем каждого файла может возрасти в миллион или миллиард раз. И хотя этого в принципе не может быть, подчеркивал Андрей, интуиция подсказывала ему, что именно так и будет, произойдет информационный взрыв, который уничтожит компьютерную сеть его лаборатории. «Он опаснее противопехотной мины, и боюсь, как бы не случилось чего-нибудь и похуже (?)» – так с вопросительным знаком в скобках заканчивалось письмо. Неясно было, берется вирусолог за изучение монстра и поиск противоядия-антивируса или нет.

– Похоже, вирус – плод наших свинтусов, – сказал Так-так, прочитав Лоухи письмо. – И это уже свершилось. А вот дракон пока еще не вылетел из своего гнезда в мир, и он наверняка имеет такую же информационную природу. Когда я пальнул в него из пушки, ведь не выпало ни одной капли воды. Но во что-то облако должно было обратиться?! Очевидно в то, из чего было создано. В информацию! Она же невидима, нематериальна, ее словно и нет! И для нее, как для радиоактивного излучения, преград нет! Я фактически взорвал информационную атомную бомбу, которая к счастью для нас с тобой оказалась безвредной...

– Потому что мы с тобой – к счастью – в Добром краю, Такушка! Эта бомба наверняка была напичкана злом, которому наш край не дал распространиться и тут же уничтожил.

– Эти ребята научились сжимать информацию до сверхкритического объема, при котором она конденсируется в видимое облако и перемещается, куда его направит создатель.

Бабуля, создатель – с маленькой буквы!

– Так и говори: свинтус! Не страшно, что информация превращается в облако. За это открытие могут и Нобелевскую премию дать. Страшно другое – для чего и из чего создано это облако. Информация-то она самая разная. Ведь можно собрать со всего света одну лишь человеконенавистническую, злую информацию, сжать ее, а потом этого дракона послать куда хочешь, и взорвать его там! Такушка, спеши.

Так-так поспешил в поселок. Его не покидала мысль о грандиозности беды, нависшей над миром, к тому же он досадовал на себя, что в свое время не окончил биофак, вследствие чего не знал сейчас, может ли дракон быть зараженным еще и болезнетворными вирусами.

Так-так сначала побывал у Мартонена, но тот никакой информацией о месте возможного пребывания Кольгримы не обладал. Петр и вовсе не заметил в тихой жизни поселка перемен, ничего странного и тревожного. Оставалось поговорить с Какконеном, но для этого надо было сначала объяснить суть предстоящего разговора переводчику – Калле.

– Чтобы разговорить Калле, у меня есть напиток богов – пиво, а для Мартонена, так и быть, принесу в жертву это. – Петр вытащил из-под стола чемоданчик, на котором было написано «Шашлычный набор».

Вскоре Петр привел Калле, которому по дороге рассказал обо всём. Эстонец, увидев Так-така, ничуть не удивился, точно каждый день пил с муми-троллями пиво. Он плотно уселся в кресле и, потягивая напиток богов, стал увлеченно рассказывать, что однажды светлой лунной ночью (было полнолуние!) видел, как по центральной улице поселка шла некая дама и тросточкой погоняла огромный валун, весом не менее пяти тонн...

– Это как? – не понял Петр. – Погоняла? Он, что, сам шел?

– Нет, летел. Камень летел, а она слегка постукивала по нему своей палочкой. По форме камень напоминал палец, такой вытянутый... А может и все двадцать тонн! – добавил рассказчик. – И что интересно, не просто погоняла камень, как пастух скотину, но еще и разговаривала с ним, как с важным господином. «О великий дух!» – трижды произнесла она, пока миновала меня. Я спрятался под

елью. Признаться, мне не очень хотелось, чтобы она заметила меня.

– А что ты делал ночью на безлюдной дороге?

– Я? Прогуливался. Бессонница одолела.

– Ну, шла она, и куда пришла? – спросил Так-так.

– Дошла до тупика, в северной стороне... Там прошлым летом прорубили просеку, проложили дорогу и до зимы успели поставить четыре коттеджа. Дошла до этого тупика и свернула в него. Я, конечно же, не пошел за нею. Но на другой день не вытерпел и заглянул в тот тупичок. И что же я там увидел?

– И что же ты там, Калле, увидел?

– Еще есть пиво? Что же я там увидел? Я там увидел такое, что и во сне не увидишь! Возле одного из домов, на въезде во двор, на двух валунах, выпиравших на проезжую часть, лежал тот камень! Поперек. Но это не всё. Когда я подошел ближе, увидел, что камень опирается лишь одним концом на валун, а второй конец висит в воздухе! «Сейд!» – подумал я. Знаете, что такое сейд? Хорошее пиво, Петр!

Так-так кивнул, а Петр, пожав плечами, сказал:

– Плохого не держим.

– Это природная эквилибристика, – продолжил Калле, – валун в неустойчивом положении. Смотришь на него и не понимаешь, как он может стоять или висеть и не падать. Но это не всё, тут еще мистика разная. Говорят, в сейде духи живут, эльфы, души шаманов, что это вход в потусторонний мир, средоточие космической энергии, чего только не говорят!

– Но ведь сейды поставлены тысячи лет назад, – возразил Так-так. – Какой же это сейд, если его поставили только что, скорее всего с помощью подъемного крана.

– Кабы! – вскинулся Калле. – Никаких подъемных кранов тут уже два года не было! И этот валун с вершины скалы, что за тридцать километров от поселка! Это я точно знаю. Могу даже фото показать из альбома о нашем крае! Так вот. Не о том говорим. Я даже ладонью провел под камнем, чтоб убедиться, есть там зазор или нет. Есть! Тут слышались голоса из дома, я спрятался в сирени. Смотрю: из дома выходит дама в черном, садится в старенький Вольво, камень поднимается, как шлагбаум, вот так, пропускает ее, а потом

опускается! Машина выехала на дорогу и тут же исчезла из глаз. Буквально, точно растворилась в воздухе!

– Скорее провалилась сквозь землю, – уточнил Петр. – Да, Калле, дамы в белом, понятно, когда появляются. А вот дамы в черном – от чего?

– Ты можешь насмеяться надо мной, сколько хочешь, – сказал Калле. – Я привык. Но я это сам видел!

– Это очень интересно, что вы рассказали, херра Калле, очень интересно! – сказал Так-так. – Подскажите теперь, как попасть в тот дом? Может, Какконен, посодействует, как официальное лицо? Я, к сожалению, не могу идти с вами, а вы посмотрите, есть ли там люки в полу, аппаратура, компьютеры, сколько их.

Петр захватил подарок и вместе с Калле пошел к Какконену. Тот обрадовался презенту и, услышав от Калле о сути предстоящей акции, тут же пошел с ними. Заодно он собирался потребовать от владельца оплатить долги за чудовищный перерасход воды и электроэнергии.

– За месяц израсходована годовая норма!

Перед домом, опираясь на один из двух валунов, лежал, а вернее, висел в воздухе каменный палец. В пустом дворе мужчина, похожий на дятла, выдалбливал в стволе сосны паз. Гости поздоровались. Какконен представился и попросил показать счетчики расхода электроэнергии и воды. Мужчина стал объяснять, что он не специалист по техническим вопросам, а садовник, но всё же проводил их в дом, где в прихожей Какконен списал в свой блокнотик нужные ему сведения.

– Вы говорите, что садовник, – сказал Какконен, – а где же сад?

– Сад? В проекте пока.

– Хозяйки нет?

– Хозяйки? Тут нет хозяйки. Тут я хозяин.

– А машина чья?

– Где машина? Нет машины.

– А как вы добираетесь до поселка?

– Подвозят знакомые.

– Две просьбы к вам, как к хозяину. Срочно погасите задолженность и уберите с дороги валуны, на которых лежит каменный палец. Вы на метр вышли за границы участка.

– Хорошо, – сказал хозяин-садовник.

На том и распрощались. Когда комиссия вышла из дома – валуны уже были подвинуты, причем на земле не осталось следа от их передвижения!

– Может, они тут и были? – пробормотал Калле.

– Ну что? – задал вопрос Так-так, как только Петр и Калле зашли на террасу.

– Мы в прихожей были, но в комнате наискосок я заметил компьютеры и двух парней за ними, – сказал Петр. – А счетчик так мотал, точно показывал расход электроэнергии всего поселка. Люка вроде нет.

– Что ж, – сказал Так-так, – картина сложилась. Скорее всего, это логово Кольгримы, а на компах ее свинтусы. Надо проникнуть в дом, когда там никого не будет, и уничтожить всю технику. Чем скорее, тем лучше. Надо только как-то выманить их. А пока пошли домой. Обедать пора.

– У меня есть обед, – сказал Петр.

– Спасибо, мы к тебе еще вернемся.

Рассказав Лоухи о последних новостях, Так-так прошел в потайную комнату. От Андрея пришло письмо, в котором он сообщал о том, что срочно выезжает из Питера на поезде «Аллегро» и просит встретить его в Лахти в 14–09. Он будет в третьем вагоне с оранжевым платком на шее, чтоб заметнее. Оставалось десять минут.

– Успею, – сказал Так-так. – Выпью чашечку кофе с булочкой. И Петра захвачу, а то боюсь, на перроне не все воспримут меня правильно.

Так-так выпил кофе, заскочил в поселок, и в 14–09 Петр оказался перед дверью третьего вагона «Аллегро».

– Вы Андрей? – обратился Петр к мужчине с оранжевым платком на шее.

– Да, а вы Так-так. Интересное имя у вас.

– Я Петр. Так-так на стоянке.

Они прошли туннелем на стоянку.

– Станем вот здесь, – сказал Петр, и не успел приезжий спросить, а где машина, как они оказались вместе с Так-таком возле избышки Лоухи.

– Вот и Так-так, – сказал Петр. Андрей, не успев оправиться от резкой смены пейзажа, с удивлением посмотрел на Так-така и протянул ему руку.

– Не удивляйтесь, – сказал Так-так. – Если будете постоянно удивляться, не заметите ничего удивительного.

– К сожалению, у меня совсем нет времени, – сказал Андрей. – Вечером я должен быть в Питере. Но я не мог не приехать. Я всё же разобрался с вирусом-монстром, узнал даже, где его создали. Как разобрался – это ноу-хау. Мало того, я понял, какую опасность несет новое чудовище – «дракон». Удачное имя дали ему, и впрямь, дракон! Его запуск приведет к катастрофическим последствиям. Я же писал вам о противопехотной мине. На самом деле он еще хуже. Надо срочно уничтожить его! Знаю как. Я взломал их защиту, скачал три файла, запускающие «дракона», после чего и разобрался с ними. Эти три файла теперь надо заменить другими, они вот в этой флэшке. Их я взял у них же – они колоссального объема и сжаты невероятным способом. Им я присвоил имена файлов, запускающих «дракона». Когда компьютерщики откроют любой из них – тот распакуется, и будет пламенный привет. Информационный взрыв разнесет всю сеть в клочья! Главная проблема: как зайти к ним в эту сеть. Я не успел войти повторно и произвести замену. Они увидели взлом и тут же вышли из Интернета. Теперь надо напрямую войти и скинуть файлы с флэшки, просто скинуть. Там есть еще один файл, четвертый, хитрый такой, он всё сделает сам и самоуничтожится, никто и не заметит подмены.

– Андрей! Не знаю, как отблагодарить вас! Вы даже не представляете, что вы сделали!..

– Представляю, уважаемый Так-так, очень хорошо представляю. Простите, но мне пора ехать. Осталось полтора часа. Поезд в 16–45.

– Успеем. Пополдничаем. Бабуля сейчас угостит нас отменным пирогом, и я вас доставлю прямо к вагону за пару минут!

Глава 13. Тайна сейда

Проводив Андрея на вокзал, Так-так попросил Григория понаблюдать за домом Кольгримы.

– Надо разобраться с распорядком ее дня. В доме она или нет, если нет, откуда и когда приходит. Может, у нее свои тайные тропы, по которым она попадает к себе. Так что не только смотри, но и прислушивайся ко всему, что творится в доме. Лучше всего залечь в кустах сирени. Смотри, не усни.

– Обижаешь, начальник!

– Прежде всего меня интересует камень-шлагбаум.

– Понятно – сейд.

– Ты что-то знаешь о сейде? – удивился Так-так.

– Да всё, что положено знать, знаю, – спокойно ответил кот. – Камень как камень.

– Э, брат, тут ты не всё знаешь.

– Я что, вру? Говорю же, всё знаю. Что в нем душа верховного шамана Лапландии, что там царь эльфов, что через него крысы шмыгают с весточками. Они там посыльные, как моя Чернавка. Кстати, ее надо определить в воздушные наблюдатели! Я из кустов буду наблюдать, а она с сосны. Девушка сообразительная, ничего не пропустит.

– Что ж, хорошая мысль...

– Неплохая, – согласился кот.

– Меня дух шамана и эльфы мало интересуют, а вот Кольгрима – очень!

– Надо крысу поймать, посмотреть, что у них там за весточки!

– Поймай. Справишься?

– А то!

Кот и ворона заняли свои посты и притихли там. Когда в спальне Кольгримы зажегся свет, Чернавка перелетела на террасу и стала наблюдать за происходящим с подоконника. В полночь разведчики

доложили Так-таку о том, что увидели.

– Вечером из дома вышли три парня, – сообщил кот, – те, что приходили к нам. Они остановились около сейда, кричали о чем-то, гоготали, стали биться лбами, как бараны. Неожиданно каменный палец поднялся в воздух и крутнулся вокруг себя. Одного парня он сшиб на землю, а другим погрозил, вот так. После этого дурни куда-то исчезли. Появилась крыса. Она выскочила из камня, огляделась и не спеша направилась к дому. А там под крылечком уже был я! Конечно, я сильно рисковал, но без риска разве совершишь подвиг?! – Григорий самодовольно заурчал. – Здравствуй, говорю ей, а у нее от ужаса глазки стали закатываться. Уж как она умоляла меня отпустить ее! Мол, детки малые ждут, старушка-мать. Я, конечно, великодушно отпустил – в обмен на записку, которая у нее была в ранце. Вот она.

Так-так прочел:

– «Стиксу. Буду через три часа. Планы те же. Начнем под Иванов день, в полночь с пятницы на субботу. Перед сном еще раз проверьте всё! К.» Значит, они хотят выпустить дракона завтра ночью... То-то Кольгрима обещала бабуле не трогать нас до Иванова дня! Подгадала времечко, ничего не скажешь! Когда земля и без нее во власти злых духов. В ночь под Иванов день не дай бог встретить оборотня или лешего. Мало не покажется и от встречи с ведьмой или колдуном. Даже с гадюкой, та вообще бросается на любого, кого видит. С ними точно встретишься, если пойдешь за цветком папоротника! До кладов много охотников, и без этого цветка их не найти. Вот только сам цветок отыскать удастся немногим, он распускается всего на две секунды, раз, два – мигнул, и нет его. Даже если успел сорвать, потом всё одно сгинешь. Так-то вот... А пойдешь купаться – и чего всех тянет к воде в этот день? – тебя еще и водяной утащит на дно, Ох, как он не любит, когда мутят воду и портят ему праздник!

– Он что, тоже празднует Иванов день? – спросил кот.

– Нет, он празднует в этот день свои именины. Ну что ж, отвлеклись немного. Григорий, ты действительно совершил подвиг. Добрый край не забудет своего героя!

– Да уж, пожалуйста, пусть не забудет: лучшая награда для меня – зеленые оливки и черный кофе. Ну и медаль, конечно. Ордена не надо, я согласен на медаль. Кстати, не так-то просто смотреть на тот

камень. То и дело в глазах мережило, рябь не рябь, туман не туман, непонятно что... Будто светляк в глаз залез и копошится там! Так вот, это еще не всё, что я увидел. Следующий подвиг. Кольгрима появилась из камня ночью и сразу же прошла в дом...

– Я видела, – перехватила доклад кота ворона, в надежде тоже получить медаль и к ней два-три куска шашлыка, – я видела, как она поднялась на второй этаж в свою спальню и легла спать. Я для этого специально, тоже с риском для жизни, перелетела с сосны на террасу. Свою клюку бабуля поставила у изголовья и несколько раз рукой проверила, на месте ли она.

– Не называй ее «бабулей», – сказал Так-так. – Вас никто не заметил?

– Никто.

– Сейчас возвращаемся в избушку. Покажу тебе, Григорий, что надо будет завтра сделать. Пока не знаю, как ты проникнешь в дом, ну да не мне тебя, кота, учить, как незаметно в дом проникать!

– Да уж! – надул Григорий усы. – А чего ты, учитель, сам не проникнешь в дом Кольгримы и не сделаешь то, что надо?

– Ох, въедливый ты какой! Как тебя Петр терпит?

– Терпит. Так как же, Так-так?

– Я легко сделал бы это и без твоей помощи, мне не сложно проникнуть куда бы то ни было, но во владения Кольгримы зайти не могу. Там на меня и на бабулю расставлены ловушки, из которых очень трудно выбраться. Пожалуй, что и невозможно. А против тебя ловушек нет. Для Кольгримы все животные (уж извини!), впрочем, как и люди, всего лишь объекты, которых она превращает во что угодно, хоть в камень. Вот оно что! – стукнул себя по лбу Так-так. – Как же я раньше не догадался?! Этот каменный палец не просто сейд, в котором живет дух верховного шамана Лапландии, это сам шаман! Ну, конечно же! Кольгрима превратила шамана его же посохом в камень! И он теперь у нее в рабстве! О, подлая Кольгрима! Ей нельзя доверять, она от макушки до пяток сплошная ложь, клубок лицемерия, слиток зла!

Настала пятница. Утро выдалось солнечным, высоко кружила мошकारа, ничего не предвещало плохой погоды. На дверях многих домов висели березовые ветки и венки, отгоняющие злых духов и

гостеприимно приглашающие всех прохожих в дом, чувствовалось всеобщее радостное возбуждение перед праздником.

Так-так тоже ощущал озноб, но не от праздничных предвкушений, а от неопределенности, которую нес день, и опасности, грозившей не только Доброму краю, но и всем жителям земли. Он то и дело поглядывал на часы, на которых стрелки словно замерли. Так-так решил начать операцию часа за три до полуночи, когда Стикс и Ахеронт наверняка уже всё подготовят к запуску дракона, поужинают, расслабятся и будут перед включенными компьютерами ждать команды Кольгримы.

– Скорее бы прошел этот день! Скорее бы вечер! – несколько раз обронил он.

– Всё настанет в свой черед, – успокоила внука мудрая Лоухи. – Не торопи события. Они должны сами созреть. Не успеешь оглянуться, как наступит день завтрашний, и все твои тревоги растают, будто их и не было вовсе! Я тебя сейчас не просто успокаиваю. Я это знаю.

– Да я тоже знаю, бабуля. Но всё равно тревожно.

– Это дозволительно – тревожиться. Расслабляться нельзя. Сегодня вся надежда на Григория. Как, Григорий, не подведешь?

– Разве я кого-нибудь когда-нибудь подводил? – открыл кот глаза и зевнул. Он лежал на своем излюбленном месте, на крылечных перилах.

Лоухи погладила его по шерсти, Григорий закрыл глаза и замурчал.

– Всё будет хорошо! – сказала она.

Глава 14. Соблазны Иванова дня

После ужина Стикс еще раз проверил программу, подготовленную для запуска драконов. Целый год, день и ночь он отлаживал её, и понятно, что ошибок и недочетов в ней не могло быть. И не было. Недаром лучшие компании Силиконовой долины приглашали его на самые высокие позиции! Алчная Кольгрима заломила за программиста такую цену, что фирмы тут же потеряли к нему интерес. Одна организация пыталась за спиной благотельницы вести с ним переговоры, но после внезапной полосы неудач разорилась. Стикс за год каторжной работы так вымотался, что уже нет-нет, да подумывал, как бы ему вернуться в лес к своим хрюкающим сородичам. Конечно же, задача, которую ему поставила год назад хозяйка, была столь грандиозна, что он тут же воспламенился ею. Стикс сразу понял, что решить ее сможет только он один. Потому что только он один горел таким яростным желанием доказать всем прочим «нормальным» программистам, что он тоже человек, и не лыком шит! Сейчас, когда он уже доказал это, оставалось утереть им (и заодно всем этим «человекам») нос, да так, чтобы его запомнили надолго, как Герострата из Эфеса, когда-то сжегшего храм Артемиды. Но он не просто Герострат, страдавший комплексом неполноценности, он – полноценная личность, покоровший строптивую Информацию, недаром носящий имя реки смерти – Стикс!

Осталось запустить три файла, и целая флотилия драконов вылетит в мир. Бесшумно и стремительно она направится ко всем столицам и крупнейшим городам и мегаполисам мира. Все, все они, от ближайшего Санкт-Петербурга и Хельсинки до самого отдаленного Буэнос-Айреса и Сиднея через несколько часов увидят над собой зелено-желтых ангелов смерти! Ничего они не увидят, ибо слепы они, и невидима их смерть!

Стикс чувствовал ликование в груди. Не хватало воздуха в замкнутом помещении, разогретом работавшей аппаратурой.

И когда все драконы одновременно окажутся над своими целями, он – он, Стикс! – взорвет их всех, и они прольют на все эти людские скопища губительный огонь и серу бесчеловечной информации, созданной ими же. Они все сгорят в огне, который сами и разожгли!

Посмотрим, что противопоставят ему умники из той же Силиконовой долины! Впрочем, Силиконовой долины больше не будет со всеми ее умниками...

Всё-таки постоянное затворничество в компьютере может свести с ума! На свежем воздухе он не был уже два дня! До полуночи оставалось три часа. Стикса внезапно потянуло на волю, да так сильно, словно в нем разом проснулись все его звериные инстинкты. Ничего не сказав Ахеронту, он вылез из-за стола и незаметно для садовника-дятла ускользнул из дома.

Ночь была очень светлая. Возле озера жгли костры, слышались голоса, смех, радостные крики. Дорогу перескочил огромный заяц. Косой вдруг замер и оглянулся на Стикса. У того душа ушла в пятки. «Уж не оборотень ли?» – подумал он. Но заяц, сам испугавшись чего-то, подскочил и задал стрекача. Стикс посмотрел по сторонам, никого не было. Но он всё равно ощущал на себе чей-то буравящий взгляд! Чтобы не думать больше об этом, он быстро зашагал к ржаному полю, которое было недалеко от поселка. Почему он пошел туда, Стикс не знал. Он не знал даже, что именно туда идет. Постоянно ощущая затылком взгляд, он, в конце концов, не выдержал и побежал. Дорога промелькнула в мгновение ока. Вот и поле! Оно напоминало шкуру гигантского животного. Стикс потрогал колосья, нагнулся, понюхал их. Услышав девичий смех, он быстро спрятался в тени одиноко растущей приземистой березы. Две девушки подбежали к березе и стали ломать ветки. Они так возбужденно тараторили, что совсем не заметили парня, притаившегося с другой стороны дерева. Стикс вытянулся в струнку и, весь дрожа, прислушивался к их словам. Девушки со смехом обсуждали своих кавалеров, гадая, есть ли среди них суженые. Потом они скинули одежду и стали с визгом хлестать друг друга березовыми ветками. Нахлеставшись, они, как две кобылицы, с гиканьем понеслись вокруг ржаного поля. Стикс никак не мог унять дрожь, но это не был страх. Его словно подтолкнул кто, и он бросился за бегущими красавицами. Он бежал изо всех сил, не зная, зачем бежит, и что будет делать, если догонит их. Одна из девушек обернулась, увидела мужчину и громко крикнула второй: «Стой!» Подруги оказались не робкого десятка. Они остановились и стали ждать преследователя. Тот перешел на шаг и когда приблизился к ним, девушки со смехом набросились на него и стали хлестать его березовыми ветками по лицу, приговаривая:

– Не гляди! Не гляди!

Стикс, закрывшись руками, позорно бежал от них, а девушки продолжили свой забег по первому кругу, ожидая в конце третьего увидеть своих суженых. Почему они Стикса не посчитали суженым, знает, наверное, только ржаное поле.

Когда Стикс ушел, Ахеронт, воспользовавшись тем, что никого в доме не осталось, тоже выскочил из-за стола и пронесся к холодильнику, из которого вытащил кастрюлю с вкуснейшей бобовой похлебкой и стал жадно хлебать ее через край.

– Хоть бы разогрел! – услышал он и едва не подавился.

– Малость проголодался, – виновато сказал Ахеронт, потупив перед суровой Кольгримой свои оплывшие жиром глазки.

– Ты же на ужин съел две миски этой похлебки! – с негодованием бросила властительница. – Хватит есть! Еда пожирает мысли! Дела надо делать впроголодь! Тогда и еда покажется слаще! С завтрашнего дня перевожу на обычный паек! Посмотрю, как выдержишь три дня. А потом подумаю, стоит ли возвращать тебя к усиленному рациону питания или не стоит! Стикс где?

– Только что вышел.

– Только что, говоришь? Ну-ну. Вот только что он делал на ржаном поле? Марш за компьютер! Сиди и жди мою команду!

Когда Стикс вернулся домой, его встретила разгневанная Кольгрима.

– Где ты шлялся, поросенок? Забыл, что сегодня у тебя боевое крещение? Хочешь, чтобы год пошел коту под хвост?! Смотри, парень, еще раз поймаю на ржаном поле, ты у меня точно ржать начнешь! Бери пример с Ахеронта! Корпит молодчага, хоть и обжора, его труд будет вознагражден сполна! А твой – еще посмотрим! Через семь минут полночь. Как часы пробьют, так и запускайте! А я отдохну. – Хозяйка поднялась к себе на второй этаж. Она имела обыкновение, что бы ни случилось, какие бы важные дела не ждали ее, ровно в полночь отходить ко сну. Если же кто нарушал ее сон, его можно было только пожалеть. Страшный гнев волшебницы обрушивался на него, и благо, если это оканчивалось не печальными для него метаморфозами!

Стикс уселся за компьютер. Настенные часы пробили полночь.

– Это ты, Ахеронт, перекинул мне два файла?

– Нет. А мне ты скинул? Что-то долго он распаковывается. Постой-постой...

Раздался пронзительный свист, комп Ахеронта воспламенился, а следом и остальные компьютеры вспыхнули, как спички. Хакеры с ужасом глядели на синее пламя. В комнату забежала Кольгрима. С перекосившимся лицом она тыкала пальцем на горящие компьютеры и провода и визжала:

– Это что? Это что?! Да тушите же скорей! – Кольгрима сорвала со стены огнетушитель и залила горящие компьютеры углекислотой. Немного успокоившись, она скомандовала:

– Окна открыть. Проветрить. Включить вентиляцию и кондиционер. Всё убрать! И с пяти утра восстанавливать сеть, программу, файлы и всё, что нужно. Даю неделю. Не восстановите, вернетесь к своим баранам, как те трое придурков. Пардон, к свиньям. Технику вам доставят из моего замка. Подготовьте список и отдайте садовнику!

Кольгрима поднялась к себе и долго ходила из угла в угол, бормоча: «Ну что же, сестра моя Лоухи! Ну что же, внучёк мой Так-так! Решили, что мы тут все олухи? Ошибочка вышла, вот так!» – Кольгрима не заметила, что у нее от сильных переживаний сложились стихи. – «Обмануть захотели меня? Не учли, что я всё же кремень! Ох, попляшите вы у меня! Ох, устрою Иванов вам день!»

Кольгрима впервые не спала до утра, продумывая, как выманить сестренку и ее муми-тролля в поселок и сторицей возблагодарить их за все «добрые дела». В их «Добрый край» она не хотела соваться, так как там ее чары и посох были бессильны.

– Григорий, тебе надо Орден Почетного легиона вручить или что-нибудь не менее почетное! – Так-так радостно потер руки. – Ты управился в шесть минут!

– Я насчет награды уже говорил: оливки, черный кофе и медаль. Этого будет достаточно.

Весьма довольный хорошо проделанной работой, Григорий сытно поужинал, улегся в кресле кверху брюхом и, закрыв глаза, стал вспоминать, как ловко он, увидев, что оба хакера покинули компьютерный центр, проник в помещение, вставил флэшку и скинул

файлы в сеть. Правда, Григорий слегка умалил в своих воспоминаниях роль Чернавки, подсказавшей ему, что Ахеронт вышел из центра, и там больше никого нет. «Ловко у меня получилось!» – думал кот, и блаженная улыбка гуляла по его морде. Кто бы мог сказать в эту минуту, что коты не улыбаются! Улыбаются – почище Чеширского кота!

Глава 15. Похищение

Солнечным утром Иванова дня к дому Сомовых подъехала Вольво. Из машины вышла элегантная дама в черном, правда, не праздничном платье. Она слегка прихрамывала и опиралась на посох с резной ручкой. Незнакомка постучала в дверь. Вышла Ирина. Дама поздоровалась с хозяйкой и спросила, где живет эстонец Калле. Акцент выдал в ней тоже эстонку.

– Вы его родственница?

– Да, сестра. У нас печальное событие – скончалась наша бабушка.

– Калле живет на соседней улице, номер дома не помню. Наискосок от поворота. Муж знает, но он на озере. Дочка подскажет. Маша! Покажешь тете дом дяди Калле?

– Конечно, мамочка!

– И я с тобой! – крикнула Даша.

– Хорошо, покажите, и сразу обратно. Завтрак уже готов.

– Мы пешком, – сказала дама. – Пусть машина постоит здесь. Не обременит?

– Да ради бога, пусть стоит, сколько надо!

Дама взяла девочек за руки, посох зажала под мышкой, и они пошли по дороге, о чем-то оживленно беседуя. Звонкие голоса девочек радостно разносились в воздухе, но Ирина вдруг почувствовала беспричинную тоску от их ломких голосов. Вот они зашли за поворот, и Ирина вернулась на кухню собирать на стол.

Прошел час, девочек не было. Вернулся с озера Петр.

– Всё, мотор приладил, теперь можно на остров сплавать и на ту сторону. Там, говорят, очень красиво.

– Девочек что-то нет, – озабоченно сказала Ирина.

– А где они?

– Сестра Калле приехала, их бабушка умерла. Она свой автомобиль возле нас оставила, Вольво, а девочки пошли показать ей дом Калле.

Петр вышел на крыльцо, прошел на парковочную площадку, пожал плечами и вернулся в дом.

– А где автомобиль?

Ирина растерялась:

– Нет?

– Нет. И следов нет, что он был. Я утром выровнял площадку. Следы бы остались. Машина-то была?

Ирина выскочила из дома, стала бегать вокруг дома и звать:

– Маша! Даша! Маша! Даша!

Петр побежал к Калле. Тот чинил вентилятор в туалете.

– Привет! Сестра где?

– Какая сестра? – спросил эстонец.

– У тебя что, их несколько?

– Нет у меня никакой сестры!

Петр без сил сел на пол.

– Ты что? – спросил Калле. – Зачем тебе моя сестра?

– Она к тебе приехала. И с ней ушли Маша и Даша.

– Да нет у меня сестры! – закричал Калле. – С чего ты взял?

– Калле, как позвонить в полицию? Девочек похитили!

– Постой, как похитили? Кто похитил? Кто тут кого похищал когда-нибудь? Опомнись!

– Опомнился. Какая-то авантюристка представилась Ирине твоей сестрой, сказала, что приехала к тебе, но не знает, где ты живешь. Оставила свой Вольво около нашего дома, хотя там никаких следов машины нет, и дочка повела ее к тебе. И пропали, вместе с Вольво.

– Постой-постой, Вольво, Вольво... Что-то знакомое... Ну да, помнишь, мы эту, как ее, даму в черном хотели увидеть. У нее Вольво стоял перед домом.

Петр поспешил домой.

– Ира, эта женщина была в черном платье?

– Да, у нее бабушка умерла. Хотя, какая бабушка? Она сама уже бабушка.

– У нее был в руках посох, трость, костыль, ну что-то такое?

– Был посох с резной ручкой. Я еще обратила внимание, такой изящный.

– Это она! Это она!

– Да кто она?! – закричала Ирина.

– Кольгрима! Надо Так-така искать. Но как?

На машине подкатил Калле и предложил ехать к Мартонену, тот приятель Так-така.

– Да скажите, что за женщина с посохом? – закричала Ирина.

– Не волнуйся. Женщина и женщина. Сейчас найдем девочек.

Мартонен не знал, как найти Так-така.

– Он всегда сам приходит ко мне без предупреждения. Знаю, что надо дойти до обзорной вышки, а от нее куда-то вбок по тропинке. Но всё равно к нему не попадешь, если он сам не приведет.

Петр поблагодарил Мартонена, и они с Калле вернулись домой. Оставив машину на окраине поселка, они углубились в лес. Возле смотровой вышки было тихо и глухо. Мужчины взобрались на вышку. С нее обзор был великолепный, но дома Так-така и ничего, что говорило бы о нем – дороги, тропинки, дымка, звуков жилища – ничего не было!

– Что будем делать? – спросил Петр.

– Самое разумное – ждать здесь. Так-так сам найдет нас.

– Как он нас найдет?

– Не знаю. Он знает всё наперед. Подождем.

– Хорошо, всё равно делать нечего. Как там Ирина?

Через полчаса возле них появился Так-так.

– Знаю, знаю всё, – сказал он Петру, – Можешь не рассказывать. Я Ирину попытался утешить. Сказал, что уже знаю, где девочки, что с ними всё в порядке.

– Ты знаешь?

– Узнаю скоро. Если я за что-то берусь, то всегда довожу до конца. Точно знаю место, где они были, а потом исчезли.

– Как исчезли?

– Самым натуральным образом. Зашли в тот камень. В сейд.

– В тот палец-шлагбаум?

– Вот-вот. Там вход в мир Кольгримы.

– И как мы попадем в него? – спросил Петр. – Ты-то, может, и попадешь, а я?

– Тебе не обязательно. Но до того, как идти к ней, мне надо завладеть ее посохом. Иначе я оттуда не выйду. Боюсь, она для этого и похитила девочек, чтобы меня с бабулей выманить из Доброго края в свое логово. Там мы бессильны против нее, и никто нам не сможет помочь.

– Как же ты хочешь завладеть ее посохом, не заходя к ней в дом?

– Друзья помогут: Маклеод, Григорий, Чернавка, Юстас.

– Как они помогут? Ты смеешься?

– Да уж, какой тут смех! Петр, ты совсем не знаешь их. Впрочем, Григория знаешь. Это настоящие парни, даже ворона. Мы с бабулей разработали план операции. Сегодня ночью посох будет наш!

Глава 16. Самый первый петух

После бессонной ночи и колготного дня, когда пришлось заниматься девчонками, Кольгрима была не в духе. Пленницы достали ее своими воплями, но не страха, а какой-то бессмысленной бравады. «Это что еще за диво? Проходи скорее мимо!» – то и дело кричала старшая, а младшая и вовсе ввинчивала в мозг пронзительные вопли: «Не боюсь тебя, Кольгрима! Проходи скорее мимо!» С ними ничего нельзя было сделать. Никакие угрозы и уговоры не действовали. Бить девчонок или затыкать им рот не хотелось. Что-то удерживало фурию на последней грани благоразумия. Впрочем, она уже готова была обратить их хотя бы на денек-другой в двух лягушек! Особенно достала Кольгриму младшая. Старшая устала через час, а младшая вопила, не умолкая, целых три часа!

Оставив девчонкам булочки и кока-колу, Кольгрима закрыла их в одной из комнат своего подземелья и поднялась в дом. В компьютерном центре Стикс и Ахеронт восстанавливали сеть. При виде хакеров Кольгриму стала душить такая злоба, что она едва сдержалась, чтобы не обратить их в свиней, а еще лучше в камни и бросить их в озеро! Но всё же она одумалась, так как тогда никто не сделает того, что смогли сделать они. Тогда не год, а все двадцать лет, что она потратила на образование этих бестолочей, пойдут насмарку!

Сильно раздосадованная, Кольгрима смотрела на работавших парней и прикидывала, сколько времени потребуется им на восстановление данных, разработку программы и прочее. У Стикса, конечно, превосходная память и острый ум, но всё равно в сутках всего двадцать четыре часа, их не сделаешь даже двадцатью пятью. «Дам им четыре месяца, – решила она. – За четыре месяца должны восстановить. А там и Хэллоуин подоспеет к четвертому ноябрю. День Всех Святых – тоже неплохой денек и ночь, вся нечисть земли правит бал! И погода под стать: мрачная и промозглая. Ничего, отыграемся!

После принятого решения Кольгрима несколько успокоилась и побрела к себе в спальню. Сил у нее осталось мало. Надо хорошенько выспаться. Завтра наверняка пожалует сестренка с Такушкой, вот

тогда и поквитаемся с «родственничками»!

Было душно. Она открыла окно, завешенное сеткой от комаров, и легла спать. Только-только стала забываться, как вдруг под окнами оглушительно заорал петух. Кольгрима даже подскочила на кровати – так несуразен и странен был этот крик, точно кто из ада тщетно взывал о помощи. Уж она-то наслышалась этих сладостных криков, которые, правда, сейчас были совсем ни к чему!

Она выглянула в окно. Было темно. Зажгла наружный свет, но никого не увидела. Старуха потушила свет и снова улеглась. Едва задремала, опять заорал петух, да еще громче прежнего. С руганью Кольгрима подскочила и выбежала босиком на террасу. Там никого не было. Свесившись через бруствер, она, сорвав голос, докричалась садовника и велела ему найти этого горлопана и свернуть ему шею.

В комнате послышался глухой звук, будто на пол упала какая-то деревяшка, но Кольгрима не стала возвращаться в спальню, а спустилась вниз выпить успокоительных капель. Накапав из пузырька в два раза больше капель, чем обычно, она, передернувшись, выпила неприятное питье и поднялась в спальню.

Посоха не было!

Посоха, который сто лет всегда стоял ночью у изголовья, не было!

Кольгрима упала на колени, обшарила пол, все углы и закоулки. Посоха не было!

Дикий вой раздался из комнаты, от него оторопели жители соседних домов. Так не были даже волки в голодную зимнюю пору. Так не завывал даже свирепый ветер, который с корнем вырывал столетние сосны и ели.

Маклеод в это время, хрипя от натуги, мчался к окраине поселка. Он нес в зубах посох, который Григорий стащил, когда колдунья выскочила на террасу. Так-так взял посох и поцеловал пса.

– Спасибо, дружище! Ты чудо!

Вскоре прибежали Григорий и Юстас и прилетела Чернавка.

– Спасибо, друзья, – растроганно произнес Так-так. – Вы сослужили мне воистину царскую службу.

Выстроившись перед Так-таким, они дружно, как опытные

бойцы, крикнули:

– Рады стараться, Так-так!

Глава 17. Обмен по-честному

Не будучи уверенным, что колдунья после ночного происшествия останется в доме, Так-так все же зашел в него. На пороге ему встретился садовник, который, увидев в руках мумитролля посох, побледнел и вжался в стену.

– Не бойся, – сказал ему Так-так. – Хочешь опять летать?

– Хочу, – молвил садовник.

Так-так коснулся его ручкой посоха, снимавшей ранее насланные чары, садовник обернулся дятлом и вылетел в дверь.

В компьютерном центре стояли новенькие компьютеры. Стикс и Ахеронт, сгорбившись над клавиатурой, набивали одним им ведомые знаки и символы.

Так-так поздоровался с хакерами. Те, не поднимая головы, ответили, но потом оба взглянули в сторону гостя и вскочили со своих кресел.

– Простите, ребята, – сказал Так-так. – Хочу вашему безобразию положить конец.

– Так-так! – вскричали оба. – Не делай так!

– А я всё-таки сделаю так, – сказал Так-так и тронул концом трости ближнюю к нему ЭВМ. Все компьютеры тут же превратились в песок, который с шорохом осыпался на пол.

– Уберете? – спросил Так-так оставшихся без работы однокашников. – Или уйдете? Вы свободны. Компьютерного центра здесь больше не будет, это я вам обещаю.

– Верни меня обратно! – заревел Ахеронт.

Так-так коснулся рохли посохом и тот, обернувшись огромной толстой свиньей, с хрюканьем покинул дом.

– Ну, а ты? – обратился Так-так к Стиксу.

Тот молча глядел на своего институтского товарища, потом махнул рукой, выскочил в дверь и сломя голову побежал в сторону ржаного поля.

Уничтожив в коробках аппаратуру, еще не подключенную к

сети, Так-так покинул дом и подошел к каменному пальцу. Прикоснулся к сейду посохом. Тот заискрился, стал полупрозрачным, в нем открылась дверь, развернулись до земли ступени. Так-так поднялся по ним и вошел в маленькую прихожую, которая продолжилась уходящей вниз винтовой лестницей. Так-так ступил на нее. Лестница ввинчивалась вглубь земли, как бор-машина в больной зуб. Ей, казалось, не будет конца. Минут через десять тишина стала звенящей. Наконец, вот оно, дно. Так-так пошел по коридору, освещенному гудящими лампами дневного света – дрожащего и мертвенного. Коридор заканчивался тупиком с семью дверями, расположенными по вогнутой дуге. Так-так направил конец посоха на двери, и тот указал ему на среднюю дверь. Он зашел. В комнате на кресле резной работы, которому подошло бы слово трон, сидела Кольгрима, в углу находились девочки, пристегнутые к скамейке ремнями.

– Дядя Так-так! – закричали пленницы.

– Новая родня у тебя? – усмехнулась Кольгрима. – Дядя – родной?

– Это что еще за диво? Проходи скорее мимо! – закричала Маша. Даша ее поддержала:

– Не боюсь тебя, Кольгрима! Проходи скорее мимо!

Кольгрима зыркнула на девчонок и бросила:

– Цыц! Сброшу вниз, будете кричать! Пришел? – обратилась она к Так-таку. – А где же твоя «бабуля»? Она тебе такая же бабуля, как мне сестра. Сородичи – не родня!

– А мы с ней родня не по крови, а по душе! – сказал Так-так.

– А-а, ну мне этого не понять, это что-то заоблачное. Душа же она там высоко. А мы тут под землей. Жаль, что второй половины твоей души нет, ну да ладно. Это всё эфемерная материя. Девчата вон они. Забирай. В обмен на посох. Иначе не видать тебе их, как своих ушей! Под ногой у меня педаль, отпущу ее, они тут же провалятся под пол, откуда ты их не вытащишь даже этим посохом. Решай, что тебе дороже.

– Девочки! – сказал Так-так. – Но обмен произведем наверху. По-честному.

Кольгрима при этих, странных для нее словах едва заметно

усмехнулась. Сколько раз она слышала это от простаков, которые потом уже никогда не ставили ей никаких условий!

– Хорошо, – сказала она. – Поднимайся по лестнице. А я с девочками поднимусь на лифте. Возле сейда произведем обмен. По-честному.

Возле сейда Кольгрима подтолкнула Машу и Дашу к Так-таку, а тот протянул ей посох. Кольгрима, бормоча: «Камень? Иль жаба? Камень? Иль жаба?», схватила волшебный жезл и ударила им мумитролля по плечу. К ее удивлению, Так-так не превратился ни в камень, ни в жабу. С ним не случилось ничего!

– Значит, по-честному? – сказал Так-так. – Твой посох без этого, – он показал ей резную ручку, которую он отвинтил от посоха, – видишь, тут заклинания, фигурки, символы, без этой ручки этот посох просто клюка, обыкновенная палка! Хоть в костер ее бросай, не жалко. Разве что самшит... Сила посоха в ручке. Ты этого не знала?

– Попомнишь меня! – завывала обманутая волшебница.

Сейд был еще открыт, и Кольгрима поспешила в него. Зацепившись посохом за верхнюю ступеньку, она выронила его и упала внутрь камня. Слышно было, как она стукнулась об пол. Послышались проклятия, показалась голова Кольгримы в черной шляпке, съехавшей ей набок, но Так-так успел коснуться ручкой камня, и тот исчез вместе с ведьмой. А на земле рядом с посохом валялась черная шапочка колдуньи.

Перед Так-таким стоял в шаманском облачении с колотушкой и бубном, похожим на утиное яйцо, сам верховный шаман Лапландии. На коже, обтягивавшей бубен, были нарисованы такие же фигурки людей, животных и мифических существ, как на резной ручке посоха. Так-так поднял трость с земли, привинтил к ней ручку и с поклоном подал шаману.

Тот принял подарок, молча поклонился Так-таку и, подцепив концом посоха черную шляпку Кольгримы, растаял в золотистом воздухе июня.

Глава 18. Несравненная сеньорита Лоухи

Когда еще все спали, Петр накормил Григория, оставшегося ночевать в комнате девочек, попил кофе и вышел на террасу. В кресле уже нежилась Григорий.

– Я что думаю, Григорий, – сказал Петр.

– Что ты думаешь? – лениво спросил кот.

– Может, девочкам попугая купить? Волнистого или серенького жако. Обучим говорить его...

– Говорящий попугай – нонсенс, – изрек Григорий. – Болтун, находка для шпиона. Предатель рода попугайского.

– Почему предатель? А если он полиглот?

– Предатель-предатель, он предал свой птичий язык ради вашего узкопрофессионального человеческого.

– А как же тогда другие говорящие птицы – скворцы, вороны, галки, грачи?

– Те умные и хитрые. Чернавка так вообще царица, как Екатерина Великая. А этот будет дурак. Скажи ему «Попка дурак!», и он, как дурак, начнёт повторять: «Попка дурак!», «Попка дурак!»

– А если я тебе скажу: «Гриша дурак!»

– Скажи.

– Гриша дурак!

– Сам дурак!

Со стороны озера на тропинке показались Лоухи и Так-так. Они привели с собой Маклеода и кур. Чернавка сидела на плече старушки. Куры тут же бодро пошли к кустам смородины, Чернавка, переваливаясь, за ними.

Лоухи и Так-так обнялись с Петром, прошли на террасу.

– Теперь нет нужды прятать их в Добром краю, – сказала Лоухи. – Кольгримы больше нет. Да и Мартонен не требует кур обратно.

Только она произнесла это, к дому подъехала машина, из

которой вылезли эстонец Калле и Мартонен. Мартонен сказал, что из Хельсинки в поселок выехала съемочная группа финского новостного канала YLE, брать интервью у Петра и Так-така и снимать про девочек ролик.

– А теперь перекусим, – воскликнула Лоухи. Она, как Марья-царевна, махнула рукавом, и на столе появился вкуснейший пирог из ржаной муки – калакукко с лососем и перловкой. Ирина подала две тарелки золотистых блинов, сметану и вазочки с вареньем из крыжовника. Мартонен привез брусничную настойку, а для Калле Петр достал из холодильника пиво – напиток богов.

– Какой у блинка хрустящий краешек, – сказал Петр. – Ублажила, Ириша! Хороший край, добрый!

– Добрый, добрый край! – подмигнули друг другу Лоухи и Так-так. – Этот добрый край теперь всюду, куда ни пойдете.

– Я знаю! Я знаю! – воскликнула Даша. – Там, где мы, там везде добрый край!

После плотного перекуса у всех было прекрасное настроение. Когда Инту увидел Юстаса, выглянувшего из-под смородинного куста, он помахал ему рукой, подошел и погладил его по спине. Петух благосклонно поглядел на бывшего хозяина и в ответ кивнул своей благородно посаженной головой.

Так-так стал играть с Дашей в бадминтон, уже делавшей первые успешные шаги в освоении этой богемной игры. Маша села за фортепиано и громко объявила:

– Сонатина! Исполняет Маша Сомова!

– Я теперь знаю не только то, что будет через неделю, – сказала Лоухи. – Я теперь знаю наперед на год. Наверное, потому что без Кольгримы воздух стал прозрачным и чистым. Даша выиграет свой первый матч в Спортивном центре Лахти. Это будет в августе. А Маша получит осенью в Петербурге свой первый диплом на детском музыкальном конкурсе.

Маша стала бодро играть кумпарситу.

– Какая она у вас молодец! – сказала Лоухи. – Так четко играет. Помню, мы очень любили танцевать танго сто лет назад. К нам танго пришло из Парижа, лет за пять до войны. Так что мы успели натанцеваться без угрызений совести!

– Разрешите пригласить вас, – подал Петр руку Лоухи.

– Только, чур, я не буду делать акцент на первый и третий удар, силы уже не те!

После танца, Лоухи уселась за стол и, переводя дыхание, стала рассказывать, какое огромное впечатление произвел на нее Аль Пачино, исполнявший с партнершей танго в одном из фильмов.

– «Запах женщины», – подсказал Григорий. Он лежал неподалеку под солнышком и смотрел, как играют в бадминтон Так-так и Даша, как куры роются под кустами смородины, а рядом с ними прохаживается Чернавка, как Маклеод отдыхает в тени валуна.

– Да, да, «Запах женщины». Как он танцевал! Я после этого картины не смотрела больше ни одного фильма! Всё не то!

Ирина, смахнув слезинку, подошла к Лоухи и поцеловала старушку в щечку.

– Я так благодарна вам с вашим внуком, руова Лоухи!

– Нэйти, – мягко поправила старушка. – Впрочем, что это я? Я с детства мечтала стать сеньоритой! Помните, нет, вы не помните, фильмы с Лолитой Торрес?! Разве я не заслужила это скромное обращение – несравненная сеньорита Лоухи?!

Кольгрима

Вторая повесть

*Кто другому яму копает, тот сам в нее
попадет.*

Русская народная пословица

Глава 1. Теплые пирожки

Стикс оцепенел, когда увидел, что Ахеронт после касания посоха превратился в огромного кабана. Когда тот с довольным хрюканьем протрюхал в дверь, Программист перевел взгляд на Так-така и соображал, кем же он хочет быть – человеком или вепрем? Ведь по большому счету он жаждал освободиться от гнета волшебницы и обрести потерянную свободу. Так-так, восприняв его молчание, как согласие вновь стать кабаном, уже почти коснулся его плеча ручкой трости. Очнувшись, Стикс, сломя голову, вылетел из дома. Ахеронта он не увидел. На обочине под сиренью сидел большой заяц. Косой поглядел на него, но не убежал. «Это тот заяц, – решил Стикс. – Хороший знак!» Беглец припустил по дороге. Бежал и думал: «Правильно сделал!»

Ноги принесли его на ржаное поле – огромное и при дневном свете совсем не похожее на шкуру огромного зверя. Стикс нагнулся, сорвал несколько колосьев, понюхал их, попробовал зерна, листья и стебель на вкус. Огляделся, прошелся туда-обратно. На поле никого не было.

Конец июня Стикс провел в лесу. Питался он земляникой, еще не созревшей черникой и малиной, одуванчиками, корешками и побегами – инстинкт подсказывал ему, какие из них съедобные, а какие нет. Этого явно не хватало, чтобы утолить голод. Как-то он даже рискнул забраться на чей-то неогороженный участок и вытащить несколько морковок. А один раз не удержался, ночью пришел на помойку и рылся в пакетах из контейнера для пищевых отходов. Взял оттуда лишь несколько кусков черствого хлеба, отскоблил их сверху и, преодолевая отвращение, сгрыз. К тому же ночами было прохладно, а с утра иногда моросило. Хорошо, на той же помойке нашел продырявленный плащ, который как-то спасал от дождя.

В июле Стикс чудом устроился на ферму, хозяйка почему-то приняла его за своего дальнего родственника. На ферме он вместе с бригадой из России собирал клубнику и малину, а в конце июля и августе крыжовник и смородину. Несколько раз Стикс ходил в лес, собирал чернику. Работал он как заведенный чуть ли не весь световой день, от рассвета до заката. За полтора месяца заработал приличную

сумму, на которую рассчитывал протянуть какое-то время. Впрочем, Стикса не оставляла мысль, что он может устроиться и в университет преподавателем. Вот только где взять паспорт и диплом – они остались у Кольгримы в сейфе ее подземных чертогов.

Стикс попрощался с товарищами и с хозяйкой. Не зная, куда направиться, он вернулся в поселок. Это было единственное место на свете, где ему хотелось жить. Пришел в тупичок, издали долго смотрел на дом, где целый год отлаживал программу. Не ясно было, есть ли сейчас кто в нем или нет. Вспомнив, что недалеко от озера живут родители девочек, которых похитила Кольгрима, машинально направился туда. «Конечно же, их отец должен знать, как найти Так-така! – решил Стикс. – Так-так поможет!»

Он подошел к дому, но не решался постучать в дверь. Стоял и смотрел на кур под смородиной и красавца кота, сидевшего возле них. Ему вдруг показалось, что они разговаривают. Да, они разговаривали! «Почему я понимаю, что они говорят?» – подумал Стикс. Прислушался.

– Вот что мне, Юстас, тут нравится, – говорил рыжий кот красному петуху, – так это водица из озера. Чудо что за водица! Просто сказочная, живая вода. Пьешь – не напьешься!

Петух, склонив голову набок, внимательно рассматривал черного майского жука. Тот лежал на спине и шевелил лапками.

– Да, отличная вода! – согласился Юстас и отвернулся от жука. Какой нелепый и жесткий продукт!

– А я лично предпочитаю водичку из водопровода, – сказала приземистая курица. – Она чрезвычайно благотворно влияет на микрофлору кишечника.

– По телеку недавно услышал, – сказал кот: – «Поздно пить боржоми, когда не все в доме!»

Петух от восторга даже всхлипнул.

– Нет, ты пей-пей эту воду, – успокоил кот обидевшуюся приземистую курицу. – Никакого вреда, кроме пользы, от нее не будет. Вообще-то водичка вон оттуда.

– Откуда?

– Из этого озера.

– Как из озера?! – воскликнула курица. – Она из крана идет!

– Дура ты, – сказал кот, – хоть и Жанна!

Тут из дома вышел Петр, и Стикс обратился к нему по-русски:

– Добрый день! Помните меня? Два месяца назад вы приходили за девочками. Я в том доме служил программистом.

– А, помню-помню, – сухо сказал Петр. – Здравствуйте. Чем обязан?

– Не подскажете, как найти Так-така? Мы товарищи по университету. Я был у него (он живет с бабушкой), но совсем не запомнил дорогу.

– Это не удивительно, – сказал Петр. – Вряд ли кто запомнил туда дорогу. Туда не ходят. Туда попадают. Вы зайдите через два-три дня. Если узнаю, обязательно скажу.

Стикс поблагодарил хозяина и направился к озеру. Майский жук перевернулся и шагал по тропинке. Стикс шел и думал, что шагает точно так же, как жук – ведь тот именно шагал, а не полз. Почему про жуков говорят, что они ползают? Да нет же – они ходят или бегают.

* * *

Так-так появился в поселке в тот же день. Постучал в дверь. Открыла Ирина. Обрадовавшись, она пригласила гостя в дом и усадила за стол. Стала хлопотать возле плиты.

– Муж сейчас придет. Как госпожа Лоухи?

– От нее большой привет. Собирается навестить вас, послушать Машину кумпарситу. А Даша где? Хочу поиграть с ней в бадминтон. Она, наверное, уже мастер спорта?

– Ваша бабушка права: Даша заняла в Лахти первое место в своей группе. Девочки у соседей.

Зашел Петр. Друзья попили чай с пирожками и уединились на террасе. Узнав о том, что Стикс жаждет его увидеть, Так-так посоветовал ничего ему не обещать, а показать дом лесника, пусть поживет в нем какое-то время.

– Посмотрим, изменился он к лучшему или по заданию

Кольгримы действует, – сказал Так-так. – Хотя ее следов я пока не замечал. Она еще там, под землей.

– Там ей самое место! – сказал Петр.

– Место для нее подходящее, но, боюсь, скоро выйдет оттуда.

– Пусть только появится возле моего дома! – пригрозил Петр.

Так-так улыбнулся.

– Что ей делать у вас? Спасибо за угощение. Я пошел. Провожать не надо.

* * *

Когда Стикс через три дня пришел к Сомову, тот сказал, что Так-так не появлялся.

– Вам лучше подождать его в доме лесника, – посоветовал Петр.

– А как найти этот дом?

– Как? – Петр посмотрел на Григория, отиравшего о его ноги.

– Маклеод проводит, – произнес кот. – Чернавка! Смотайся за Маклеодом! Спецзадание для него!

– Он что, говорящий? – спросил Стикс, вспомнив, какую прекрасную беседу услышал три дня назад.

– Говорящий, – сказал Петр. – Иногда чрезмерно.

– Тут же Край добра, – подтвердил кот. – Все говорят и все понимают друг друга.

Прибежал Маклеод. Он возбужденно дышал, радуясь: «Вот и старик пригодился!»

Через полчаса они были возле дома лесника. Стикс зашел в избушку, а пес побежал домой. Стикс поправил матрац, лежавший поперек кровати, растянулся на нем и уснул. Проснулся, когда уже стемнело. Пошарив на столе и подоконнике, он нащупал свечи и коробку спичек. Огонь свечи высветил край стола, отчего небольшое помещение, наполненное темнотой, показалось огромным. Стикс подсадовал на себя, что не захватил с собой ничего съестного, но тут увидел кастрюльку, прикрытую полотенцем, и бутылку с напитком. В

кастрюле лежали теплые еще пирожки, в бутылки был ягодный морс. После беседы кота с курами Стикс решил ничему не удивляться, но как не удивляться тому, что пирожки теплые?!

Глава 2. Снова Кольгрима!

Прошло несколько дней. Так-так не появлялся. Каждый день Стикс ходил в город. В магазинах он покупал товары, на которые были скидки. Запасся одеждой, посудой, продуктами, инвентарем. Всё время уходило на дорогу туда-обратно и покупки, на рыбалку, сбор ягод и грибов, на заготовку всего этого в зиму. «Неужели придется зимовать здесь?» – думал он, занимаясь еще и ремонтом кровли, дверей, окон, печной трубы.

Так-так не появлялся.

Настала осень. Стикс спешил сделать последние приготовления к зиме. Чем длиннее становились ночи, тем чаще он вспоминал компьютерный центр у хозяйки. Вспоминал без сожаления. Просто вспоминал и вспоминал. Интересное было занятие. Общение с приятелем. Как там сейчас Ахеронт? Где? Жив ли вообще?

Началась зима. Как-то рано утром его разбудил шум возле дома. Он вышел. Несколько диких свиней окружили дом и глядели на него.

– Привет! – сказал им Стикс. – Кто такие?

– Не признаешь? – сказал самый большой вепрь. – Хотя откуда? Один из твоих братьев был моим прапрадедушкой. Вот привели твоего друга Ахеронта. Интеллигент, но ничего, освоился. Что молчишь, оборотень? Замерз?

Один из кабанов, не похожий на прочих, подошел к Стиксу.

– Привет, Стикс! – сказал он.

– Привет! Тебя не узнать. Исхудал. Поджарый стал.

– Да уж скажи: одичал. Освоился.

– Не жалеешь?

– Нет. Совсем нет. А ты тут как?

– Да тоже вроде освоился.

– Ну, прощай. Тебя с нами не зову. Боюсь, не освоишься.

– Постой, угощу вас.

Стикс угостил свиней картошкой и капустой, потом вынес почти

полную кастрюлю с овощным рагу.

– Ахеронт, что не ешь? – спросил он.

– Спасибо. Не хочется.

Когда свиньи поели, вебрь поблагодарил и, прощаясь, сказал:

– Понадобится помощь, зови. Тут же придем.

* * *

Вечером Стикс вышел к поленнице набрать полешек для печи. Вдруг услышал, вернее, почувствовал шаги. Непонятный ужас охватил его. Он обернулся. За его спиной стояла Кольгрима! Она улыбалась. Впервые Стикс увидел ее улыбающейся!

– Привет! Давно собиралась провести тебя, да всё недосуг. А тут узнала, что Ахеронт наведался, думаю, зайду-ка и я. В хоромы пригласишь?

Стикс поставил на печь кофейник, собрал на стол.

– Ты, гляжу, хозяйственным мужичком стал. Дом обустроил. Похвально. Не скучно?

– Некогда скучать, – ответил Стикс.

Кольгрима понимающе покивала.

– Это понятно. Когда тут скучать? Ну, а как насчет научной работы, карьеры ученого, университетской кафедры? Кстати, центр я восстановила. Ахеронт у меня работает.

– Как работает? Он же в стаде?

Кольгрима усмехнулась и пожала плечами.

– Если у тебя, чего тощий такой? Болеет? Или на диете?

– Работает, работает. Тощий – потому что помыкаться пришлось. Хорошо, сжалилась я и от смерти спасла. Вернула человеческий облик. Но посадила на диету. Диета дисциплинирует. Чавкать перестал. Каждой калорией дорожит. А в стадо, – Кольгрима снова усмехнулась, – я его всего на пару часов запустила, кабанчиком, чтоб разведал, как ты тут. С вожаком договорилась, тот и привел его.

– Ты снова можешь заниматься чародейством? Вернула посох?

– А я и не прекращала им заниматься. Ты серьезно думаешь, что это можно делать только с посохом? – с насмешкой спросила гостя. – Пирожки-то понравились тогда?

– Это ты принесла?

– А то кто же? Больше тут некому пирожками робинзонов баловать. Ты ж мне почти как родной! Ну, так как? Идешь ко мне? Тебя на диету сажать не буду. И чрезмерно опекать тоже. Вижу, самостоятельным стал. В центре предоставлю тебе все полномочия, карт-бланш!

– Подумать можно?

– Думать ты, конечно, можешь сколько угодно. Хоть до следующего сбора ягод. Смотри. Я пошла. Сюда вряд ли еще приду. Мрачновато у тебя. Я террасы люблю, пальмы, вид на море. Ну, хотя бы ели и вид на озеро.

– Хорошо, – решил Стикс. – Я с тобой!

Поселок, в котором поселилась Кольгрима, напоминал прежний – то же озеро, те же камни и валуны, сосны и березы, разве что не на острове.

– Тут спокойнее, – сказала Кольгрима. – А то на острове сейчас сплошь Добрый край, от их доброты молоко киснет. Повезло, что тебя не достали своей добротой. Оно, конечно, и тут ощущаешь их присутствие. Вон рядом приятель Так-така живет. Хорошо, не любопытный.

Двухэтажный коттедж был огорожен огромными валунами и вековыми угрюмыми елями. Те, как часовые, четко заняли свои места по углам участка.

– Мне ели больше радуют глаз, – сказала хозяйка. – Сосны, уж не говоря о березах, чересчур легкомысленны! На балет ходил в городе?

– Нет.

– Правильно сделал. Березы и сосны – персонажи из балета. Проходи в дом. Здесь расположение такое же.

На первом этаже была кухня и компьютерный центр, а также

спаленка с двумя кроватями.

– Прочая прислуга ночует в пристройке, – пояснила Кольгрима. – Наверху моя спальня-кабинет с террасой.

Ахеронт сидел за компьютером. Он, и впрямь, сильно похудел, и на лице не было прежнего самодовольства.

– Ты хоть встань, поприветствуй коллегу, – обратилась к нему хозяйка.

– Мы утром виделись, – ответил программист.

Кольгрима покачала головой. Непонятно было, довольна она этим ответом или нет.

– Расскажи Стиксу о наших задумках, а я немного отдохну.

Кольгрима поднялась к себе.

Друзья обнялись.

Ахеронт рассказал, что центр полностью обеспечен самой современной техникой и программами. Для технического обслуживания Кольгрима наняла в Норвегии высококлассного специалиста. Кольгрима поставила задачу разработать программу «Воздух».

– Ты как-то сказал, что бомбардировкой информацией можно менять состав воздуха. Вот она и схватилась за это. В подробности меня не посвящала. Я пока собирал всё об этом в Интернете. Накопил кое-что. Думаю, продуктивная идея. Правда, для чего, пока не понял.

– Всё для того же, – ответил Стикс. – Ничего нового.

Глава 3. Одни и те же грабли

На дни зимних школьных каникул Сомовы с девочками приехали в поселок. С собой они захватили и Гришу. Приехали и Денис с Зинаидой, тоже с Маклеодом. Вскоре к Петру наведалься Так-так.

– Проявилась Кольгрима, – сообщил он. – Стикс у нее. Я уж был уверен, что он не вернется к прежней жизни. Парень так основательно обосновался в доме лесника. Выходит, ошибся... Неможется Кольгриме без злых дел. Опять затеяла что-то. Дом купила по соседству с Мартоненом, организовала в нем компьютерный центр. Думаю, там и вход в ее логово. Наверняка эльфы или гномы прорыли. Она с ними фонариками и батарейками расплачивается. Под землей без света темновато. Не знаю, имеет она зуб на меня с бабулей и на тебя заодно, но надо быть начеку. Силой брать ничего не станет, посоха у нее нет, но волшебный медальон, то ли амулет, остался, да и на обман она великая мастерица.

– Что за медальон? – поинтересовался Петр.

– Не знаю, откуда он у нее. Бабуля тоже не в курсе. Умыкнула, наверное, у короля эльфов. Тот простодушный и добросердечный, всегда обманываться рад.

В это время из прихожей послышался шум. Григорий доказывал зашедшему в гости Маклеоду, что есть немало известных особ, тоже баронов и тоже единственных в своем роде, как и Маклеод, но у которых имена гораздо длиннее, чем барон Гордон Первый Маклеод Единственный.

– Назови. Назови хоть одно! – громко настаивал пес. В глубине души ему было плевать на все титулы, ему хотелось одной лишь сахарной косточки, которой его неизменно угощали в этом доме. И сейчас: услышат – обязательно угостят!

– Пожалуйста! Вот взять, например, моего родственника из Венесуэлы...

– Он тоже персидскоподданный?

– Разумеется, нет! Он законопослушный венесуэльскоподданный маркиз. И полное имя его, дай сосредоточиться, Патрицио Фелипе

Хесус Рамон де Паула Эугенио Кристобаль Мария де лос Марсело Алберто де ла Теофило Луис Гонсалес Алваро Каetano и Григорессо.

– Ну и имечко! – содрогнулся пес. – Сдохнуть можно!

– А ты как думал, – важно сказал кот. – У нас в родне абы кого нет даже в республике Тринидад и Тобаго!

– Oh my God!^[5] Это далеко отсюда?

– Не близко.

Пес подождал, не выйдут ли в прихожую хозяева и, не дождавшись, продолжил диспут.

– Хорошо! Зато о нас, охотничьих псах, столько написано картин и романов!

– Э! Нашел, чем удивить! – обрадовался Григорий. Это был его конек – литература, живопись, музыка, флора, фауна и фольклор. – Да будет вам известно, барон, что великий художник Пабло Пикассо (у него, кстати, тоже немаленькое имя) не раз писал моих предков на своих полотнах, а среди пятидесяти семи кошек нобелевского лауреата Эрнесто Хемингуэя были и три моих предка! Один из них Перейра Третий!

– А двое – Перейра Первый и Перейра Второй? – пошутил пес.

Тут Петр вынес Маклеоду сахарную косточку, а Григория позвал к его мисочке, в которой лежали несколько зеленых оливок! Друзья занялись более важным делом, а бесплодный спор об именах и титулах отложили до следующего раза.

Петр не ошибся. Большая мастерица на обман, Кольгрима была уверена, что люди по своей глупости наступают на одни и те же грабли по многу раз. Просто надо вовремя подкладывать их. Узнав, что Сомовы в поселке, колдунья вновь решила похитить девочек, но на этот раз не из дома, а как-нибудь по-особенному. И придумала одну каверзу.

Дни стояли прекрасные. Небольшой морозец без ветра вовсе не казался морозцем, и ослепительное солнце в безоблачном синем небе лишь радовало душу. Даже ели в белых сверкающих накидках снега не выглядели такими угрюмыми. На дороги и горки высыпала детвора.

– Ахеронт, принеси-ка мне кролика! – приказала Кольгрима.

Тот вытащил из клетки большого серого кролика и отнес его хозяйке.

Кольгрима сняла с себя амулет в виде глаза и, произнеся заклинание, приложила его к мордочке кролика. Тот тут же обернулся довольно упитанным подростком, с оттопыренными ушами, но очень милым личиком. Он смешно морщил аккуратный носик и втягивал воздух, точно принюхивался к чему-то.

– Славный получился экземпляр! – похвалила саму себя Кольгрима.

– Генетика, – сказал Стикс Ахеронту, но Кольгрима пресекла его:

– Много ты понимаешь! «Генетика»! Мастерство! Как нам тебя назвать, серенький наш крольчонок. А так и назовем: Серый, русские так называют всех Сергеев. Поскольку тут не Россия, будешь Серж. Гляжу, у тебя задатки повара или кулинара. Наверняка станешь шеф-поваром элитного ресторана на Лазурном побережье. Станешь портить желудки богатым дуракам и бездельникам. Но это впереди. А пока побудь поваренком у нашего повара. Он до этого был индивидуальным предпринимателем в своей медвежьей берлоге. Пошли, покажу твои владения. Учти, они и мои, и прежде тебя.

Хозяйка отвела новообращенного Сержа на кухню, познакомила с поваром-увальнем Мишелем, тот обрадовался, что теперь есть кому чистить картошку и колоть грецкие орехи, до которых Кольгрима была большая охотница. Их присылали ей каждую неделю из Молдавии, где собирали в особом месте, называемом «Край колдунов». Повар уже хотел дать задание поваренку, но хозяйка остановила его командный пыл.

– Не спеши, Мишель. Серж должен сослужить мне одну маленькую службу.

Кольгрима переодела подростка в зимнюю одежду и, взяв его за руку, перенеслась в островной поселок. Там она подвела его к горке, с которой катались на санках и ледянках дети.

– Вон две девочки. Старшая Маша, а младшая Даша. Я тебе дам санки, да вот они, покатайся с ними. Подружись. Покатаешься и пригласи их вон туда. Видишь, там сани с оленем. Скажи, что твой

кучер покатает на славу. На таких санях, мол, сам Санта-Клаус развозит подарки детям. У него, правда, упряжка из девяти северных летучих оленей. Но этот олень не хуже тех. Домчит, куда хочешь, не успеешь моргнуть. Недаром его Рудольфом зовут, как передового в упряжке Санта-Клауса. И у него такой же красный нос, как фонарик ночью светит. Привезешь их сюда и в дом введешь.

Серж с таким удовольствием катался с горки, так искренне и громко хохотал, что невольно заразил своей веселостью всех ребят. Он понимал речь и финских ребятишек, и русских, и немецких, и легко общался с ними. Маша, совершенно очарованная смешливым пареньком, перепрыгнула на его санки и стала кататься вместе с ним. Потом к ним присоединилась и Даша, и они со смехом неслись с горки, переворачивались и зарывались носом в снег.

Серж предложил покрасневшимся сестренкам покататься еще и на санях, запряженных оленем Рудольфом. На санях самого Санта-Клауса! Девочки с радостью согласились. Они сели в сани, кучер тронул оленя, и тот легко и грациозно помчался по сверкающей на солнце дороге. Мимо стремительно проносились деревья, коттеджи. Вот и перешеек позади, вот и дом Кольгрима.

– Маша! Даша! Я тут живу. Пошли, морс попьем с пирожками. Я тут помощником повара работаю. С сегодняшнего дня.

Зашли. Дверь за ними закрылась. К ним, раскрыв объятия, приближалась Кольгрима.

– Девочки мои ненаглядные! Как же я рада вновь видеть вас!

– Не боюсь тебя Кольгрима! – закричала Даша.

– Даша! Даша! Это уже не оригинально, – сказала хозяйка. – Придумай что-нибудь новенькое. Зря так переживаешь. Будь моей дорогой гостьей. И ты, Машенька. Я сегодня очень добрая, очень! Мишель с Сержем пусть пекут пирожки, а мы пойдем на компьютеры. Игры любите? Ахеронт, открой игру.

Девочки уселись в кресла по обе стороны Ахеронта. Тот открыл файл «Игры», выбрал игру, нажал клавишу.

Открылась дверь в стене, а из кресел вылетели ремни и крепко-накрепко прихватили девочек к сиденьям. Коляски плавно тронулись с места и покатались по полу в открытую дверь, а потом по наклонному слабо освещенному коридору вниз. Слышно было, как за

спиной съехались створки дверей.

Глава 4. Разговоры начистоту

Всё утро следующего дня Стикс был очень мрачный. Он полночи не мог уснуть, было почему-то очень жалко сестер. «Что они мне?» – думал он, но не мог найти ответа.

– Ничего не болит? – спросил Ахеронт.

– Ты зачем это сделал? – сказал Стикс. – Что тебе плохого сделали эти девочки?

– Сентиментальный ты стал. Прямо, пафос сентиментальности! Откуда это в тебе? Ты же человек мысли!

– Человек? Ну, не знаю... – Стикс решил больше не обсуждать с приятелем тему девочек. – Слушай, где тебя хозяйка подобрала? Ты такой довольный убежал отсюда. Чего вернулся?

Ахеронт махнул рукой, мол, не стоит вспоминать. Но потом всё же сказал:

– Несколько недель я прятался в лесу. Как и ты, питался, чем придется. Оголодал, сил не стало терпеть. Пришел на какой-то двор. Там мне обрадовались как родному.

– Еще бы, – сказал Стикс. – Двадцати пудам свинины кто не обрадуется? Сами в дом пришли.

– Голод напрочь убил у меня инстинкт самосохранения. Обрадовался, что еды стали вдоволь давать. Всю не съедал. А потом слышу – они не знали, что я понимаю их речь – хотят заколоть меня к сочельнику. Тут я и аппетит потерял. Хозяин ветеринара вызвал. Тот болезней в моем организме не нашел, посоветовал витамины давать. В мои мозги он, понятно, не заглянул. Где-то в конце октября или в начале ноября (я потерял счет дням) слышу, решили меня заколоть до сочельника. Совсем худо стало мне. Лежу, не ем ничего. Вот-вот отдам концы. Те позвали специалиста по забою. Пришел мастер с тремя подмастерьями. Когда он уже засучил рукава, явилась Кольгрима и выкупила меня.

– Ждала, наверное, этого момента?

– Может быть.

– Неслабое испытание для нервов, – заметил Стикс. – У меня не

так драматично было, но вот, видишь, вызвало пафос сентиментальности. А на твою чувствительность передраги не повлияли?

– Не знаю. Еще раз испытать их врагу не пожелаю. Всё сделаю, чтобы не повторились!

– Appetit-то не вернулся?

– Нет. Страх его не пускает.

– Брось! Будешь есть без аппетита, дольше будет твоя vita.^[6] У нас с тобой особое удовольствие – решить новую задачу. Составим программу, после этого, зачем мы хозяйке? Деньжат подбросит. Словечко, где надо, замолвит. Займемся наукой или преподаванием. Будем совершенствовать педагогическое мастерство!

– Вообще-то Кольгрима обещала посодействовать.

– Вот. Но я всё же возвращаюсь к моему вопросу. Зачем ты с девочками так поступил? Я бы не смог. Неправильно это.

– О чем разговор? – Кольгрима спустилась со второго этажа.

– О программе. Исключительно о ней! – доложил Стикс.

– Похвально! А я кофейку выпью, что-то голова разболелась. Вы тоже можете прерваться. Пошли на кухню, отличные кофейные зерна купила.

Как хозяйка оказалась у себя, было непонятно, так как с утра она уехала в город за продуктами, и неслышно было, как она вернулась. Ездила в магазины она всегда одна. Продукты выдавала повару по списку, и тот обязан был письменно отчитываться за каждый израсходованный килограмм и литр.

Стикс понял, что она подслушала разговор, но не стал сильно переживать по этому поводу. «Сейчас мы важнее ей, чем она для нас, – подумал он. – Пока не сделаем программу, вряд ли она будет обращать внимания на нашу болтовню. Ну а потом... А потом, похоже, припомнит и отыграется на полную катушку».

Стикс решил не посвящать приятеля и в эти свои мысли, а от хозяйки добиться хоть каких-нибудь гарантий на будущее. Если не получится, придется придумывать варианты побега из ловушки.

– Как кофе? – спросила Кольгрима.

– Отличный! – сказал Стикс.

– Ахероша, добавь себе сливок. Разрешаю. Стиксу не предлагаю. Любишь крепкий?

– Так, госпожа, – сказал Стикс. – Уважаю крепкий.

– Это правильно. Сливки расслабляют мысли, разнеживают. Ну, так о чем всё-таки был разговор? Давайте начистоту. Я услышала конец о желании работать в университете. Так?

«Конец разговора был не об этом», – подумал Стикс и кивнул:

– Так, госпожа! Очень хотим! Посодействуете? Разумеется, когда создадим программу.

– Неужели сомневаешься, Стикс?! Я когда-нибудь обманывала? Ахеронту место в аспирантуре уже гарантировано. И тебе, Стикс, сделаю. Ты только прилежно трудись.

– Тогда еще один вопрос.

Кольгрима отставила чашечку с кофе.

– Какой?

– По существу программы.

– А-а. Задавай, – она взяла чашечку и отхлебнула напиток. – Прелесть!

– Какова ее главная цель? Задачу я понял. Подготовить информацию так, чтобы воздействуя ею на воздух, разделить газы, входящие в него – кислород, азот, углекислый газ, водяной пар, благородные газы. По аналогии с фракционной перегонкой.

– И что тебе тут не понятно?

– Цель. Непонятна цель. Зачем разделять? Дальше-то что?

– Цель совпадает с задачей: превратить воздух в не-воздух. Шутка. Для чего разделяют воздух? Чтоб получить чистые вещества. Вот и мы станем делать это. Только затрат будет в сто раз меньше! Стикс, с каких это пор тебя стал интересовать практический результат научных разработок? Не мелочись! Ты же ученый! Сделай открытие, а мы, грешные, уж как-нибудь найдем ему применение. И вознаградим за труды. Не беспокойся об этом. Лучше подумай, чего тебе не хватает: техники, помощников, литературы? Это я обеспечу.

Гарантирую!

– Я подумаю, госпожа.

– Подумай-подумай. Что же вы кофе не хвалите?!

Глава 5. Где девочки?

Узнав о похищении Маши и Даши, Так-так направился к Петру. Тот приложил палец к губам:

– Тс-с. Ирина пока ничего не знает.

– Не прощу себе! – шепотом сказал Так-так. – Что стоило посмотреть в наш барометр времени неделю назад! Тебя предупредил и успокоился, думал, опасности пока нет. Упустил, что Кольгрима всегда опасна.

Петр растерянно смотрел на гостя:

– Даже не знаю, как Ирине сказать. Она в тот-то раз чуть с ума не сошла...

– Не говори пока. Хотя, нет. Лучше скажи. Только скажи, что мы знаем, где они, что с ними ничего дурного не будет, что мы обязательно их освободим! Хочешь, я скажу?

– Не надо. Я сам.

– Я пошел. Думаю, к вечеру буду знать, где она держит их, в доме или в подземных чертогах. Если даже спрятала под землей, знаю, где это. Знаю даже, как попасть туда, есть одно соображение.

Лоухи сказала:

– Я уверена, что девочки у нее там, внизу. Но ты всё-таки узнай у Стикса, где они. Сам в дом не ходи! Знаешь, как это опасно. Придумай, как вызвать его оттуда. Если они в доме, одно дело, справимся. Если под землей – другое, куда сложнее. Не справимся. Придется в Лапландию идти, искать верховного шамана. Может, тебе и поможет.

«Конечно, узнать у Стикса можно, – думал Так-так. – Вряд ли он станет скрывать правду. Но как увидеть его? Как выманить его хоть на минуту из дома? Он же вообще не выходит из дома Кольгримы».

От безысходности положения Так-так решился на грандиозную авантюру. И хотя соваться в логово Кольгримы было самоубийством, он всё же решился на это. «Заскочу на мгновение, – решил Так-так. –

А там будь что будет!» Он с головы до ног укутался в кремовую простынь, закрыв даже уши. Сверху повязал расшитый сарафан бабули. Нацепил черную маску, непонятно как оказавшуюся у них в избушке, и встал перед зеркалом. Лоухи, увидев внука в маскарадном наряде, не удержалась от смеха.

– Ты чего так вырядился?

– А что, трудно узнать, кто я?

– Если еще хвост спрячешь. Ты куда собрался?

– Думаю к Стиксу наведаться.

– К Стиксу? Кольгрима тебя тут же вычислит! Жить надоело? Брось эту затею. Ничего не получится. За версту видно, что это ты. Я другое придумала. – Лоухи снова рассмеялась. – Ой, давно меня никто так не смешил! У Стикса хорошие отношения с местным стадом диких свиней. Когда он жил в избушке лесника, накормил как-то их. В зимнем лесу это дорогого стоит. Вепрь обещал ему помощь.

– Так это ж ему, а не нам.

– Скажем, что Стиксу грозит опасность, и ты хочешь ему сам сказать об этом. Пусть только вызовет его из дома, и с него довольно. Если даже кабана увидит Кольгрима, вряд ли догадается, зачем тот пришел.

– Что ж, давай попробуем, – согласился Так-так. – Посмотрим, где он там.

Так-так включил барометр времени, настроил его на домик лесника, поймал тот вечер, когда свиньи пришли к Стиксу. Определить, где стадо сейчас, уже не составило труда.

Вепрь оказался крутым малым.

– Пошли сейчас же! – заявил он. – Прадедушке надо помочь!

Когда они через мгновение оказались у дома Кольгримы, кабан ничуть не удивился.

– Я знал, что вы с Лоухи это умеете, но у нас тоже есть умение не слабее вашего.

– Какое же? – поинтересовался Так-так.

– Не бояться никакого волшебства!

– Поэтому я и обратился к тебе. Если встретишь Кольгриму, не испугаешься ее?

– Я?! – презрительно фыркнул вепрь. – Жди нас в конце улицы.

Кабан подошел к двери, развернулся задом и саданул по ней всей мощью своего крупа. Из дома выглянул Серж.

– Вам что угодно? – испуганно спросил поваренок. За ним замаячил повар.

– Чего ему надо? Ба! Ты! – заревел Мишель. – Зубило! Сколько лет, сколько зим!

Кабан в недоумении уставился на повара. Он даже забыл, зачем пришел.

– Ты кто? Что-то не признаю. Мы с вами где-то встречались?

– Да это же я, твой сосед Мишель. Бурый медведь из берлоги меж трех валунов.

– Мишель! – обрадовался вепрь.

– Он самый! Серж, займись картошкой. Что привело к нам, да еще середь бела дня?

– Что спрашиваешь? Конечно же мое бесстрашие. Ты же знаешь меня! Мне и граница нипочем! Недаром прозвали Зубилом. Сколько раз водил стадо в Россию и обратно. Предо мной пограничники как горох рассыпались!

– Ты чего пришел? – обеспокоенно обернулся Мишель на голос Кольгримы, донесшийся из кухни.

– Стикса позови, только так, чтобы она не узнала.

– А это кто тут? – Кольгрима выглянула на крыльцо. – Зубило? Что привело? Никак проголодался? Заходи. Мишель, накорми! К тебе, кстати, дельце есть.

Кабан зашел в дом. Мишель налил ему полную миску супа с фрикадельками.

– Поешь, потом подойду, – сказала хозяйка.

Вепрь быстро умял еду, с сожалением оторвался от миски, взглянул на повара.

– Спасибо. Вкусно. А ты чего тут делаешь? И вид неважнецкий, не медвежий.

– Она, – кивнул Мишель вслед ушедшей хозяйке, – нашла меня в берлоге, разбудила. Палкой потолкала. Я с досады ей чуть башку не снес. А она протянула горшочек меда. Против меда я слаб. Расслабился, она и превратила меня... в меня. Теперь вот еду готовлю на кухне. Пока терплю. Зима кончится, посмотрим. Может, шатуном заделаюсь. Если, конечно, опять стану медведем. Ты-то чего пришел?

– Передай осторожно Стиксу, что его ждут в конце улицы. Пусть выйдет на минутку.

– Ну как? Поел? – спросила Кольгрима. – Вкусно готовит Мишель? Знатный повар! Буду ходатайствовать, чтобы ему титул графа присвоили. Извини, Зубило, не могу пригласить тебя на второй этаж в кабинет, сам понимаешь. – Кольгрима пальцем ткнула на короткие ноги кабана. – Мишель, оставь нас на минутку. И ты Серж. У меня к тебе, мой друг, будет одна маленькая просьба. Увидишь в лесу Так-така, ты ведь знаешь его? Увидишь, сообщи. Хорошо? За мной не заржавеет. Отблагодарю всё стадо. Визжать будете. Ну, прощай. А я немного вздремну.

Вепрь попрощался с Мишелем и покинул дом. Так-таку сказал, что Стикс сейчас выйдет. Ждать пришлось целый час. Наконец парень прибежал.

– Ты бы хоть оделся, – сказал Так-так.

– А! – махнул рукой Стикс. – Никак не могла уснуть. Спускалась два раза, спрашивала непонятно о чем. Что случилось, Так-так?

– Скажи только, девочки в доме или под землей?

– Под землей. Так получилось...

– Не объясняй. Это уже неважно. Если можешь помочь им, помоги. А объяснять не надо. Спасибо. Пока!

И Так-так, положив руку на спину Зубило, исчез вместе с вепрем.

Глава 6. Таинственный рев

Возле дома лесника Так-так попросил вепря подождать его и через пять минут появился с мешком картошки и моркови.

– Спасибо за помощь, Зубило! Это твоим. Куда отнести?

– Оставь тут. Я их сейчас приведу. И тебе спасибо!

Так-така разбирала злость. Он понимал, что злостью злость не одолеть, но ничего не мог поделать с собой. Стоит чуть-чуть коснуться края злости, и она вся в тебе! «Попугаю злыдню! – решил муми-троль. – Не ей одной пугать нас!»

Так-так заглянул к Петру и сказал, чтоб через пару часов был готов отправиться в Лапландию – в деревушку около поселка Инари на озере с таким же названием.

– А мы пока с твоим котиком провернем небольшую операцию. Григорий! – спросил он кота. – Любишь риск?

– Обожаю, – облизнулся кот. – Оливками не корми, дай только в деле побывать!

– Побываешь! – пообещал Так-так.

Так-так заскочил к себе, порылся в своей кладовке, где на полках хранилось множество его технических новинок и придумок, которых еще не знал мир. Достал два приплюснутых шарика, размером с леденец. Это были два миниатюрных магнитофона. Не обычные устройства, записывающие и воспроизводящие звук, а еще и многократно их усиливающие. Тема усиления сигнала и умножения возможностей была вообще центральной идеей всех новшеств талантливого изобретателя. Достаточно было произнести перед шариком несколько слов, а потом слегка пошевелить его, как он издавал такой громкий звук, что могли лопнуть барабанные перепонки.

– Вот, Григорий, сейчас пойдем к Кольгриме. Постучись в дом, дверь откроет повар Мишель или поваренок Серж. Нормальные ребята. Эти шарики исхитрись положить в холодильник, в поддон и в ящик кухонного стола. Сможешь?

– В жизни всегда есть место подвигам! – с пафосом заявил кот.

– Главное, не бойся, – сказал Так-так. – Уболтай поваров своими байками.

– Уболтаю. Не вопрос. И я не боюсь. Даже если встречу саму! Эка невидаль! Что она сделает мне? Превратит в льва? Зачем? Тут не Африка. В мышь? Моя царская кровь не допустит этого.

Оказавшись у дома Кольгримы, Григорий поднялся на крылечко и стал драть когтями входную дверь. На крыльцо вышел Мишель.

– Ты кто? – спросил он.

– Я твой раздраженный кишечник, – ответил большой знаток телевизионной рекламы медицинских препаратов.

– Не понял, – сказал повар.

– Чего ж тут непонятного? – сказал кот. – Я твой кишечник. И я раздражен. Я давно не ел, и мой кишечник раздражен от этого. Ну а раз я пришел к тебе, мой раздраженный кишечник теперь твой! Ясно?

– Да вроде, – сказал Мишель. – Тебя покормить?

– Не мешало бы, – погладил лапкой усы кот. – А то брюхо-то за два дня подвело.

– Так бы и сказал. А то раздраженный кишечник! Заходи! Прохладно сегодня.

– Да не жарко, – сказал Григорий, заходя в прихожую – Тепло тут у вас.

– Сосиски ешь?

– Излишний вопрос. Всякой киске очень близки / печень, кофе и сосиски! / А еще приятны сливки / и зеленые оливки!

– Да ты поэт!

– Увы, приятель! Только летом / везет с продуктами поэтам!

– Вот ты поэт, а у меня оливок нет... Тоже стихи! – обрадованно воскликнул Мишель. – Получились!

– С кем поведешься... – вздохнул Григорий. – А можно глянуть, что у тебя там есть, чтоб тебе зря не рыться.

– Ну, ты нахал! Смотри. Давай подниму. – Мишель поднял кота и открыл перед ним холодильник и выдвинул ящик стола.

– Да вон же оливки! – сказал Григорий, незаметно опустив шарик в поддон. – А в ящике ничего полезного, жаль! – и положил в ящик второй шарик.

– Ты, что, правда, любишь оливки? – спросил Мишель, достав банку.

– Оливки можно любить только взаправду. Поскольку они круглые. Кривда она косоугольная, значит, не из оливок! Вам, людям, это трудно понять! Вы в скособоченном мире живете!

– Ты, я гляжу, большой знаток людей!

– Конечно. Всю жизнь вас наблюдаю. А ты что, не человек?

– Я бурый медведь! Хозяин леса! – произнес Мишель. Открыв холодильник, а потом выдвинув ящик стола, повар от полноты чувств рявкнул туда и туда. – Я всегда радуюсь, когда мне хорошо. Чтоб продлить радость, я всегда кладу ее про запас в холодильник и в стол. Найдет тоска, я открою и снова порадуюсь.

– Да ты истинный поэт! – воскликнул Григорий. – Хоть и медведь.

– Получай две сосиски и пять оливок. Хватит?

– Лучше десять.

– Сосисок? Не лопнешь?

– Оливок. Не лопну.

– Угощайся. Как звать-то? Неужто Кишечник?

– Дарий.

– Красивое имечко! А я Мишель.

Григорий поел и отвесил повару церемониальный поклон, какой видел в мультике про кота в сапогах. Мишель шутейно ответил. С тем и распрощались в самых лучших чувствах друг к другу.

Только за котом закрылась дверь, спустилась Кольгрима.

– Это кто был? – спросила хозяйка. Она слышала, как Мишель открыл дверь, разговаривал с кем-то, потом проводил. Ей нездоровилось, и она некстати задумалась о своем возрасте. Вставать не хотелось. Опять кого-то принесло. Зубило, что ли, забыл чего-нибудь? На всех реагировать!

– Кот приبلудился. Накормил его.

– И где он? Не кажется тебе, что сегодня гостечков многовато?

– Ушел. Бродяжка. Надо было оставить?

– В другой раз оставь. Наверняка придет. Мне для мышей воспитатель нужен. Знаешь что, я сегодня в магазин не поеду. Бери Сержа и смотайся с ним за продуктами. Вот список и карточка. Только скорей!

Отправив поваров в магазин, Кольгрима захотела немного подкрепиться. Хозяйка открыла дверь холодильника, и в тот же миг ее оглушил рев, исторгнутый фабрикой холода. Словно разом проревели все белые медведи Арктики. Волшебница инстинктивно захлопнула дверцу и пробормотала крамольные в ее устах слова, оставшиеся в ней со времен детского воспитания: «Свят, свят, свят!» Она опять взялась за ручку и слегка потянула ее на себя. И вновь из щели вырвался жуткий медвежий рев.

– Да что же это такое! – воскликнула Кольгрима и посмотрелась в зеркало. В зеркале она увидела свои округлившиеся глаза, а в них страх. – Этого только не хватало!

Машинально потянув ящик стола, она и оттуда была оглушена ревом, едва не вынесшим ее из кухни. «Да что же это?! Неужто схожу с ума?» – ударило хозяйке в голову. Она поднялась к себе и легла на кровать.

Когда из магазина вернулись повар с поваренком, хозяйка спустилась и стала допрашивать их, что случилось с холодильником и столом, почему оттуда несутся странные звуки.

– Мишель, что ты сделал с ним?

– Да какие звуки, госпожа? – недоумевал Мишель. – Он порой немного шумит и дрожит. – Повар потянул ручку. Раздался оглушительный рев.

– Ну? Что?

Мишель тупо уставился на хозяйку. Пожал круглыми плечами. Помотал круглой головой.

– Я ничего такого не делал с ним! Открывал, брал продукты, закрывал. Снова открывал, брал...

– Достаточно. А со столом?

Повар снова пожал круглыми плечами и помотал круглой головой.

– Тоже ничего.

– Ты послушай! – Кольгрима потянула ящик. Из чрева стола вырвался еще более устрашающий рев, просто львиный рык.

Мишель стукнул себя ладонью по лбу.

– А! Так это того, госпожа, это я, когда радуюсь, пою.

– Ну и что? Поешь ты! И я пою, иногда. Но при чем тут холодильник и стол? Они, что, тоже поют?

Повар в третий раз пожал круглыми плечами и помотал круглой головой.

– Они не поют.

– Не поют они. А это что? – Хозяйка открыла холодильник, одновременно вытянула ящик стола и заткнула себе уши. Ревело невыносимо. Мишель закрыл дверь, затолкнул ящик и опять пожал круглыми плечами и помотал круглой головой.

– Ничего не понимаю, госпожа.

Кольгрима много чего повидала в жизни, и натворила не меньше, но такого еще не встречала. Разумно объяснить этот рев она не могла. Не могла, потому что знала точно, что волшебных шкафов и холодильников на свете нет! В нее вошло беспокойство, от которого она не могла избавиться целый час. Так и не поняв, в чем тут дело, она велела поварам выкинуть холодильник на помойку, не открывая больше его, вместе с продуктами. Посмотрела марку и заказала по телефону новый холодильник другой фирмы. То же сделала и со столом.

Глава 7. В Лапландию!

Лоухи стала собирать Так-така в неблизкий путь. Она всегда сама заполняла его рюкзачок. Положила предметы туалета, перочинный нож, мощный портативный фонарь-прожектор. В боковой кармашек – кредитную карточку и пачку денег (их с легкой руки Лоухи так и называют – «бабульки»). И, конечно же, мобильный телефон и особый навигатор, который мог работать без подзарядки 24 часа.

Пятьсот километров для Так-така было, что сто метров. А вот от города Оулу до Верхней Лапландии придется добираться пешком или автостопом. К сожалению, на поезда и рейсовые автобусы билеты для муми-троллей в продажу еще не поступали.

– Если люди начнут приставать с расспросами, – сказала Лоухи, – говори, что ты переводчик при русском путешественнике.

Петр уже собрал рюкзак, надел теплый свитер, просторную куртку для сильных морозов и поджидал Так-така на крыльце. Рядом сидел Маклеод, на перильцах лежал Григорий. Они тоже захотели идти в Лапландию. (Денис отпустил пса). Зашли в прихожую, присели перед дорожкой. С ними присела и Ирина. Она тоже была одета.

– Ты куда? – спросил Петр. – Девчата появятся, а дома нет никого. Раздевайся!

Он попрощался с женой и положил кота за пазуху. Тот едва поместился там.

– Ну и растолстел же ты! – воскликнул хозяин.

Кот смиренно сложил лапки, будто он тут не при чем. Зажмурился и замурчал.

Ирина помахала им с крыльца. Так-так взял одной рукой руку Петра, другую положил на голову собаки и исчез с глаз.

Вскоре они оказались на обочине автомобильной трассы, ведущей на север. Подождали немного. Попутных машин не было. И вообще стояла звенящая тишина. На юг промчались три автомобиля с русскими номерами и вновь дорога пуста. Неподалеку трассу пересек лось.

– Не густо, – сказал Петр. – Надо идти. Чего ждать? Нагонят – проголосуем.

– Навигатор не включаю, чтоб не разрядился, – сказал Так-так. Он достал карту. – Дорога одна. Других нет. Идти по ней, вот досюда, а потом свернуть к скалам. Там саамская деревушка, в которой живет шаман.

Путники тронулись на север. Немного спустя их нагнала попутка. Водитель, радушный финн тараторил всю дорогу до заправки, рассказывая о своих друзьях и родне. Казалось, он живет только их жизнью, умудряясь еще каждый день развозить и русских путешественников с муми-троллями. На заправке финн попрощался и покатиł на юг.

Путешественникам повезло. В Инари ехала семейная пара из России. Муми-троль их не удивил, больше позабавил кот за пазухой Петра. Они захлеб рассказывали о своей кошечке, Лоуренсии. Григорий с удовольствием выслушал, как хорошо живетя вислоухой красавице. Но уж он-то ни за что не променяет свою жизнь у Петра! Особенно когда так уютно за пазухой! Русские собирались в поселке посетить Саамский музей и Природный центр Верхней Лапландии, а потом поехать в Национальный парк. Пригласили и Петра с Так-так, но Так-так вежливо отказался:

– Мы не в сам Инари. Нас высадите вот здесь. – Он протянул карту.

– Но тут ничего нет! Ночью оставаться в пустынном месте? Волки, медведи!

– Здесь саамская деревушка, к ней проселочная дорога. Доберемся быстро.

– Мы подвезем! – безапелляционно заявила жена водителя.

Когда подъехали к тому месту, увидели сани, запряженные могучим красавцем оленем.

– Вот и такси! – воскликнул Так-так. Он достал деньги. – Сколько?

– Обижаете! – замахала руками пара и, послав воздушный поцелуй, укатила.

– Хорошие люди, – сказал кот.

– Повезло, – ответил Петр.

Путники подошли к саням.

– Туристы? – радостно приветствовал их по-саамски погонщик. Он похлопал ладонью рядом с собой. Так-так поблагодарил по-саамски. Все уселись, и сани понеслись. Так-так спросил каюра, часто ли тот подвозит туристов.

– Когда раз в неделю, когда пять раз в день!

– И что, всю неделю ждете тут путников?

– Зачем всю неделю? Совсем не надо всю неделю. Нойд говорит: «Ступай встречать гостей», и я ступаю.

– Нойд – это шаман, – пояснил Так-так.

– И сейчас сказал, я тут, и вы тут. Очень удобно! Я ему за это лосося даю. Вкусный лосось! Он, – каюр кивнул на Петра, – такой лосось сроду не ел!

Через час были в деревушке. Каюр привел туристов в отель – двухэтажный бревенчатый дом со всеми удобствами, кроме телевизора. Хозяйка предложила гостям кофе и блюда по вкусу. Перед сном оделись и вышли на террасу. Мороз покусывал. Тишину пару раз нарушило карканье вороны. Все тут же вспомнили Чернавку и Юстаса с семейством, а Петр Ирину. Потом вдали завывали волки.

– Тут и впрямь ночью оставаться в лесу опасно, – сказал Петр. – Волки!

– Эти сожрут! – подтвердил Маклеод.

– Положим, не всех, – возразил Григорий.

Петр взял его на руки, погладил.

– Ты, конечно, их своим грозным рыком разгонишь!

– Зачем же? – зевнул кот. – Просто я умею лазить по деревьям, а они нет. За пазуху-то сунь меня!

Ночь прошла спокойно. После завтрака пришел каюр и сказал, что путешественников ждет у себя нойд. Так-так предупредил друзей, что разговаривать будет только он один. Чтобы все сидели, набрав в рот воды. И не вздумали смотреть в глаза шаману.

– Тут же лишитесь сил! И никаких комментариев! Это я тебе,

Григорий! Знаю, тебя уже на ТВ ждут, ведущим телешоу. Но тут пока еще не телевидение.

Утро выдалось безоблачным. Солнце было далекое, холодное, но удивительно мягкое. Первозданную тишину нарушал лишь хруст шагов да веселое пение птиц. Не успели отойти и ста метров, Маклеод вдруг спохватился:

– Я в отель! Минутку!

Вскоре он, запыхавшись, примчался обратно. В пасти пес держал бутылку воды.

– А вода зачем? – спросил Так-так.

– Ты же сказал: набрать в рот воды и сидеть!

– Ты просто душка! – сказал Так-так. А Григорий высунулся из-за пазухи Петра и произнес:

– Барон, я ошарашен вашим великим простодушием!

Каюр, явно не поняв сказанного, тем не менее, весело рассмеялся, словно уловил иронию кота. Но вскоре погонщик прогнал улыбку с лица, замолк, и даже поступь его стала торжественной и одновременно почтительной, словно за ним уже наблюдал его хозяин. Не приближаясь к жилищу нойда, проводник жестом указал на небольшой дом, окруженный забором, поклонился и быстро ушел.

Посреди двора были выложены кругом камни для кострища. Стоял врытый в землю стол из толстых досок и две скамьи из отесанных бревен. Дверь открыл юноша. Гости зашли в дом. Юноша предложил Петру и Так-таку терпкий травяной напиток, а псу указал место на шкуре возле входа. Григорий от греха подальше спрятался за хозяйскую пазуху. Юноша с улыбкой дал понять Петру, что кота тоже надо посадить на шкуру у входа. Потом взял опустевшие чашечки, жестом указал, что надо сесть напротив хозяина, поклонился и вышел.

Просторное помещение было устлано медвежьими и оленьими шкурами. Возле стен располагались скамейки с фигурками духов. Над ними причудливо переплетались оленьи рога, связки веток и пучки высохшей травы. Рога же окружали и самого нойда. Перед ним горели полукругом свечи. Шаман в традиционной расшитой одежде саамов, скрестив ноги, сидел на шкуре белого медведя. На поясе у

него висела чашка, амулеты. Позади его были бубен из оленьей кожи, колотушка, две палочки, напоминавшие барабанные. Под рукой лежал самшитовый посох. Нойд не поднимал глаз, будто опасался испепелить взглядом гостей. Он смотрел на свечи и неторопливо перебирал узелки на шнурке, словно проверяя, все ли они на месте. Так-так узнал верховного шамана Лапландии. Поклонился, сел напротив его и глазами указал Петру на место рядом с собой.

Минут пять сидели молча. Григорий уже стал ерзать на шкуре, но Маклеод положил на него тяжелую лапу. Петр тоже смотрел на свечи, а Так-так и вовсе закрыл глаза.

Нарушил молчание нойд:

– Я знал, что ты придешь ко мне.

Глава 8. У нойда и у Кольгримы

Так-так открыл глаза и посмотрел на шамана. Тот по-прежнему смотрел на свечи и перебирал узелки на четках.

– Я обязан тебе не вчерашним днем. Не завтрашним. Я обязан тебе одним только днем, сегодняшним, – нойд говорил в ритме перебирания узелков. – Завтрашнего дня нет. Вчерашнего нет. Есть сегодняшний. В него нельзя причинить вред. Никому и ничему.

Шаман не стал уточнять: «никому» – это все существа на свете, добрые и злые, или не все. Его слова больно затронули Петра, точно это были не звуки, а острые обжигающие льдинки. Не понимая слов, Петр уяснил смысл сказанного. Он хотел было возразить: как же тогда, не причиняя вреда злой Кольгриме, отобрать у нее девочек? Так-так прикрыл своей ладошкой его руку.

Нойд улыбнулся, точно прочитал мысли посетителей.

– Тебя как звать?

– Так-так.

– А его?

– Петр.

– Петр. Так-так. Ваши имена похожи на четки. Петр сильно переживает. Это пройдет. Причинить вред тому, кто сам причиняет вред, значит, уничтожить вред, – сказал шаман.

И тут же, сменив тему, стал расспрашивать, не утомила ли гостей дорога со знойного юга Финляндии на теплый в эту зиму север. Несколько раз уточнял, понадобился ли им навигатор, мобильный телефон, куда дели после еды пакеты и бутылки, много ли автомобилей на трассе. Нойд одобрительно кивал, слушая, что путники не пользовались гаджетами, не оставили на дороге мусор и что машин было мало. Узнав от Так-така о цели путешествия – забрать у Кольгримы девочек, шаман сказал:

– Обратно пойдете подземными лабиринтами. Тоннели идут до вашего поселка.

– Зря захватил навигатор, – сказал Так-так. – Он под землей не работает.

– Зря, – согласился шаман. – Но не потому зря, что он не будет работать под землей. А потому, что он вредит земле. Но раз взял, понадобится. Лабиринт не сплошной. Он из трех тоннелей. Два по сто километров, третий шестьсот. Надо будет два раза выйти из тоннеля и меж скал пройти до входа в следующий. Там навигатор и пригодится. Первые два тоннеля безопасны. В третьем владения Кольгримы.

– Может, поверху идти? – задал вопрос скорее самому себе Так-так.

– Можешь поверху, но ведь тебе Кольгрима нужна? И ты ей нужен. Так что встретитесь. Будь спокоен, ведьма ждет тебя.

– Мне бы встретить ее в пятистах километрах от моего дома, тогда мы будем неуязвимы. Если бы не сразу спускаться в третий тоннель, а сотню километров пройти поверху... Может, там найдется еще один вход в лабиринт?

– Найдется. – Шаман испытующе посмотрел на Петра (тот не поднимал головы) и потом, повернувшись, на кота с собакой. Одобрительно кивнул. – Твои друзья не подведут. Но для них этот вход будет самым опасным в их жизни. Если не войдут, девочек не заберешь. И сам погибнешь.

– Заберу.

– Дай карту.

Так-так протянул нойду карту. Тот взял уголек и провел три черных отрезка. На последнем он поставил крестик.

– Это тоннели. Крестик – это боковой вход в последний тоннель, со стороны болота. От него до поселка двадцать километров. Летом туда не попадешь, а сейчас по мерзлоте можно. Отличное место для засады. И они там будут, помощники Кольгримы. А может, и сама собственной персоной. Теперь главное, из-за чего ты и пришел ко мне. Вот ты встретился с ведьмой, на ее территории, а не на своей. Как заставишь ее отдать девочек? В чем твоя сила? Нет, посох я не дам. Без него я не я...

Шаман надолго задумался. Так-так лихорадочно соображал, но ничего не мог придумать. Он понимал, что бессилен против чар ведьмы за границами своего края.

– Я иду с вами, – произнес нойд.

Муми-тролль от неожиданности вздрогнул. Его озноб передался руке человека, и в глазах Петра появилось отчаяние. Так-так ладошкой сжал ладонь друга.

– Долг платежом красен, – продолжил шаман. – Пора вернуть приятельнице должок. Пока еще длится мой день. Когда закончится, поздно будет – в мире духов ты только дух. На время я лишу ее злых чар, навсегда – не в силах. Злые чары всё равно возвращаются к владельцу. Чем он злее, тем скорее возвращаются. Но нам хватит времени, чтобы забрать девочек. Сегодня отдохните, а завтра пойдем.

Шаман посмотрел Так-таку в глаза. У муми-тролля закружилась голова, но он совладал с дурнотой.

– Вот тебе моя сила, а ты мне дай свою. Пусть они сольются и каждого сделают сильнее. – Нойд протянул Так-таку фигурку оленя, а гость снял с запястья кожаный браслет. Так-так похлопал Петра по ладони. Тот встrepенулcя, cловно пребывал в оцепенении. Они встали, поклонились и вышли во двор, освещенный холодным мягким солнцем.

* * *

С утра девочки играли в шахматы. За три дня они сыграли раз двадцать в блиц и разобрали несколько партий из «Самоучителя шахматной игры» Давида Бронштейна. Заинтересовались испанской партией.

Было очень тихо. Неслышно было даже писка крыс, которые шмыгали туда-сюда в коридоре за запертой дверью. Вдруг дверь открылась, но в нее никто не зашел. Маша хотела уже выглянуть в нее, но в этот момент перед ней появилась улыбающаяся Кольгрима. Ей было жарко, и она обмахивалась куньей шапкой.

– Фу, запарилась, пока дошла до вас, – сказала волшебница. – Наверху морозец, а тут тепло. Тут всегда тепло. Ниже, так и вовсе пекло.

Повесив шапку на вешалку, Кольгрима подошла к столику с шахматами.

– Я смотрю, Даша тоже делает успехи. Испанскую партию осваивает! Не рановато? Ее пенсионеры любят. А ну-ка, Даша, давай

что-нибудь резвое сыграем! В блиц! Только, чур, играю белыми!

Расставили фигуры. Кольгрима пробежала по ним командирским взглядом, сделала ход пешкой и, нажав на часы, громко произнесла:

– Е2-Е4!

Даша мгновенно сделала ответный ход. Но не успела девочка нажать на часы, как дверь неожиданно закрылась. Заметив недоуменный взгляд Маши, Кольгрима улыбнулась.

Через три минуты стало ясно, что волшебница выигрывает.

– Ферзь Е4-Е2! – громко произнесла она и нажала часы. – Мат!

Дверь открылась. Даша обиженно фыркнула и скрестила руки на груди. А Маша заметила, что последний ход ферзя был вовсе не Е4-Е2, а С3-Г7.

– Тренируйтесь, девочки! У вас много времени, чтобы стать чемпионами мира. Не верхнего, так нижнего. Это даже почетнее. Тут такие мастера есть! Мне вот поздновато учиться, но настроение могу испортить и гроссмейстеру.

Потом Кольгрима закрыла дверь, уселась на диван и стала разглагольствовать о том, какие Маша и Даша талантливые. Пообещала Маше пианино поставить, хоть сама и не была любительницей фортепианной музыки. Даше – открыть корт и пригласить лучшего тренера. Потом предложила обеим поступить в шахматную школу эльфов имени чемпиона мира Магнуса Карлсена, где их обучат играть лучше Александра Алехина. Потом выпила кофе и призналась, что сначала хотела сделать из них двух очаровательных змеек, чтобы украсили ее фауну, но передумала. Уж очень они талантливые, и нужны ей в качестве людей. Потом вдруг вспомнила о каком-то неотложном деле, пообещала привести в следующий раз симпатичного мальчика Сержа, который так понравился им на горке. Она только посоветовала не дразнить его предателем. Он очень хороший паренек. Истинный крольчонок, мягонький и пушистенный.

После ухода Кольгримы Маша предложила Даше сыграть в блиц. Та была сильно расстроена своим быстрым проигрышем, но всё же согласилась.

– Чур, я белыми! – воскликнула Маша и нажала на часы. – Ферзь Е4-Е2!

– Ты чего это?! – закричала Даша. – Кто так ходит?

И в это время открылась дверь. Но в нее никто не вошел.

– Е2-Е4! – воскликнула Маша и нажала на часы. Дверь закрылась. Девочка радостно запрыгала на месте. – Я раскусила! Я поняла! Мы с тобой теперь, Даша, можем открывать и закрывать двери, когда захотим! Е4-Е2 – дверь открывается! Е2-Е4 – закрывается! Надо только громко произносить и нажимать на часы! Вот смотри! – И она произнесла эти простенькие заклинания, одновременно нажимая на часы. Дверь послушно открылась и закрылась.

Не успели сестры прийти в себя от этого открытия, как Даша заметила, что Кольгрима забыла на вешалке свою кунью шапку. Она подпрыгнула, но не достала до нее.

– Забыла Кольгрима. Машь, достань, примерю.

Маша сняла шапку, но не отдала сестре. Подошла к зеркалу и сама примерила ее. В тот же миг она исчезла. Даша растерянно спросила:

– Маша, ты где?

– Я тут. Ты чего?

– Да где ты? Я не вижу тебя!

Перед ней появилась Маша. Она держала шапку в руках.

– Теперь у нас еще и шапка-невидимка! – сказала Маша. – Я так и думала! Ведь она всё время появлялась непонятно как!

– Мы в ней сможем убежать отсюда! – обрадовалась Даша.

– Как мы убежим отсюда вдвоем? Шапка-то одна. И ты знаешь, куда бежать? Налево? Направо? Когда сюда в креслах неслись, вспомни, сколько петляли по всяким коридорам, в какие-то тупики заезжали, разворачивались, кружились на месте. Я лично ничего не запомнила.

– А я запомнила! – сказала Даша. Она закрыла глаза, сосредоточилась. – Бери ручку, пиши. Как в дверь въехали, прямо вниз. Потом налево, потом прямо, потом направо, потом вниз. Потом налево, три кружения. Потом прямо в тупик. Потом обратно до того места, где кружились. Три раза раскружились и направо...

Исписав пол страницы, Маша стала рисовать план коридора. Получился настоящий лабиринт. Не шуточный – каменный, который выкладывали из камешков в Скандинавии, или дерновый, которым украшали дворцы и поместья в Англии и Германии. Нет, это был самый настоящий лабиринт, в котором можно было запросто потеряться или встретить чудовище.

– Как ты всё это запомнила, Даша?

Даша скромно пожала плечиками. Маша задумалась:

– Если даже мы убежим отсюда, всё равно попадем в дом к Кольгриме. Кто-то один в шапке проскользнет мимо нее, а второй?

Ответа девочки так и не нашли. Похоже, выбраться сразу обеим из подземелья было нельзя.

Глава 9. Встреча неизбежна

Кольгрима вернулась в дом. И хотя не было причин для беспокойства, всё было под контролем, она ощущала сильную досаду. И ей хотелось поскорее покончить с источником этой досады – Лоухи и Так-так. Она зашла к компьютерщикам, спросила, какие трудности в разработке программы. Стикс стал рассказывать, но она махнула рукой:

– Ладно! Потом. Трудности они всегда есть. Но помимо трудностей еще есть неотложные дела. Так-так с отцом девочек, да еще с котом и собакой – целая делегация! – сейчас в Лапландии у верховного шамана. Может, уже и возвращаются сюда. За Машей и Дашей. Не знаю, что им дал нойд или что посоветовал, но что-нибудь определенно дал и посоветовал. Наверняка что-нибудь очень сильное. Если дал, управиться с муми-троллем будет не просто. В дом он не пойдет, знает, что девчонки внизу. Но и ждать его на входе в тоннель не стоит. Это далеко отсюда, километров шестьсот. И в лабиринте без карты пропадешь, не выйдешь... Есть еще один вход, сбоку. Недалеко отсюда, верст двадцать. Рядом с моими палатами. Муми-троль наверняка пойдет к нему поверху. А это он делает очень быстро... Решено! Встретим его у бокового входа! Ахеронт, позови Мишеля и Сержа.

Кольгрима в раздражении указала Стиксу на беспорядок в Центре, но тот спокойно возразил:

– А это, госпожа, не моя зона.

Пребывая в собственных мыслях, хозяйка не обратила внимания на гонор подчиненного. Зашли Ахеронт и поварская команда.

Построив персонал, Кольгрима уселась в кресле и дала каждому служащему персональное задание. Сержа направила вниз, в свои чертоги, где выделила ему комнату рядом с комнатой Маши и Даши. Дала поваренку ключ, одинаково подходящий к обеим комнатам. Велела помириться с девочками и развлекать их. Там есть телевизор с видеками, планшеты с мультиками, игры, куклы, кубики. В конце концов, можно будет взять в клетке пару мышей, пусть позабавятся с ними! Главное, не забывать, что посылается он туда сторожем.

Взглянув на Мишеля, она вдруг спохватилась. Подошла к

вешалке, поднялась к себе на второй этаж, долго рылась там, чертыхалась, в раздумьях спустилась. Усевшись в кресле, с подозрением осмотрела всех и спросила:

– Шапки моей не видели?

Поскольку все молчали, она стала допытываться у каждого, куда тот дел ее шапку.

– Какую шапку, госпожа? – спросил Стикс.

– Кунью! Я ее повесила на вешалку!

– Я не брал. И не видел.

Пробормотав проклятия, Кольгрима дала задание Мишелю помимо поварских обязанностей приступить еще и к охране дома. Когда она будет отлучаться из дома, никого не впускать, а если кто прошмыгнет, не выпускать до ее прихода. Будет сопротивляться – связать!

Стикса и Ахеронта волшебница определила в свою команду, предназначенную «для встречи делегации». В этом деле помощники не помешают. От муми-тролля всего можно ожидать. А тут еще отец девчонок. И неизвестно, чего шаман придумал. Чутье подсказывало Кольгриме, что на этот раз стоит ожидать подвоха. Нойд не спустит ей ее предательства!

– Сегодня не придется спать, – обрадовала хозяйка программистов. – Не исключено, что делегация уже на подходе к тоннелю. Оденьтесь теплее и выступаем. Будете охранять боковой вход. Там есть место, где спрятаться. Увидите их, нажмете на кнопку. Я дома буду ждать вашего сигнала. Тут же появлюсь, захвачу вас и направимся вниз встречать дорогих гостей! Где же моя шапка? Точно помню, повесила на вешалку!

– А далеко, госпожа? – спросил Стикс.

– Это пусть тебя не заботит, юноша, – ответила Кольгрима. – Со мной тут всё рядом.

Еще до рассвета туристов разбудил посыльный, который встречал их у нойда. Он попросил их привести себя в порядок и следовать за ним. «Завтракать не надо!» – предупредил он. Григорий и Маклеод с сожалением вспомнили, какое прекрасное блюдо подала

им хозяйка вчера на ужин – жаркое из оленины с картофельным пюре и брусничным вареньем! Теперь когда отведаешь такое?

У шамана юноша дал всем горячий напиток. Петру и Так-таку в чашечках, Григорию и Маклеоду в мисочках. Это был всё тот же терпкий травяной отвар, с которым каждый получил хороший заряд бодрости. Вошел нойд с посохом. Гости, опустив глаза, молча поклонились ему. Оглядев всех, шаман остался доволен и скомандовал.

– Так-так, берись за посох, положи руку на голову пса. Петр пусть положит кота за пазуху и тоже возьмется за посох.

Путешественники послушно выполнили команду и уже в следующее мгновение оказались возле входа в первый короткий тоннель.

– Я мог бы вас сразу доставить к боковому входу третьего тоннеля, – сказал нойд, – но решил провести небольшую экскурсию по этой южной части Лапландии. Вы мне нравитесь. Когда еще окажетесь на земле саамов? Эта земля прародительница всех земель и народов. Сейчас мы пойдем к сейду, в котором уже пять тысяч лет живет дух первого верховного шамана Лапландии. Там просто смотрите и не говорите ни слова. Старайтесь даже не думать ничего. А то мало ли чего! После этого я вам покажу место силы. Там тоже наберите воды в рот.

Григорий при этих словах толкнул лапкой Петра и кивнул на Маклеода. Пес радостно жарко дышал, точно ему предстояла увлекательная охота на дичь.

Стали подниматься в гору. Чем выше, тем сильнее дул обжигающий ветер, готовый скинуть путников в пропасть. Нойд остановился, снял с пояса шнурок и завязал на нем два узелка. Ветер тут же стих. Пошли дальше. На вершине голой скалы шаман подвел всех к огромному валуну, свесившемуся над пропастью. Центр тяжести должен был давно опрокинуть камень и увлечь его в бездну, но сейд непостижимым образом покоился на трех пирамидках из маленьких камней. Шаман жестом попросил всех отойти подальше от сейда, поклонился ему, шепотом произнес несколько слов и положил на выступ фигурку оленя и бутылочку с отваром трав.

После этого нойд спустился с гостями на ровную площадку, с которой открывался красивый вид на заснеженные серые горы и

буро-зеленые леса из карликовых сосен, елей и берез. Посреди площадки находился валун, напоминавший каменный стол. Это и было «место силы». На его плоской поверхности стояли несколько оленьих рогов. Судя по всему, рогам была не одна сотня лет, а может, и тысяч. Шаман подошел к ним и стал двигать ими. В зависимости от взаимного расположения рогов, заметно усиливался или ослабевал ветер. А когда он сблизил два соседних рога и ударил одним по другому, послышался гром. После этого махнул рукой и повел всех к входу в тоннель. Там предложил передохнуть и подкрепиться напитком, который достал из мешочка. Вынул также три чашечки и две мисочки, налил в них из бутылки дымящийся отвар.

– Термос? – спросил Так-так, указав на мешочек.

– Сумочка, – ответил, улыбнувшись, шаман. – Ничего хитрого! Просто держит тепло или холод. Когда я ей скажу.

Нойд снова посмотрел Так-таку в глаза, и у того снова закружилась голова, но уже не так сильно, как в первый раз.

– Силы в тебе прибыло, – сказал шаман. – Это хорошо. Тогда не будем терять время на два тоннеля, перенесемся сразу к третьему. К боковому входу?

– К боковому, – кивнул Так-так.

– Беритесь за посох. Петр пусть не забудет кота.

Глава 10. Лабиринт

Маша протянула сестре шапку Кольгримы, взяла листок с нарисованным лабиринтом, и воскликнув: «Е4-Е2!», – нажала на часы. Дверь открылась. Девочки, озираясь по сторонам, вышли в тоннель. Тронулись в предполагаемую сторону дома Кольгримы. Сестры всё же решились на побег. «Хуже не будет» – сказали они друг другу.

Хорошо, что Маша нарисовала лабиринт. Но одно дело рисунок и совсем другое – сам лабиринт! Это не декоративное кружево тропинок. Не спираль из безобидных камешков или дерна. Не место, созданное для забавы, где, веселясь, бегают и кричат юные создания или прогуливаются солидные пары. Всамделишный лабиринт был огромен, чрезвычайно запутан, уныл и устрашающ. Нескончаемый серый тоннель напоминал утробу гигантского змея. Множество ответвлений, тупиков, выбоин и ниш в каменных стенах, угрюмые своды, в темных складках которых шевелилась сама темнота – скопления летучих мышей, страшили девочек. А каменные колодцы, уходящие вверх в черную бездну, и вовсе вселяли ужас в детские души. От мертвенного холодного света, льющегося непонятно откуда, пробирала дрожь. Гулкое эхо внезапно выпрыгивало чуть ли не из стены, пугало и так же внезапно глохло. Путь сестер сопровождал писк шмыгавших мимо крыс, шорох осыпавшейся каменной крошки, стук капель о каменный пол. И нельзя было избавиться от чьих-то неуловимых глаз, впившихся в спину, как две стрелы.

– Даша, не бойся! – успокаивала младшую сестренку Маша. – Побори свой страх!

Но ей самой было очень страшно в этом древнем лабиринте, где и без Кольгримы можно было заблудиться и никогда не найти выход. Знали бы девочки, что это было место, где носятся бесприютные духи и гнусные бесы и куда раз в четыре года двадцать девятого февраля спускается подточить свою косу сама Смерть. К счастью, сестры об этом не знали. Слава богу, они еще не встретили никого.

– Это тупик, – сказала Маша, водя пальцем по плану лабиринта. Даша подтвердила:

– Да, за ним еще один. И там можно запутаться.

– Стоп! Тс-с!

За поворотом послышался шум. Девочки спрятались в нишу, благо, та оказалась рядом. Мимо пронеслось кресло с человеком.

– Кто-то знакомый, – сказал Маша.

– Это предатель! – крикнула Даша.

– Да тише ты! Что кричишь?

Минут через пять снова послышался шум катившегося кресла. Скрыться было негде. В стене была, правда, небольшая выемка, но в ней могла спрятаться только одна девочка, и то наполовину. Выхватив у сестры шапку, Маша толкнула ее в эту выемку, а на себя водрузила шапку Кольгримы. В этот момент показалось кресло, в котором сидел Серж. Поваренок смотрел в другую сторону и не заметил вжавшуюся в каменный паз девочку. Кресло скрылось. Из воздуха появилась Маша.

– Куда теперь? – спросила Даша. – Он поехал к ней. Сейчас скажет, что нас нет, и всё пропало!

– Ничего не пропало! – громким шепотом сказала Маша. – Раз решились, надо идти.

Девочки прошли еще часть пути, когда послышался шум коляски в третий раз. Но у сестер уже так обострился слух, что они успели среагировать. Тем более они обращали внимание на все места, в которых можно было спрятаться. Сестры повернули обратно и юркнули в ближайший тупик. Мимо прокатило кресло.

– Наверное, Кольгримы нет. Ищет ее, – сказала Даша.

– Побежали! – крикнула Маша. – Смотри, куда спрятаться! А я буду слушать, чтоб не настиг!

Девочки, что было сил, припустили по тоннелю. Маша изредка останавливалась и сверялась с планом лабиринта. А Даша, не глядя на план, подсказывала, куда теперь бежать.

Тем временем Ахеронт и Стикс заняли свои места у бокового входа во владения Кольгримы, Колдунья, как маятник, носилась меж домом и постом, бормоча заклинания вперемешку с проклятиями. Как ей хотелось поскорее увидеть Так-така! И воздать ему полной

мерой за то, что он погубил ее «Дракона»! Прощения муми-троллю не было! «Превращу его в улитку или мокрицу! Ну а сестру упеку в смиренный дом гномов! Всё ж таки сестра, хоть и не родная! – решила Кольгрима. – Да сколько же их можно ждать?!» Однако ночь не подарила ей радостной встречи с ненавистным Так-таким. Это при том, что всю ночь не пришлось сомкнуть глаз – впервые за много лет! Уже под утро она несколько раз тормошила своих пограничников, проваливавшихся в сладкий сон, но только она исчезала, те засыпали вновь.

– Я обращаю тебя в свинью! – негодовала всякий раз волшебница, на что Ахеронт зевал, бил себя по щекам и клялся больше не спать, а Стикс говорил: «Обращай, госпожа! Твоя воля!» Кольгрима, задумавшись, возвращалась в свои палаты. Покорность Ахеронта успокаивала ее, но смирение Стикса настораживало. Выслушав еще раз такой ответ, она спросила:

– А что это ты, Стикс, так легко соглашаешься вновь стать свиньей?

– А я и не переставал быть ею, госпожа!

– У тебя ничего не болит?

– Болит. Вот тут, – Стикс постучал по груди.

– Да у тебя, голубчик, депрессия! Вылечим! Вот закончим это дело, и я позову психиатра, гипнотерапевта – эльфа. Он заведует клиникой мозговых расстройств. Пусть проведет курс сеансов гипноза.

– Тролля лучше, госпожа.

– Тролля? Почему тролля? Чем тролль лучше эльфа?

– Я на него разок взгляну и тут же вылечусь.

– Да нет у тебя никакой депрессии! – захохотала Кольгрима и, успокоившись, хлопнула слугу по плечу и умчалась к себе.

Когда она в следующий раз очутилась рядом с ними, то удивилась, что спал один лишь Стикс. Ахеронт бодрствовал.

– Выспался, Ахероша? – тягуче спросила Кольгрима, разбудив Стикса. – Что видел во сне?

– Только что, госпожа, видел, – не успел еще и на кнопку нажать,

чтобы предупредить – вашего Так-така и еще двоих. С ними была собака.

– И где они? Вошли в тоннель?

– Да. Вошли.

– Замечательно! А почему ты говоришь, что были еще двое? Там еще один – отец девочек. Или ты уже и собаку считаешь человеком? – засмеялась Кольгрима. – Она пока что друг человека. И не смей больше называть муми-тролля моим! Он не мой!

– Да нет же! – настаивал Ахеронт. – С муми-троллем были два человека и собака!

– У тебя, голубчик, галлюцинации от бдения! Это тебе надо психиатра, а не только ему.

– Угу, от бдения... От диеты! – впервые возразил хозяйке Ахеронт. Та с интересом посмотрел на него. – И никакой он не немой. Он говорил. Я слышал.

– Сколько забот! Сколько забот! И никакой благодарности! Диета ему, видите ли, вредит! А насчет немых помощников я подумаю. Это ты мне хорошую мысль подал. Всё! Надо успеть вперед их! За мной! – Колдунья взяла слуг за руки, и они исчезли.

Глава 11. Две радостные встречи

Кольгрима еще раз прокрутила в уме план действий. Она всё продумала до мелочей. Ничто не должно нарушить ее замыслов. «Если даже нойд дал Так-таку свой амулет и поделился с ним своей силой, муми-троллю не хватит энергии, чтобы отнять у меня девчонок!» – рассуждала волшебница. Поначалу она хотела договориться с бесами, чтобы те хорошенько попугали гостей. Но те за услугу запросили чересчур много, и Кольгрима отказалась.

Кольгрима зашла в комнату, где были девочки, но их там не оказалось. Она первым делом взглянула на вешалку. Шапки не было. «Хм, куда же она запропастилась? И девчонок нет...»

– А ты что тут делаешь, Серж? Где девчата? Упустил, раззява! Или сам отпустил?

– Да не было их, госпожа! Я три раза ездил по тоннелю туда-обратно – нет нигде!

«Наверное, к дальнему входу пошли, – подумала колдунья. – В боковой не выйдут, он на выход всегда закрыт. Пусть идут. Помыкаются, сговорчивее будут. Они, что ли, взяли шапку? Дурочки! Их двое, а шапка одна. Ладно, разберемся».

На всякий случай Кольгрима отправила Стикса домой, чтобы тот еще раз проверил эту часть тоннеля и захватил сестер, если они окажутся там.

– Если не увидишь, жди их дома, сами придут. Может, забрели в какой-нибудь рукав. Да не вздумай спать! Твою задачу за тебя никто не решит! Помнишь срок? От него зависит твоя кафедра и прочее!

– Мы же вроде как договорились, госпожа!..

– Не раздражай меня! «Договорились». Договорились – если всё сделаешь к сроку! И то я посмотрю на результат. Старайся! Садись в кресло. Вот ручка управления. Тут всё просто.

Стикс сел в кресло и поехал. Настроение у него было препаршивейшее! Программист чувствовал, что произнеси Кольгрима еще хоть слово, он набросился бы на нее.

Сержа хозяйка заставила расставить для гостей кресла возле

стола, а Ахеронта выставила в тоннель,

– Бди! Скоро появятся делегаты. Чую.

Она опустила из стены сигнальный шлагбаум. Стоило кому-нибудь приблизиться к нему на сто метров, как он тут же издавал громкий звук и начинал мигать.

– Серж! Ты и для кота с собакой поставил кресла? – с насмешкой спросила Кольгрима. – Ладно, пусть стоят. Для внушительности.

* * *

Вот и боковой вход в тоннель. Перед глазами до горизонта лежала белая замша болота, посреди которой там и сям высились бурые бугорки и холмики, присыпанные снегом, и торчали похожие на перья березки, ели и сосенки. Землю накрывало такое же белое небо, только взлохмаченное облаками.

– Мы могли бы пройти на лыжах вон оттуда. Жаль, нет времени. На лыжах пересечь болото – радость, – сказал нойд. – Так хорошо, когда на середине болота под тобой потрескивает лед. Это не так опасно, как кажется. Человека губит не опасность. Человека губит страх перед опасностью. Хотя опасности надо бояться... Ну что, боитесь? Бойтесь-бойтесь. Бояться полезно. Однако пора собраться с духом и идти в тоннель. Кольгрима ждет. Первым иду я, в центре Так-так. Петр с котом и псом замыкают. Будьте внимательны. Особо обращайтесь внимание на ниши и колодцы над головой. Если не встретит на входе, будет ждать у себя.

На входе Кольгримы не было. Шли быстро, прислушиваясь к звукам. Нойд шагал уверенно, опираясь на посох. Так-так семенил за ним, стараясь не отстать. Маклеод забежал наперед шамана, но, получив легкий удар посохом по спине, обиделся и вернулся на свое место. Так-так было подумал, что Кольгрима может напасть на них в любой момент, как кошка на мышек. Но потом понял, что вряд ли она станет делать это, когда увидит, что отряд возглавляет нойд. «Силой ей нас не взять, – думал Так-так. – Значит, попробует обманом. Это ее козырная карта...»

Нойд остановился.

– Начинаются ответвления и ловушки. Так-так, доставай

навигатор.

– Он же под землей не показывает.

– У меня покажет. Попрошу его, и покажет.

Так-так вынул из рюкзака навигатор, включил его. Ни звука, ни сигнала. Нойд взял в руки аппарат, пошептал что-то, коснулся его кончиком посоха и тотчас экран засветился.

– Как тут управлять им?

Так-так показал.

Шаман просмотрел тоннель. Ткнул пальцем:

– Вот ее логово! Семь помещений. Ждет нас в этом, центральном. Когда будем там, я стану невидимым. Встретит она или помощник. Вряд ли станет применять силу. Ведьма не знает, что дал тебе я, Так-так. Вдруг ты осилишь ее. Она очень осторожная и хитрая! Скорее всего, она захочет подписать договор. Я уже проходил это. Достанет бланки, печати, вызовет нотариуса, все чин по чину. Ты, Так-так, читай, расспрашивай, соглашайся, спорь, а я постараюсь понять, что она затеяла. Когда надо будет подписывать договор, возьми ручку и в этот момент появлюсь и я. Я буду рядом. Пошли. Осталось идти часа полтора, не больше.

Перед входом в тупик, где были покои колдуньи, гудел и мигал шлагбаум.

– Встречает! – сказал нойд. – Я исчезаю.

Послышалось:

– Ахероша! Проводи гостей!

Ахеронт с низким поклоном любезно произнес:

– Прошу вас, господа!

Так-так, Петр с Григорием за пазухой и Маклеод зашли в комнату.

За столом в резном кресле восседала Кольгрима.

– Милости просим, херра Так-так! Заждались! Где изволили прохладиться? На Лазурном берегу?

– На нем самом, – ответил Так-так. – Где девочки, руова Кольгрима?

– Нэйти, – поправила Кольгрима. – Ой, зачем так спешить? Вы рассаживайтесь, рассаживайтесь. Места всем хватит. Два кресла свободных. Сейчас составим договор, и я отпущу девочек. С ними всё в порядке. Вы, папаша, не беспокойтесь. Вас, кажется, Петр величать? У меня им очень даже понравилось. Кстати, у обеих отменные шахматные таланты! Это наш нотариус. – Она указала на Ахеронта. – Вы его знаете. У него второе высшее образование – юридическое. Ахероша, подай из того шкапика бланки договора. А это его помощник, тоже не без талантов. – Указала на кролика Сержа. – У меня, херра Так-так, все талантливы, хоть и выходцы из народа. Серж, соблаговоли достать из сейфа печати. Круглую и штампик. Вот ключи. Суть договора проста: я вам возвращаю девочек, а вы мне отдаете Добрый край. Я вам отдаю девочек в вечное пользование. А вы мне отдаете в вечное пользование край. Ничего нет надежнее, как вечное пользование! Это вам не аренда и не еще что-то двусмысленное! Правда, Ахероша? Он, как юрист, кивает. Значит, правда. Сейчас составим, подпишем, опрокинем по бокалу французского шампанского. Серж, у тебя охладилось шампанское? Оно вон в том ведрке. Подпишем, и ступайте куда хотите. Земля велика. Могу даже вам протекцию составить в Канаде или Австралии. Не проблема. Могу и ваш коттедж перенести в любое место. Это запишем в пункт «Дополнительные условия».

* * *

Судя по плану, Маша и Даша были недалеко от жилища Кольгримы. Оставалось два поворота и самое трудное – незаметно войти в дом и так же незаметно покинуть его. Хорошо, перестал ездить Серж. Наверное, их искал. Девочки решили, что сначала Маша в шапке-невидимке обследует дом и откроет входную дверь. Если в доме кто-то есть, она на втором этаже уронит что-нибудь на пол и быстро спустится по лестнице. Пока будут смотреть, что там за шум, Маша выведет из подземелья сестру и обе стремглав убегут из логова ведьмы!

Всё оказалось не столь радужным. Едва девочки договорились, как им себя вести, как их настиг Стикс.

– Бежим! – крикнула Даша.

Девочки припустили так шустро, что только пятки засверкали.

Но кресло-коляска легко догнало их.

– Стойте! Куда вы? Никуда тут не убежишь! Двери закрыты. Как вы откроете их? А если в ту сторону пойдете, там выход дальше, чем ваш Петербург. Садитесь, тут совсем рядом. Да не бойтесь, не съем!

Делать было нечего. Сестры уселись слева и справа от Стикса, и через несколько минут кресло доставило их к дверям из тоннеля. Дома никого не было.

– Девочки, посмотрите наверху, есть кто?

Маша поднялась на второй этаж.

– Никого.

– И тут никого. – Стикс заглянул в компьютерный центр, на кухню, в кладовку, туалет, сауну, поглядел в окна. Нигде Мишеля не было. «Куда же он делся? Так даже лучше», – подумал Стикс. Взял с полки два теплых свитера, теплую шапочку, протянул сестрам:

– Наденьте! У тебя шапка есть. И дуйте отсюда, пока никого нет! В соседний дом, к Мартонену. Он вас домой отвезет. Быстро!

Стикс вытолкал девчушек на крыльцо и закрыл дверь. Сам быстро прошел в тоннель, сел в кресло и направил коляску вниз. Когда он вошел в комнату, то увидел, что Так-так и Кольгрима уже подписывают договор. Ахеронт держал золотую ручку, Серж печать и штампик. Петр сидел в кресле. На его коленях лежал рыжий кот. Сеттер сидел рядом на полу и часто дышал. Два кресла пустовали.

– Значит, согласовали? – произнесла колдунья, коротко взглянув на Стикса и кивнув ему на пустующее кресло. – Подписываем! Ахеронт! Ручку херра Так-таку!

– Только после вас, руова Кольгрима! – любезно возразил муми-тролль.

– Да нэити я, нэити! – Кольгрима вздохнула, подписала два экземпляра договора и протянула золотую ручку с золотым пером партнеру. Тот взял ручку и стал рассматривать перо.

– Золотое, – сказал Так-так. – Вечное.

– Вечное и золотое, – слегка раздраженно бросила Кольгрима. – Вы подписывайте! Подписывайте!

– С превеликим удовольствием! – сказал Так-так и вздохнув

точь-в-точь как Кольгрима, уткнул перо в бумагу. В глазах волшебницы вспыхнули дьявольские огоньки.

Стикс уже собирался сесть в кресло, как вдруг оно произнесло:

– Минутку, Так-так!

Стикс в суеверном ужасе отпрянул в сторону, Кольгрима вздрогнула, у нее всё поплыло перед глазами. На месте голоса из воздуха соткался верховный нойд Лапландии! Шаман смотрел колдунье прямо в глаза!

Глава 12. Договор можно и не подписывать!

С трудом, но Кольгрима совладала со своим смятением. Собственно, чего ей бояться? Даже если ее противник сам верховный шаман Лапландии! Даже если в руках у него волшебный посох! Тут не саамский край! Тут ее владения, ее чертог, ее волшебное кресло, которое силой не уступит посоху! Как-никак, нойд у нее, а не она у него! В конце концов, он просто человек! Стоит ей нажать на кнопку в подлокотнике кресла, и легион бесов слетится к ней. А уж они-то знают, как управиться с человеком! «Посмотрим, «о великий дух!», кто кого? Помнится, однажды я уже одолела тебя...» Все эти соображения не были лишены оснований, во всяком случае, были очень заманчивы. Но хотя в голове у колдуньи и звучал гимн «Гром победы, раздавайся!», она старалась на шамана не смотреть. Улыбнувшись как-то наискосок, Кольгрима засыпала высокого гостя вопросами.

– Это вы, херра нойд? Рада видеть вас! Как поживает Лапландия? Инари замерзло? Как здоровье? Путешествуете? Или по делам? Не торопитесь? А мы тут с коллегами дельце одно решаем. Да уж почти решили. Херра Так-так, подписывайте и выпьем шампанское! Серж, где бокалы?

Нойд погасил свой взгляд и ответил:

– Я не тороплюсь. У меня впереди вечность. Господин Так-так! Покажите мне текст договора! Любопытно, что там пишут новенького?

– Ахероша! Подай! Всё старенькое, херра нойд. Новенькое вносит сумятицу в мир.

Ахеронт подал нойду договор.

– С этим я, пожалуй, соглашусь, – сказал шаман. – Вносит.

Он не торопясь прочитал весь договор, заинтересовался одним пунктом.

– Тут сказано: «Все споры между сторонами будут рассматриваться в третейском суде Центра Ко Ют Лтд». Это что за «Центр Ко Ют Лтд»?

– Это мой Центр компьютерных и юридических технологий,

херра нойд, – заерзала Кольгрима в кресле.

– Юридических технологий! Не слышал о таких. Во всяком случае, у нас в Лапландии их нет.

Кольгрима криво усмехнулась.

– Так-так, вы чего-нибудь понимаете в этой чепухе? – Шаман потряс договором. – В «юридических технологиях»?

– Понимаю, – ответил Так-так. – Слегка. Это третейский суд, который возглавляет сама роува Кольгрима.

– Разве такое возможно, чтобы человек судил самого себя? Разве что на исповеди в церкви...

Кольгрима при этих словах поморщилась.

– Такое невозможно! – ответил Так-так. – Ведь с нами этот арбитр не был согласован. Но это не главное. Судья не может быть одной из сторон в гражданском процессе! Он не может быть даже свидетелем в деле, где совершает правосудие! За это его самого будут судить!

– Вот и я о том же. Чтобы она совершала право-судие? Право, смешно! – Нойд подбросил листы договора вверх. Они вспыхнули, и на каменный пол упал черный пепел.

Кольгрима с перекошенным лицом подскочила. Нойд тоже встал.

– Вы не получите девчонок! – взвизгнула колдунья. – Никогда не получите!

– Ты их сама мне отдашь. Сейчас же, – сказал шаман и направил на Кольгриму свой посох. – Не вздумай жать на кнопку. Знаю о ней. Не забыл. Вот-вот, отойди подальше от кресла. И не дергайся. Здравее будешь. Где девочки?

В бешенстве ведьма даже забыла, как зовут ее слугу.

– Ты! Как там тебя? Стикс! Где они?

– Наверное, у Мартонена. А может, уже и дома.

– Ты что? Ты отпустил их?!

– Отпустил.

– Да я тебе!..

Нойд посмотрел на Так-така и на Петра.

– Видимо, не имеет смысла продолжать разговор. Тем более подписывать договор. – Шаман посохом пошевелил пепел на полу. – Но я не столь наивен, чтобы верить на слово. Так-так, посмотри у этого, Мартонена, там ли девочки. Знаешь, где это?

– Знаю.

Нойд снял с пояса амулет и дал его Так-таку. Тот тут же исчез. Шаман продолжал стоять. Кольгрима, Ахеронт, Стикс и Серж замерли, боясь пошевелиться.

Через пять минут Так-так появился. Вернул амулет владельцу.

– Они уже дома у Ирины. Мартонен отвез.

– Теперь всё, – сказал нойд. Он коснулся кресла Кольгримы. Трон ведьмы вспыхнул и с оглушительным треском сгорел. Шум стоял такой, словно обрушилась на подлесок трехсотлетняя сосна или сорвалась с места огромная стая ворон. – Живи. Но не попадайся мне в третий раз!

Шаман протянул посох Так-таку. Тот взялся за него и положил руку на голову Маклеода. Петр, утолкая Григория за пазуху, взглянул на растерянную колдунью (она сейчас вовсе не выглядела импозантно и устрашающе, как любила представляться людям) и взялся за посох. Через секунду от делегатов не осталось и следа. Лишь ветерок взметнул кверху черный пепел сгоревшего договора.

Кольгрима подошла к креслам и опустилась в одно из них.

– Серж! Нет, ты, Ахероша! – тихо произнесла она. – Разлей шампанское. А ты, Стикс, вон с глаз моих!

Серж открыл бутылку шампанского. Пробка с хлопком улетела к потолку. Кольгрима проводила ее взглядом. Пробка, не упав на пол, исчезла.

Молча выпили шампанское.

– Ну, ребята, вы тут допивайте без меня, а я пойду, отдохну. И уберите весь этот... – она сапожком наступила на пепел и растерла его по полу, – мусор. Кресла я вам пришлю.

Уходя, она посмотрела на вешалку и вспомнила, что точно положила шапку на полочку. «Значит, у них, проклятых!»

На кухне хозяйку встретил Мишель.

– Стикс у себя?

– За компьютером, госпожа.

– Скажи, чтобы пришел ко мне.

Кольгрима поднялась к себе. Зашел Стикс.

– Присаживайся. В ногах правды нет.

– Нет ее и выше, – сказал программист.

– Я решила тебя простить. Знаешь, за что?

– Нет. За что?

– За честность. В людях я ценю, прежде всего, честность, – Кольгрима подчеркнула «в людях».

– Ты, госпожа, просто используешь их честность.

– Да, использую! Честно использую. А не применяю силу, как некоторые колдуны. Сила есть – ума не надо! Чувствую, заканчивается мой век. – Волшебница правым глазом уронила слезу, а левым внимательно следила за Стиксом. Но тот никак не отреагировал. Помолчал и, пожав плечами, произнес:

– Твой век еще впереди.

– Твоими устами да мед пить. Но нет пророка в моем отечестве. – Кольгрима печально вздохнула.

– Он еще не начался, твой век, – повторил Стикс.

– Может, ты и прав, – снова вздохнула колдунья. – Пока лишь одна сила правит миром. Честности как не было в нем, так и нет. Я вот что решила. Сделаю тебя моим правопреемником. Всё, чем я владею, и всё, что я умею, станет твоим.

– Что так? – спросил Стикс, не чувствуя восторга от столь заманчивого предложения.

– Сдаю. Силы уже не те. Одни вздохи остались.

– Так они в век честности и не нужны будут, эти силы, – возразил правопреемник. – От них одно лишь смущение. Главное, честность не сдать никуда.

– Ладно, ступай! Но ты понял, о чем я. Всё равно другого

наследника у меня нет.

«Сойдет и побочный байстрюк», – подумал Стикс, но не произнес этого вслух.

Глава 13. Carpe Jean-Jacques Justas^[7]

Очутившись на площадке перед домом Сомовых, путешественники огляделись. Несколько секунд они приходили в себя от тумана в глазах, похожего на серебристое свечение, и чувствительного сердцебиения во время телепортации (мгновенного перемещения в пространстве).

В поселке было очень тихо. Казалось, никого нет или все спят. Но там и тут поднимался дымок – готовили во дворах шашлыки, над коттеджами Аарно Какконена и эстонца Калле развевались финские флаги, с горки катались на санках и ледянках дети.

Рядом со своей машиной Петр увидел машину Мартонена и побежал к дому. За ним с лаем припустил Маклеод. Из-за пазухи Петра вывалился Григорий. Он огляделся и важно направился к крыльцу. Послышались радостные крики. На крыльцо выскочили Ирина, Мартонен и девочки. С сосны сорвалась Чернавка и с карканьем стала носиться над головами. Так-так, сделав несколько шагов, оглянулся. Нойд, оставшись один, поклонился муми-троллю, потом всем остальным и исчез.

– Куда же он?! – воскликнул Петр. – Отметили бы! Я ж подготовил ему подарок – спиннинг Maximus Raptor-X! Ну как же так, взял и ушел!

– Да ты летом с девочками съезди к нему, – сказал Так-так, – и подари.

– И съездим! Съездим, Ирина?!

– Конечно, съездим! Я хочу его в Питер пригласить. Поедет? – спросила она Так-така.

– Не знаю, – пожал тот плечами. – За шамана нельзя решать.

Все зашли в дом. Маклеод и кот остались на крыльце.

– Заходите! – пригласил их Петр в дом.

– Мы свежим воздухом подышим, – сказал Григорий. Он запрыгнул на перильца. Рядом с ним с карканьем уселась ворона.

– Чернавка! Не каркай! – попросил кот. – Башка раскалывается!

– Врешь! Не расколота! Целая голова!

– А это что? – кот вдруг широко-широко зевнул.

– Пародия на льва! – фыркнула ворона. – Расскажи, как там Лапландия?

– Северная страна, – сказал кот. – Снег, льды, северное сияние.

– Где ты, вруша, видел северное сияние? – спросил Маклеод.

– На небе, барон, на небе! Ночью, когда вы изволили дрыхнуть.

– Ой, когда я дрых! Да ты сам продрых всю поездку без задних ног!

– Что значит, без задних ног? Задние ноги вот они, всегда при мне. И вообще, ты это о чем? Задние ноги! Разве есть передние ноги? Передние у меня – руки.

– Ну, ты скажешь, Дарий-Григорий, руки! Ты что, уже человек?

– Не человек! И это звучит гордо!

– И кто ж ты?

– Я царь! А раз царь, у меня должны быть руки! Только из царских рук можно получить царский подарок! Ты же знаешь: у меня все подарки – царские! Вот сейчас скажу Ирине: «Дай сахарную косточку!» И она даст. Думаешь – кому? Тебе, дурень! Подожди минутку! И тебе, Чернавка, заодно колбаску захвачу.

К дому подошел Калле. Увидел машину Мартонена.

– Пришли? – спросил он у Маклеода и постучал в дверь.

Ворона, глядя на Калле, каркнула:

– Кряк!

– Да сколько говорить тебе: не коряк я! Эстонец!

– Кряк! – повторила Чернавка.

Калле остановился и, обращаясь к Маклеоду, бросил:

– Да скажи ты этой дуре, что не коряк я, а эстонец! Коряки на севере Камчатки живут, а я на юге Скандинавии!

– Дура у нас Жанна, курица, – заметил Маклеод. – А это ворона.

– Кряк! – каркнула Чернавка.

– Заходи! – Петр затащил приятеля в дом. – И ты заходи, и ты! – пригласил хозяин пса и ворону.

Все уже сидели за столом. Удивительно, как быстро организуется застолье в любой части света, хоть географической, хоть сказочной. Порой не успевают глазом моргнуть, как оказываются все за столом с яствами, за скатертью-самобранкой.

Когда путники наелись-напились, когда по два, по три раза рассказали о своих приключениях, все вдруг вспомнили о Юстасе и его семействе, проживавшем с сентября до следующего лета в теплом курятнике Калле. Эстонец разделил куриное королевство на два княжества, для своих кур во главе с петухом Раймундом и для Сомовских во главе с Юстасом. Разграничил их сеткой, чтобы князья не дрались и не петушились.

– Юстас кукарекает? Курочки несутся? – перебивая друг друга, спрашивали сестренки.

– Юстас кукарекает. Пеструха несется. Дура, пардон, Жанна чего-то там высиживает. Геморрой, однако, – пошутил Калле. Похоже, куриная тема была ему приятна. Он, склонив голову, прислушался к своему организму, выпил еще бокал пива и начал рассказ. Все уселись плотнее, поскольку эстонец любил говорить долго, но, к счастью, не нудно.

– Когда вы уехали, куры какое-то время жили еще здесь. Гуляли, клевали червячков. Я их каждый день выпускал на волю. А когда обустроил для них свой курятник, стали жить там. Петух не сразу признал меня, Грозно поглядывал, насканивал, но мое ангельское терпение, в конце концов, утомило его. Каждый день к нему прилетала эта ворона, – Калле указал на Чернавку. – О чем они всё время шептались, не знаю, но однажды, это было пятого или шестого сентября, петух заявил мне, что ему надо непременно быть через два дня в Париже.

– Где? – невольно воскликнули все.

– В Париже. В столице Франции. Его, видите ли, как прославленного рыбака, пригласили на чемпионат мира по спортивной ловле карпа на реке Сена.

– Кто пригласил-то? – спросил Петр. – И как он узнал о приглашении?

– Председатель жюри. Передал по птичьей почте. Нет, не голубиной. Вороньей. На сегодня это самая надежная и быстрая почта. Не считая, конечно, электронной. Но поскольку в курятнике у меня еще нет компьютера, куры подключены к вороньей.

– И когда это наш петя успел прославиться? – не унимался Петр.

– Прошлым летом был зафиксирован рекорд по ловле щук. Тогда Юстас за три часа выловил в озере четырнадцать с половиной щук, на три штуки превысив мировой рекорд.

– Это в тот день, когда мы познакомились? – спросил кот Чернавку.

– Да, тогда, – подтвердила ворона.

– А как это – «с половиной»? – спросила Ирина.

– То есть еще семь. Половина от четырнадцати – семь. Четырнадцать да семь будет двадцать одна щука. Мировой рекорд был двенадцать с половиной, то есть восемнадцать.

– Не понимаю, зачем так подводить итоги?

– Так принято у щуколовов... Раз пригласили, надо ехать, – продолжил Калле. – Путь отсюда до Парижа известный. Автомобиль до Хельсинки, регистрация в аэропорту Вантаа. Затем на аэробусе А321 компании Finnair до аэропорта Шарль-де-Голль в Париже. Ну а там встреча, дорожка, оркестр, телевидение, всё, как положено. Чемпионов мира встречают иногда с большей помпой, чем президентов стран! Вы это хорошо знаете по себе. – Калле налил еще бокал пива. Выпил. Закусил оливкой. Протянул две оливки и Григорию, который лежал на коленях Петра. – Соревнования начинались рано утром. Юстас – умница, учел особенности рыбалки в сентябре, погоду, солнце, ветер, время суток, характеристики воды в Сене, буквально всё! И леску подобрал особенную, и крючок, и катушку, и удилище. Всё подогнал по последнему слову рыболовного искусства. Может, и заговор произнес какой. Когда начались соревнования, Юстас был, разумеется, в числе фаворитов, но никто не предполагал, что он станет чемпионом мира еще и по ловле карпа!

– Мира?! – снова невольно воскликнули все.

– Мира! Знаете, какого карпа он выловил в Сене?

– Не знаем!

– Наш карпятник поймал в Сене гигантского чешуйчатого карпа весом в 52 килограмма! Вот вырезка с фотографиями из газеты «Паризьен». Это Юстас, а это карп на руках первого помощника Юстаса Франсуа Меланшона, родственника Жан-Люка Меланшона. До этого мировой рекорд принадлежал карпу весом в 48 килограмм, пойманному в 2015 году в Венгрии, а национальный рекорд Франции – 44-килограммовому карпу, пойманному тогда же в озере Дер-Шантекок.

– Неужели в Сене водятся такие гиганты?

– Раз поймал, значит, водятся. Думаю, всё дело в прикормке. Это девяносто процентов успеха. Юстас с вечера прикормил рыбу особенными дождевыми червями, которых привез из нашего поселка и вкуснее которых, по его словам, нет на всем белом свете. Естественно, о червяках тут же узнала вся рыба в Сене. Молва о финском деликатесе разнеслась среди рыб мгновенно. Ведь скорость звука в воде в четыре с половиной раза больше скорости звука в воздухе! Докатилась она и до этого карпа. Всякий уважающий себя карп (а он уважает себя сразу после того, как достигает десяти килограмм) не может не клюнуть на такую приманку. Что за карп он после этого, если не продегустирует новое блюдо? У них же там, под водой, тоже соревнуются, кто стянет с крючка самую аппетитную приманку, там тоже есть свои чемпионы Франции и мира.

– А как карпа назвали?

– У него запоминающееся имя: carpe Jean-Jacques...

– Руссо? – спросил Петр.

– Нет, не Руссо. Carpe Jean-Jacques Justas, карп Жан-Жак Юстас, ударение на «а».

– Да как же он выволок на берег этого слона? – всплеснула руками Ирина. – Его ж только бульдозером вытаскивать!

– Вот то-то и оно, смог! Один, без помощников! Даже крылом указал – в сторону, мол, прочь! Управляюсь сам! – Калле выпил пива. – Управился! Я думаю, он и с акулой управится. Да его вроде уже и на Багамы позвали, ловить акул. Так вот. Вся Франция узнала о рекорде уже через сорок минут. Говорят же, что скорость звука о мировых рекордах выше обычной в сто раз. Все как с ума сошли. Пресса, телевидение, звезды и деятели кинематографа – Жан Габен, Луи де Фюнес, Анни Жирардо...

– Да они уже все давно в бозе, – заметил Григорий.

– Самое надежное место! Короче, толпа приветствовала Юстаса. На руках пронесла его до Эйфелевой башни. Юстас взгромоздился на самый верх и проорал оттуда Марсельезу! Не все куплеты, понятно, но очень громко. Что тут началось! Из вертолета снимали хронику. На Марсовом поле собрались фотографы, скульпторы, художники, производители шоколада, поэты-песенники! Все спешили запечатлеть облик настоящего, а не легендарного галльского петуха, чтобы потом отлить монеты, медали, шоколадки, написать картины, стихи, вылепить скульптуры и барельефы! Уже к вечеру сам собой сочинился шлягер, который две недели звучал на улицах, телеканалах и концертных площадках французской столицы:

*Любой петух – хоть минский, финский,
Хоть австралийский, аргентинский,
Петух уральский, португальский —
На самом деле – петух галльский!
Улов твой, наш петух Юстас
Крупнейший в мире! Ты наш ас!*

Третья повесть

Нет худа без добра

Жизнь – суровое испытание, а труднее всего первые сто лет.

*Уилсон Мизнер, американский драматург,
XX в.*

Глава 1. Переезд

Утром, проглотив вместо завтрака две таблетки и запив их водой из крана, Кольгрима дала Мишелю задание перебрать шкафы и полки на кухне, а также пересмотреть содержимое холодильника.

– Безобразие! – слегка пошумела она. – Как что не возьмешь, просрочено! Всё проверь и выкинь. Составь список, что выбросил и что надо купить. Вернусь вечером, проверю.

Появилась Кольгрима поздно. Усталая, но довольная. Проверять ничего не стала, а собрала на кухне Стикса, Ахеронта, Мишеля, Сержа и порадовала их шоколадным бисквитом на сливочно-кофейном креме. Сама сварила кофе и разлила его по чашкам. Судя по всему, расположение духа у хозяйки было прекрасное. В отличие от настроения ее подданных, не успевших за сутки прийти в себя после треволнений. Волшебница то и дело сыпала шутками. Разрезав торт на шесть частей, поинтересовалась:

– Ничего, что только шесть кусков? Заметьте, шесть кусков осилить в два раза легче, чем двенадцать!

Разложив куски по тарелкам, задумалась.

– А шестой для кого? Разыграем. Или сразу Ахероше отдать? Потом возьмешь. Торт называется, знаете как? «Мечта». Пальчики оближешь! Любимый мой торт! – Кольгрима полюбовалась своим куском: – Какой дизайн! Истинно, большому куску рот радуется! Ну, поехали.

Когда ложечками выскребли последние крошки торта с тарелок, хозяйка оглядела всех:

– Что грустим, ребята! Ахероша, ты кусок-то бери, не стесняйся! Я пригласила вас, господа, с тем чтобы сообщить вам преприятное известие: мы едем в Россию! И не в глушь, а в северную столицу, Санкт-Петербург. Будем жить, что называется, в самом центре города – в Петропавловской крепости. Нет-нет, не в казематах. Ну что вы? Да там давно уж и нет никакой тюрьмы. Там под казематами много мест, выстроенных еще для Петра, о которых сейчас никто не знает. Там и разместимся с комфортом. Всю жизнь мечтала жить в таком спокойном, замечьте, царском месте!

– Да куда ж спокойнее, чем тут, госпожа! – возразил Мишель. Ему не хотелось далеко перебираться от родной берлоги. Мало ли как сложится жизнь. Потом через границу топать домой!

– Положим, тебе, Мишель, всё равно, где готовить еду, здесь или в Питере. Не забыл, тебе через год на Лазурный берег ехать, в Марсель или Ниццу? Вот покормишь нас, потом полгода покашеваришь в Строгановском дворце, там неплохой ресторан «Русский ампир»...

– А российская виза? – спросил Ахеронт.

– Зачем она? – удивилась волшебница. – Не хватало нам визы! Не волнуйся по пустякам. Не знаю, как вас, а меня тянет на родину. Хотя у вас всех родина здесь. Здоровьишко стало ни к черту. – Кольгрима хозяйским глазом оглядела слуг, задержав взгляд на своем преемнике Стиксе. – Я в городе на Неве много лет провела. И когда он Санкт-Петербургом был, и Петроградом, и Ленинградом. Хочу снова в Санкт-Петербурге пожить. Видно, в детство выпадаю. – Кольгрима улыбнулась собственной шутке, но, похоже, ее оценил только Стикс. – Мы еще в прошлом году могли бы переехать туда, но была одна трудность: до Зимнего дворца отсюда тоннель есть, а вот от Зимнего к крепости нет, хотя там и километра не будет под Невой. Надо наверх подниматься, а сие для нас неприемлемо. Но я вспомнила одну из легенд моей юности, тогда много говорили о всяких дворцовых привидениях, тайных ходах между дворцами. Поговаривали, что был тайный ход и от Зимнего к Петропавловке, будто бы кто-то ходил по нему и встретил то ли Екатерину Великую, то ли Петра Великого. Этот тоннель потом сто лет искали, но не обнаружили. Не там искали. А мои гномы нашли! Он завален был, но они подчистили, обустроили, привели в цивилильный вид. Вот сегодня сдали его мне в эксплуатацию.

– А зачем искали тоннель, если есть метро? – сказал Ахеронт.

– Метро? Там люди. И на Заячий остров метро нет. В таинственном месте станем жить! Не боитесь? Таинственном, с точки зрения людей. Для меня-то уже давно ничего таинственного нет. Впрочем, говорят, в крепости спрятан Священный Грааль. Кто только не искал его! Не слышал, Стикс?

– Читал. Охотно верю. Он только в этом месте и может быть.

– Да? Интересно! – Кольгрима обеспокоенно поглядела на

программиста. Уж очень он независимо стал мыслить! Колдунья тут же развернула тему на сто восемьдесят градусов. – Трудно с бесами стало. С тех пор, как Алеша Попович победил Вельзевула, а Илья Муромец несколько раз гонял их дубиной, не хотят на Русь идти. А как солдат их в мешок загнал и отутюжил там гирями, и Балда собрал с них оброк, и вовсе зареклись туда соваться. Ни за какие коврижки не уговоришь поработать в России хотя бы два-три месяца. Посмотришь на иного: бес бесом, и взять с него нечего, а фанаберии! Не хочет быть мигрантом, и всё тут! Максимум, на что соглашается, скривив рот – на неделю-другую, вахтовым методом. Одно беспокойство: переправляй их туда-обратно, устраивай, объясняй!

– Зачем тебе бесы сдались? – спросил Стикс.

– Ты, что ли, станешь расчищать завалы и искать затерянные ходы?

– У меня свои дела.

– А у меня свои! – отрезала колдунья. Вечно кто-нибудь испортит настроение! – Всё, попили, попели, разошлись! Готовьтесь к переезду. Мебель, белье, одежду, компьютеры, продукты, холодильник и прочее, всё берем с собой. В крепость поверху это не доставить. Придется по тоннелю пересылать.

Увидев, что после этих слов работнички приуныли, Кольгрима смилостивилась и достала бутылку шампанского.

– Посидим еще, – сказала она. – Ахероша, открой! Поболтай, чтоб стрельнуло.

Колдунья проследила за пробкой, взлетевшей под потолок, не дав ей упасть на пол – это была ее любимая забава, как у иных людей щелкать мухобойкой мух. Когда выпили за скорый переезд, стала рассказывать о том, что рядом с крепостью расположен зоопарк, в котором беззаботно живут дальние родственники всех присутствующих, кроме Ахероши. И что когда-то на месте этого зоопарка были чертоги самого Кощея Бессмертного. Вовсе не на юге или севере, и не в стеклянном дворце, а в самом обычном, дубовом.

– Почему его Бессмертным звали, если он помер? – неожиданно заинтересовался до того молчавший Серж. Он два дня назад в планшете нашел сказку о Василисе Прекрасной и с удовольствием прочитал ее.

– Вопрос не мальчика, но мужа! – похвалила хозяйка. – Растешь, Серж! Потому и помер, Серенький мой, что простой смертный был, как все мы, – она вздохнула, – простой смертный бес. Журналисты всё переврали.

Затем волшебница поведала о том, что поначалу собиралась переехать в Москву, на Большую Сухаревскую площадь, на которой располагалась знаменитая Сухарева башня, в которой трудился ее дальний предок, колдун Яков Брюс. Под той башней осталось много тайных ходов и помещений. Но потом передумала, так как в Москве шумно даже под землей, и экология не та. Помолчав немного, Кольгрима вернулась к прежней теме и продолжила свой рассказ о том, что Петропавловская крепость является прекрасным местом не только для отдохновения, но и для творческих озарений. Недаром в ней сидели такие гиганты мысли, как царевич Алексей, сын Петра Первого, и княжна Тараканова – тут, правда, Кольгрима поправилась, что они были не гигантами мысли, а просто знатными узниками. Такие гиганты мысли, перечислила Кольгрима, как Радищев, Чернышевский, Достоевский, Кропоткин, Бакунин, Максим Горький, Кибальчич...

– Кто только в ней не сидел! – несколько раз воскликнула знаток истории Северной Пальмиры. – Хорошо, нас пронесло. Зато теперь там проживем. Хочу благодетельствовать питерцев. Не их одних, но начать хочу с них. Не знаю даже почему. Хочу упокоиться на Литераторских мостках, рядом с Белинским, Блоком и Гончаровым. И чтоб на памятнике выбито было: «Нашей великой благодетельнице». Проследишь, Стикс? – Благодетельница уронила из правого глаза слезу, а левым изучила задумчивого правопреемника.

Глава 2. Встреча в зоопарке

Перебраться на новое место Кольгриме помогли бесы. Ведьма заключила с ними договор, по которому те за несколько часов не только перенесли все ее вещи и технику, но и расставили по нужным местам. Бесы тут же потребовали немедленной (согласно договору) оплаты. Кольгрима без своего волшебного кресла была не в состоянии в тот же час рассчитаться с наемниками. Сославшись на проблемы со здоровьем, она попросила небольшой отсрочки. Черти, весьма искушенные во всякого рода обманах и прямых надувательствах, охотно согласились, но тут же включили «счетчик». Две недели задержки, испрошенные заказчицей на погашение долга, оборачивались ей двойной оплатой.

Обозвав нечистых юристов жуликами, Кольгрима достала письменный договор, заключенный с бесами, и произнесла над ними страшное заклятие, которое всегда лишало ее последних сил. За свою жизнь она всего лишь несколько раз изрекла подобные магические слова, когда никакие уловки не помогали, и когда надо было срочно отменить свои же подписи на документах или обещания, данные прибесно (то же самое, что в человеческом обществе гласно, прилюдно) в высоком подземном обществе. Вот и сейчас в обоих экземплярах договора в разделе «Дополнительные условия» сам собой появился еще один пункт, который гласил: «В случае, если Заказчик (то есть она, Кольгрима) не в состоянии уплатить немедленно означенную сумму, она выплачивает эту сумму через две недели с пеней 0,01 % в сутки, т. е. дополнительно 0,14 % от указанной суммы». Дав задание летучим мышам, которые по эстафете вызвали к Кольгриме нечистых юристов, Кольгрима позвала Стикса, объяснила ему ситуацию, не посвятив, правда, его в то, что она только что «вписала» дополнительный пункт:

– Представляешь, оборзели бесы в конец! Вместе четырнадцати сотых процента требуют сто процентов! Вот же черным по белому написано одна сотая процента от означенной суммы в день!

Стикс обратил внимание на бледный вид хозяйки.

– Нездоровится, госпожа?

– Столько волнений за последние дни! А тут еще эти бесы! Надо бы полежать, отдохнуть, но вот приходится заниматься черт знает

чем!

«Черт знает чем», – подумал Стикс.

Через полчаса пожаловали два нечистых юриста. Обе стороны уселись за стол, достали свои экземпляры договоров, сверили, после чего Кольгрима заявила, что выставление бесами такой грабительской пени незаконно, поскольку в договоре указана совсем другая величина, в семьсот четырнадцать раз меньшая.

– Не может быть! – слаженным дуэтом воскликнули нечистые юристы. С недоумением переглянувшись, они еще раз сверили оба экземпляра договора, не только с лицевой, но и с тыльной стороны, посмотрели зачем-то даже в ребра листов бумаги, а потом в какой-то хитрый с разными подсветками окуляр. Но подделки так и не обнаружили. В глубоких раздумьях и страстном желании разобраться в этой чертовщине, удалились. Пообещали прийти завтра к обеду вместе с начальником юридического отдела.

Но на завтра они не пришли. Нечистые криминалисты признали договор подлинным, и бесы были вынуждены согласиться на условия Кольгримы. Колдунье тут же стало лучше, и она на радостях впервые предоставила своим сотрудникам выходной день. Посоветовала погулять по городу, подышать свежим воздухом, так как предстоит долгая и напряженная работа под землей. «На пенсию отпущу по льготному списку, как шахтеров», – пообещала работодательница.

Кольгрима выдала каждому карту города, объяснив, что стоит посмотреть, а куда лучше не соваться, и порекомендовала ходить не группой, как на экскурсии (чтобы не привлекать лишнего внимания), а поодиночке или парами. Вернуться надо было к восьми вечера, до закрытия территории крепости. Кольгрима обеспечивала незаметный для глаз посторонних и охраны вход и выход из подземелья.

Серж и Мишель направились сразу же на ближайший – Сытнинский рынок, чтобы изучить ассортимент продуктов. Ахеронт и Стикс пожелали совершить прогулки индивидуально. Ахеронт направился пешком через Троицкий мост на Невский проспект, а Стикс решил далеко не уходить, а провести весь день в Александровском Парке и Ленинградском зоопарке, которые были рядом с крепостью.

Переходя по мосту узкий Кронверкский пролив и огибая зоопарк по Кронверкской набережной и Кронверкскому проспекту, Стикс

почувствовал волнение. Запах большого скопления диких животных невольно погнал сильнее кровь. Ноги тоже зашагали быстрее. К кассам он и вовсе подбежал.

У входа посетитель зашел на детскую площадку, покормил бесцеремонных козочек с растянутыми от постоянного обжорства животами – капустой и морковкой, которую тут же шинковали и продавали в пластмассовых стаканчиках. Постоял возле бассейна, в котором под наблюдением ленивой медведицы плескался белый медвежонок. Побывал в павильонах с обезьянами, рыбками, пресмыкающимися, но они оставили его безучастным. Стикс не мог сосредоточиться на какой-нибудь мысли, будто все они разлетелись, как вспугнутые голуби с площади. Очнулся, когда лебедь вдруг спросил его:

– Правда, я красивый?

– Очень! – улыбнувшись, ответил он. Лебедь в восторге привстал над водой, вытянул шею и мощно замахал крыльями.

Когда Стикс оказался возле очередной клетки, он почувствовал, что тут живут дикие свиньи. Так и есть. Мамаша с поросятами.

– Что уставился? – недружелюбно спросила свинья. – Кабаниху не видел?

Стикс ничего не ответил. Но что-то в ее вопросе услышал знакомое. «А! В школе проходили образ Кабанихи...» Свинья принялась.

– Постой, не из наших ли будешь?

– Из ваших, – буркнул Стикс. – К несчастью, очеловечился.

И в это время он почувствовал, что кто-то смотрит ему в спину. Послышался детский голос:

– Это он, Маша, я же вижу. Дядя Стикс!

Стикс вздрогнул. Никто еще так не обращался к нему. Обернулся. Девчушка смотрела на него снизу вверх. Вроде как знакомая. Где он видел ее?

– Здравствуйте, – сказала девочка, – это я, Даша. А вон Маша. И наш папа.

Стикс понял, что рад видеть девочек. Почувствовал, что

улыбается им. Так люди чувствуют на своем лице солнечное тепло.

Подошел Петр. Поздоровались.

– Давно приехали? – спросил Петр.

– Нет. В командировке, – неопределенно ответил Стикс. Он не знал, что сказать, и нужно ли знать отцу о том, что похитительница его девочек находится тоже здесь, в Петербурге. – Я на пару дней всего.

– А мы вот выбрались, наконец, в зоопарк. Добросовестно всё обошли. Сейчас домой идем. Живем вон там, – Петр махнул рукой в сторону Кронверкского проспекта. – Тут недалеко. Может, зайдем к нам, чайку попьем?

– Попьем! Попьем! – запрыгали девочки. – Только сначала покатаемся на лошадке! Ты обещал.

Стикс хотел попрощаться с кабанихой. Оглянулся, но клетки не увидел.

Вышли из зоопарка. Маша села на белую лошадку, Даша на гнедого пони. Сделали круг, поменялись местами. Сделали еще один круг. Потом перешли проспект и направились к Петру.

Стикс провел у Сомовых три часа. Пообедал, сразился с Дашей в шахматы. Маша сыграла на пианино несколько этюдов. Умиротворенный, он возвращался к себе. Петр и Ирина, а еще пуще сестренки приглашали молодого человека заходить к ним в любое время, как только он окажется в Питере.

Стикс, чуть ли не со слезами на глазах, распрощался с гостеприимными хозяевами.

«Надо же, как расчувствовался я сегодня!» – всю дорогу думал он.

Глава 3. А где Григорий?

«А что не видно было кота? Кота Баюна, кота-баяна Григория? – подумал Стикс. – Дрых, наверное... За три часа не проснулся ни разу? Странно». Эта мысль почему-то преследовала его всю дорогу до крепости. Чутье подсказывало, что кот где-то рядом. Стикс спиной чувствовал его взгляд! Он даже оглянулся пару раз, но за ним никто не шел. Возле крепостной стены народу было мало. Программист достал из кармана мобильный телефон. Улучив момент, нажал на иконку с портретом Кольгримы. Две девушки, обратившие на мосту внимание на молодого человека, с удивлением увидели, как он вдруг исчез, словно его и не было!

Ахероша и повара уже вернулись и разошлись по своим комнатам. Кольгрима встретила Стикса на кухне.

– Ужинать будешь?

– Спасибо, я сыт.

– Как девочки?

Стикс сообразил, что чуда в вопросе хозяйки нет, также как и ее особой проницательности. Просто надо в другой раз выключать мобильник!

– Радуются. А что?

– Ничего. Не думай ничего. Это мы проехали. Меня они не интересуют. Да и там-то нужны были как приманка при ловле рыбы. А тут мне ловить некого...

Стикс невольно подумал: «И нечего». Ему понравилось, что он так подумал, а волшебница, словно почуяв для себя нечто нехорошее, с беспокойством глянула на слугу. Но ничего подозрительного в его облике не нашла.

– ...Да тут и нет никого, – продолжила она, – к кому у меня остались вопросы. Так что за своих девочек не переживай. Можешь даже навещать их, я теперь каждую неделю буду давать вам один выходной. А случайные встречи – они неизбежны. Из них состоит вся наша жизнь. Из случайных встреч и неслучайных расставаний. Хочу дать тебе дружеский совет. Не привязывайся к ним. И их не привязывай к себе. Не то получишь одно лишь беспокойство. Вообще

лучше забудь их. Если сможешь. У тебя грандиозные планы. Завтра с утра начинается первая трудовая неделя на новом месте. А это место, уж поверь мне, особое! Жду трудовых подвигов! Выполнишь к осени, получишь в университете место. Поверь мне. Я не собираюсь тебя обманывать. А сейчас ступай спать. Поздно уже. Да и мне надо хорошенько выспаться. Бесы вымотали в конец.

За вечерним чаем Сомовы вспомнили Сюсьмя, Калле, Юстаса, два похищения, добрым словом помянули Так-така, Лоухи и Стикса. Прикинули, на какое число надо брать билеты до Лахти на поезд «Аллегро». В перечень дел, которые никак нельзя забыть перед поездкой, вписали, что для кота нужны справки.

– Кстати, а где он? – спросила Ирина. – Что-то давно его не слышно. Маша, посмотри в комнатах.

За вечерним чаепитием Григорий обычно сидел рядом с ними на стуле, слушал их разговор и смотрел телевизор с небольшим экраном, который висел на стене. Маша прошлась по квартире, заглянула в шкафы и под кровати.

– Нет нигде!

– Он не выскочил за дверь? – забеспокоилась мать. – Петь, ты когда провожал Стикса, не оставил кота снаружи?

– Его не было, это я точно помню.

Вышли во двор, посмотрели в соседнем дворике, прошлись даже до мусорки. Кота нигде не было. Расстроенные, легли спать. Ирина ворочалась, а Петр чувствовал безысходную тоску, точно потерял самого верного друга. Сестры тоже долго не могли уснуть и перебирали всевозможные версии исчезновения Гриши.

Понедельник начался обычной будничной суетой, и всем до вечера было не до кота. Хотя перед школой девочки обшарили все закоулки квартиры, а Петр перед работой осмотрел не только свой двор, но и несколько соседних дворов. Кот пришел, когда все вернулись домой. Даша услышала, как он скребет в дверь.

– Ты где пропадал, Григорий? – спросил Петр. – Тебе не стыдно? Мы тут волнуемся, а он шляется где-то!

– Во-первых, я не шляюсь. И во-вторых, шляюсь не где-то, а где

надо! Пойдем в кабинет. Кое-что надо сказать.

– Страшная тайна? – хмыкнул Петр. – Пошли!

– Дверь прикрой! Об этом там не должны знать! – Григорий указал лапой на закрытую дверь.

Петр сел в кресло, посадил перед собой на стол кота. Тот поведал хозяину целую историю о том, как во время героического побега из логова Кольгримы Маша и Даша стащили у Кольгримы шапку-невидимку...

– Какую шапку-невидимку? – спросил Петр. – Гриша, что ты несешь?

– Несу то, что посильно, – ответил кот. – Нетерпеливый же ты. Как Маклеод. Как он там, старина?

После столь язвительной, но обычной для него реплики, кот продолжил рассказ о том, как долго сестры обсуждали потом, что делать с этой шапкой, сказать ли родителям или передать в Эрмитаж, но так ничего и не решили. Положили ее в старый ранец, а ранец засунули в шкаф.

– Поскольку я всегда в курсе происходящего в доме и люблю во всем ставить точки над «і», то не мог допустить этого непорядка. К тому же я не знал еще, что это шапка-невидимка.

– А как узнал? Дочки сказали?

– Нет, они свой секрет держали в тайне. Когда никого не было дома, я вытащил ранец из шкафа, достал шапку и ради смеха надел ее на себя. Подошел к зеркалу. А в зеркале никого нет! Я и так вставал к зеркалу, и эдак, задом, и боком – нет никого, ни меня, ни шапки! Запарился даже, снял шапку – и увидел себя! И шапку рядом со мной! Тогда и понял, что это за шапка. Причем она вдвойне волшебная...

– У-у, – протянул Петр. – вдвойне...

– Не смейся! Вдвойне. Она меняет свой размер в зависимости от головы, на которую ее надеваешь. Она и Даше будет впору, и тебе, и мне!

– Любишь сказки заливать, Дарий! Лишь бы не ответить прямо – ты где пропадал?

– К тому и веду, хозяин. Я ж говорил, и уже не раз: нетерпелив

ты, как Маклеод! Как он там, наш старенький барон? Когда вчера вы вернулись из зоопарка со Стиксом, я надел шапку и решил послушать...

– Послушать! Говори уж: подслушать! Лицемер! Не сокращай слова даже на одну букву. От этого они теряют первоначальный смысл.

– Хорошо. Правда твоя. Подслушать. А когда парень попрощался, я решил проследить, куда он пойдет. Так, на всякий случай. Знаешь, куда он пошел?

– Откуда ж я знаю?

– Вот! – Кот торжествующе поглядел на Петра. – Вот! Он пошел к Петропавловской крепости!

– Ну и что? Пошел и пошел. Мы его неподалеку от нее и встретили.

– Э-э, не просто к крепости. А в саму крепость! Более того, ниже крепости, под землю!

– Расскажи-расскажи! – заинтересовался Петр.

– Я держался к нему вплотную, чтобы никто на меня не наступил, я ж невидим был. Как тот, в фильме «Человек-невидимка». И вот, когда Стикс подошел к крепостной стене, он вдруг остановился – а до этого несколько раз оглядывался – я наткнулся на него... – Кот замолчал.

– И что?

– Тебе не кажется, Петр, что ты давно не давал мне оливок?

– Дам! Обещаю. И что?

– ...И в этот момент мы с ним провалились под землю! Я не знаю, как описать это человеческими словами. Кошачьими – всё понятно, слегка телепортировались вниз. И оказались в подземелье, где обретается, знаешь кто? Вовек не догадаешься! Обретается сама Кольгрима! Тс-с! Оказывается, она перебралась туда со всем своим штатом. Зачем, не знаю. Наверное, какие-то дела. Потому что зачем переезжать из такого благодатного места как Сюсьмя в город, да еще под землю? Вы, люди, все какие-то ненормальные! Как крысы! Прячетесь, мышкуете, кусаете друг друга! Я послушал... Подслушал, о чем ведьма говорила со Стиксом. В том числе, и о тебе, и о Маше с

Дашей. Она сказала, что ты и твои дочери ее совсем не интересуете. Как только я услышал это, сразу же успокоился и решил вернуться домой. Не тут-то было! Как попасть наверх? Ни коридора, ни лаза, ни лифта, ни дверей – ничего нет! Кольгрима переправляет всех вверх-вниз, но как, не понял. Пришлось остаться на ночевку. С утра никто наверх не пошел. Только после обеда хозяйка решила пройтись по магазинам, я прижался к ее ноге в тот момент, когда она телепортировалась, и оказался возле крепостной стены.

– А как ты угадал момент?

– Чутье, хозяин! Опыт и мудрость!

– Шапку-то покажи, опыт и мудрость!

– Она под диваном в прихожей.

Петр принес шапку, надел ее и подошел к зеркалу. Остаток вечера он потратил на то, что то и дело снимал шапку с себя и снова надевал. Григорий смотрел на хозяина и вспоминал, как во дворе увидел сегодня крысу. Та прогуливалась около стены, туда-сюда, туда-сюда. Он долго смотрел на нее, потом тихонько подкрался к ней сзади и царапнул по спине коготком. От неожиданности крыса подскочила, зашипела, обернулась, испуская из глаз красные лучи испуга и злости, но никого не увидела. Оказывается, даже крысы не видят того, кто в шапке-невидимке! Григорий ласково шепнул хвостатой красавице: «Я тут, дорогуша!» На что та подскочила еще раз, чуть ли не до второго этажа. Григорий приобнял крысу, успокоил, что не станет причинять ей зла, а лишь попросил в качестве взаимной услуги (ведь он ничего дурного ей не сделал!) послужить ему, когда потребуется, проводником по подземельям Петропавловки. Крыса пообещала.

Глава 4. Крысиная королева Альфа Премудрая

Несколько дней Григорий сидел на подоконнике и высматривал крысу. Она как по расписанию в одно и то же время совершала моцион вдоль стены. Крыса совсем не боялась людей, и те не обращали на нее внимания, может быть потому, что когда они глядели в ее сторону, она замирала и становилась похожа на тряпку или камень. Григорий не мог понять двух вещей. Почему у «дорогуши» отсутствовало обоняние, развитое у крыс лучше, чем у кошек? Ведь его она не учуяла! Как же тогда она ориентируется во дворе? Видимо, что-то помогает ей, но что? Может, обострилось зрение, очень слабое у представителей этого хвостатого племени? Не пугали крысу и три полосатые кошки, жившие в подвале соседнего подъезда. Может, у нее с ними был договор о невмешательстве? Кошек подкармливали несколько человек, что, похоже, напрочь лишило их охотничьего инстинкта.

Чтобы лучше узнать планы Кольгримы, Петр и Григорий наметили день, когда состоится «ссылка в крепость». Петр предлагал назвать эту акцию «командировкой», но кот настоял на «ссылке», как на героическом варианте.

Настало время «Ч». Кот спрыгнул с подоконника.

– Пришла!

Петр выдал Григорию шапку-невидимку и проводил его во двор.

– Говори, где ты, а то дверь придавит! – шептал он.

– Я тут, у твоих ног, – шептал кот в ответ.

В этот момент в подъезд заходила старушка с первого этажа. Она раздраженно бросила: «Ни на минуту не могут оторваться от своих мобильных!», на что в ответ услышала душераздирающее «мяу» – это она наступила Григорию на лапу.

Кот подул на лапу, засыпал бабку запоздалыми попреками и отослал хозяина домой. Посидев возле парадной двери, он дождался конца моциона, неслышно подкрался к крысе и царапнул коготком по спине. Та подпрыгнула и зашипела, но Григорий успокоил ее:

– Дорогуша, это я. Уговор помнишь?

– Помню, – сказала крыса.

– Веди в подземелье Петропавловки.

– Пойдемте в угловой подвал.

– Там проход большой? Ты-то, я знаю, вчетверо можешь сжаться, а я только вдвое. Смотри, я немаленький, еще застряну.

– А куда мне смотреть? Вы для меня никакого размера, тоньше волоска на моем хвосте. Вот только откуда голос и коготь берутся, не пойму. Хотя слышу сипловатое дыхание, какое бывает у пожилых котов.

– Ну, скажем, я еще кот о-го-го!

– Так вы кот? И вас звать Огого?

– Я Дарий-Григорий Второй, персидскоподданный. Да, кот, натуральный блондин рыжего окраса. А вас, сударыня, как изволите величать?

– Я Наше Величество, владычица Озерного края Альфа Премудрая.

– О, мадам, вы тоже царских кровей?! Кто б мог подумать, вы так просты в общении! Простите, а супруг ваш...

– Аксель Тринадцатый, – вздохнула Альфа Премудрая. – Он в заточении у злой колдуньи. Несчастный!

– Да, несчастливый номер, – подтвердил Григорий. – Искренне сочувствую вам. Простите за бесцеремонность, которую я позволил себе в прошлый раз и только что!

– Прощаю! Я признательна вам за сочувствие!

– Простите, а ваш супруг трехголовый?

– С чего вы взяли это?! – содрогнулась крыса. – Ужас какой!

– Ну как же, в балете «Щелкунчик» он о трех головах, точь-в-точь Змей Горыныч из другого известного мультфильма.

– Я не знаю, что это – балет, мультфильм. Вот ежегодный бал у короля эльфов, на который приглашают всех венценосцев Подземелья с членами их семей, знаю.

– Это должно быть торжественное мероприятие! Мадам, простите мою неделикатность, но с детства распирает любопытство.

У вас изволил пропасть нюх? Отчего же? Сам собой или происки врагов?

– Спустимся в подвал, и я вам расскажу.

– Мадам, откуда знаете эту дорогу, коль вы из Озерного края? Если не ошибаюсь, это в Финляндии?

– Да, там. И об этом расскажу.

Когда они спустились в подвал и пошли достаточно широким тоннелем к крепости, Альфа Премудрая рассказала Григорию свою историю.

– Итак, обо всём по порядку, дабы удовлетворить ваше любопытство, сэр! Я и мой супруг родом из Финляндии. Многие поколения крыс безбедно и счастливо жили на берегу большого озера, пока в наши края не переехала злая волшебница. Гномы обустроили ей жилище. До поры до времени мы жили мирно рядом друг с другом. Но вот волшебнице понадобилась почтовая служба, и она решила привлечь к ней нас и летучих мышей. Летучие мыши чем-то ее не устроили, хотя она и заключила с ними договор, а вот мой супруг договор заключать не хотел, поскольку колдунья требовала от него неукоснительного исполнения всех ее приказаний. Подобного диктата по отношению к нашему монарху никто не позволял себе в истории крысиного государства! Вскоре состоялся ежегодный бал у короля эльфов, на котором колдунья словно бы ненароком коснулась меня своим, как оказалось, волшебным посохом. Я сначала ничего не заметила, тем более мы были подогреты шампанским. Но потом поняла, что лишилась обоняния. Для крысы это катастрофа, особенно для крысиной королевы! Супруг тут же направил к ведьме флигель-адъютанта с ультиматумом, на что та выказала желание встретиться с Акселем Тринадцатым на нейтральной территории в ресторане «Эльфийский тракт». С посыльным она передала официальное приглашение и фотографию золотого дворца, который собралась подарить моему супругу в знак примирения. Аксель тоже с богатыми дарами отправился на randevu. Обменялись любезностями и подарками. Супруг зашел во дворец, чтобы осмотреть его. И оказался в ловушке! Гномы тут же погрузили золотой дворец на свою тележку и отвезли в покои к ведьме. Золотую клетку она теперь постоянно возит с собой. Недавно перебралась сюда. Поэтому и я оказалась тут. Когда я написала ей письмо и потребовала немедленно освободить супруга, она с издевкой ответила, что посмотрит, насколько

прилежно станут крысы исполнять почтовую службу, а через год она подумает, отпустить ей крысиного короля или задержать еще немного у себя. А меня – представляете! – она назначила управляющей почтовой службой!

Григорий не стал скрывать от Альфы Премудрой, что он знает Кольгриму, и что у него к ней тоже есть претензии. Чтобы развеять тягостные раздумья крысиной королевы, Григорий поведал ей о событиях земного мира, в частности, о своем лучшем друге – дважды чемпионе мира, боевом петухе рыцаре Юстасе. На днях Юстас вернулся из Франции, где был почетным членом жюри конкурса красоты, проводимым сообществом лягушатников. Титул «Мисс Вселенная» получила Царевна Лягушка. Ей выдали сертификат на приличную сумму, бриллиантовую корону и сняли несколько рекламных роликов для телеканала France Televisions. В еженедельнике Paris Match (Пари Матч) было опубликовано интервью красавицы. На все вопросы – кто она, откуда, сколько ей лет и тому подобное – королева отвечала односложно: «Ква-ква». На последний вопрос интервьюера – как она относится к намерению парламента Франции ввести запрет на национальный деликатес «Лягушачьи лапки», Царевна ответила, что это ущемляет права лягушек. После этого королева красоты много и охотно говорила о том, что лягушки вправе сами выбирать, выставлять им свои лапки, а вернее бедрышки на продажу или нет, и по какой цене.

Глава 5. А была ли кабаниха?

В середине пути Альфа Премудрая показала Григорию свои апартаменты. А он попросил ее сказать своим гвардейцам, чтобы те не набросились на него, когда он вздумает приблизиться к ее покоям.

– Кто набросится?

– Гвардейцы. Разве за нами не следуют четыре ваших охранника?

– Если точнее, пять.

– Пять? Да, вон там за выступом двое, а не один.

– А говорят, у котов обоняние простенькое.

– У подъездных котов – простенькое, а у августейших особ – царское обоняние! Пардон, мадам, я не провожу параллелей!

– Поворот. Мы пришли, – остановилась Альфа Премудрая. – Над нами крепость. Дальше тоннель к Зимнему дворцу. Вон там, в выемке дыра в кирпичной кладке. Мои крысы прогрызли. Она ведет в шкаф Кольгримы...

– Жаль, не знал, – сказал Григорий. – Проторчал тут как-то сутки.

– Вы не нашли бы этот ход. Он под нижней полкой. Чтобы попасть в шкаф снаружи, из спальни колдуньи, надо в нижней полке третью планку слева отодвинуть. Отсюда, соответственно, третью справа. Удачи вам, а я вернусь к себе, – сказала крыса.

– Благодарю вас, ваше величество! Узнаю детали, которые помогут освободить вашего супруга и вернуть вам обоняние, тут же сообщу.

Крысиная королева направилась к себе, а кот отодвинул планку и вылез на полку шкафа. Планку вернул на место и приотворил дверцу. Та слегка скрипнула. И тут же захлопнулась.

– Мишель! – послышался голос Кольгримы. – Ты когда мне дверь шкафа починишь? Подбей, чтоб не открывалась! Спать не дает! Да поскорей! Я пока кофе попью.

Григорий выскочил на пол и пошел на кухню. Кольгрима

отослала Сержа помогать Мишелю.

– Стикс! Ахероша! Идите сюда! Вам что приготовить?

– Капучино с шоколадом! – крикнул Ахеронт.

– Экспрессо! – отозвался Стикс.

Программисты уселись за стол. Хозяйка подала кофе. С видимым удовольствием выпила чашечку капучино и даже демократически утерла рот тыльной стороной ладони:

– Хорош! Ну, что, ребята, на этой неделе надо с этапом закругляться.

– Свою часть я сделал, – сказал Ахеронт, – осталось малость.

– Хорошо, – похвалила Кольгрима. – Молодец!

– Только что закончил, – отчитался Стикс. – Завтра можно приступать к заключительному этапу.

– Ты гений! – прозвучало достаточно искренне из уст хозяйки, не склонной к излишним сантиментам. – Я думала, ты справишься к осени, ко Дню всех святых, а ты, смотри, как ракета! Так мы и летом успеем всё сделать!

– Успеем. До осени нельзя тянуть, с сентября учебный год в университете.

– Разумеется, разумеется! Ну, до сентября еще есть время. Через месяц закончим, проведем предварительные испытания, потом наведемся в Сюсьмя, отдохнем недельку-другую на природе, ягоду пособираем, рыбку половим. Как, Стикс, не соскучился по сбору ягод? Шучу. В августе вернемся сюда. На программу есть богатенький буратино, готовый заплатить за нее очень приличные деньги. Хватит по гроб жизни. Я лично покупаю санаторий в Швейцарии, на Женевском озере. Переговоры уже провела. Найму дуремаров, внедрю методику омолаживания и восстановления организма. Слышали – «Cellvital» называется? Методология основана на клеточной терапии. Чем старше население, тем больше хочет омолодиться. Дурней с каждым годом прибывает. А вы с сентября начнете преподавать в питерском университете! Пока суть да дело, Ахероша, ступай, добивай свою часть. А ты, Стикс, если всё сделал, отдохни. Возьми деньги, сколько надо, планшет. Мобильник не забудь. Ступай в свой парк. Можешь к девочкам заглянуть. Они уже

со школы пришли. Пошли, переправлю тебя.

В Александровском Парке скамейка, на которой Стикс любил сидеть, была свободна. Он пришел сюда уже в четвертый раз. Когда наступал выходной день – не обязательно воскресенье, хозяйка, как сегодня, по разным причинам меняла выходные дни – Стикс не знал, куда себя деть. Ему хотелось одновременно пойти в зоопарк, к Сомовым и в Александровский Парк. О других местах он даже не думал. Эта неопределенность заканчивалась каждый раз тем, что он усаживался на скамейку. Вот и сегодня он несколько раз вставал и неспешно прогуливался по дорожкам от Балтийского дома к метро и обратно. Заглянул в книжный магазин и кинотеатр. Ни одна книга и ни один фильм его не соблазнили. Сделал крюк вокруг университета Правосудия и посетил Музей артиллерии.

На площадке перед входом в музей восемь пушек были направлены на крепость и еще четыре развернуты в стороны от нее, Стикс подумал о том, что заряди их Кольгрима самыми разрывными и бронебойными снарядами, и тогда не собьет летящего трехметрового золотого ангела со шпилья крепости!

Сотни различных пушек и артиллерийских установок, в которых была воплощена всего одна идея, озадачили его: странно, что люди столько времени убили на эти громоздкие и малоэффективные сооружения. «Как всё нелепо! – думал программист. – Нелепа идея. Нелепа конструкция. Нелепа стрельба. Трижды нелепо! Артиллерия всего мира бессильна против моей программы!»

Глядя на пушки, из жерл которых вылетали ядра, картечь, снаряды, мины, программист чувствовал гордость, оттого что создал самое совершенное оружие в мире, до которого еще не додумались даже создатели компьютерных игр стрелялок. Стикс готов был осознать, но еще не осознавал тот факт, что запусти он в мир свою программу посреди любой недели, скажем в среду, и мир уже вряд ли когда подойдет к своему воскресению.

После пушечного плацдарма Стикса безотчетно потянуло в зоопарк. Он сразу же направился в дальний от входа конец к клетке диких свиней. Ему почему-то захотелось пообщаться с родичами. Клетки он не обнаружил. Несколько раз прошел вдоль изгороди зоопарка, приглядываясь к клеткам и вольерам, но клетки, где была кабаниха с поросятами, не нашел. Не было даже таблички. Лишь на том месте, где должна была быть клетка свиней, висел рисунок, на

котором был изображен равнинный тапир. Разочарованный, посетитель покинул зоопарк и на входе спросил у контролера, а где дикие свиньи.

– Кабаны? – переспросила та. – А их нет.

– Они же были месяц назад в дальнем углу.

– Да нет, не было их там никогда!

– Там, видимо, сейчас тапир?

– Тапир был, но он умер в позапрошлом году.

Разочарование и вовсе сменилось унынием. «Неужели мне всё это показалось? Но с чего это?» Стикс сел на скамейку и тупо смотрел, как с надувной горки катается малышня. Эти до упора простые действия юных созданий – карабкаться вверх, а потом катиться вниз – точь-в-точь были действиями их отцов, дедов и прадедов – делай, что возможно и доступно, и ни о чем больше не думай! Делай столько раз, сколько получится! И лучше поскорее, пока не закончилось твое время!

Белая лошадь и гнедой пони, поматывая в такт хода головой, привычно катали ребятишек. Видно было, что лошадам нравится облако радости, которое сопровождало всех детей. Стикс поднялся со скамейки и пошел к Сомовым.

Григорий успел вернуться до Стикса, увидел программиста и, сняв шапку, попросил впустить его в подъезд.

Гостю обрадовались, тут же организовали чай с ватрушками и пирожками с черникой.

– Столько черники набрали в том году, что никак не съедим! – сказала Ирина.

– Этот год тоже будет черничный.

– Прочитали прогноз?

– Прогноз? Нет, просто я сам знаю.

Григорий шепнул Петру:

– Иди в кабинет. На минутку!

В кабинете Григорий отдал шапку-невидимку Петру. Тот тут же надел ее и сел напротив зеркала, пытаясь разглядеть в нем

невидимого себя. Кот стал рассказывать о планах Кольгримы. Петр уточнял детали. Тут открылась дверь и вошла Ирина.

– Петь, пошли пить чай. Ой! А где же он? – Хозяйка посмотрела на кота. – Я же только что слышала его голос!

Григорий сладко зевнул и ответил:

– Показалось!

Ирина вышла из комнаты, позвала:

– Петр! Ты где?

Петр снял шапку и вышел из комнаты.

– Где-где? Где бывают джентльмены? Там же, где и дамы.

За чаем Стикс не мог избавиться от потрясения, вызванного исчезновением клетки диких свиней.

– Странно, что в зоопарке нет диких свиней, – сказал он и поглядел на Ирину, точно та могла пояснить, почему их там нет. – Вроде всегда были.

– Что, нет?

– Нет! И говорят, что и не было. А я их видел в прошлый раз...

– Это она, – сказал Григорий, – ваша Кольгрима. Когда вы пили чай на кухне, вокруг тебя и Ахеронта плавало облако. А вокруг нее не было ничего. Я думаю, это облако видно только невидимке, а просто так его не заметишь.

– Какому невидимке? – спросила Ирина, а девочки толкнули друг дружку локотками.

– Это фигурально, – сказал кот.

– И что это за облако? – спросил Стикс.

– А вроде того, что было в Добром краю, когда выплыли желто-зеленые облака. Это же ты их послал на нас? Ведь это была информация? Гипноз – тоже информация и может быть в виде облака.

«Вот оно что! – стукнуло Стиксу в голову. – Колдунья использует мои же разработки, только в микроскопической дозе – и для чего? Чтобы одурачить меня! Как же я не догадался об этом!»

– Дарий-Григорий! Ты уверен, что видел это облако?

– Абсолютно! Как свои восемнадцать когтей!

– Почему восемнадцать? – спросила Ирина.

– Потому что у кошек пять когтей на передней лапе и четыре на задней!

– Век живи, век учись, – вздохнула хозяйка.

«Если это облако, как оно оказалось вокруг меня в зоопарке?» – думал Стикс.

Тут кто-то позвонил Ирине.

«Какой же я балда! – подумал Стикс. – В телефоне программа! Моя же программа, которую я разработал год назад для гипноза ее противников. Ну и старушка! Она, оказывается, прекрасно разбирается в технических вопросах!»

Стикс вынул мобильник. Так и есть, вот она! Хотел было удалить программу, но вовремя одумался. Вдруг с ней связан и общий вызов Кольгримы. Тогда и в крепость не попадешь. «А может, и не стоит больше попадать туда? Нет, стоит всё узнать до конца. Всё равно не спрячешься от нее, найдет. У нее тьма шпионов».

Глава 6. Предательство

– Заходи! – зло бросила Кольгрима Стиксу. – Пройди ко мне! Я сейчас!

Программист запоздало спохватился, что у Сомовых забыл отключить мобильник, и Кольгрима наверняка всё слышала. В том числе и про гипнотическое облако! «И ладно! Не в первый раз! – успокаивал себя Стикс. – В конце концов, без меня задачу не решат!»

– Ну что? – Хозяйка плотно прикрыла за собой дверь. – Пообщался с девчонками? Гляжу, и кот у них шибко знающий. Прямо сказочный кот! Не взять ли его к нам, чтоб сказки на ночь говорил? Прости, воспользовалась твоей программой. Ахероша помог вставить ее в твой мобильник. Даже испытал ее в кафе. Набрал вкусоностей на три тысячи, а заплатил только сто пятьдесят рублей. То-то насмешил меня, обжора! Это ты правильно сделал, что не удалил программу.

Хозяйка из злой раздраженной карги превратилась чуть ли не в Золушку – доброжелательную, привлекательную девочку. Неужто опять гипнотическое облако? «Не поддавайся! – внушал себе Стикс. – В очередной раз хочет надуть. И что же она не говорит больше о наследстве? Не передумала ли?»

– Госпожа, – с трудом выговорил Стикс (так была парализована его воля), – а как мы оформим передачу мне твоего наследства?

Кольгрима с удивлением взглянула на программиста.

– Ну, ты и нахал, Стикс! Я, что, на одре лежу? Собралась, как это у вас, молодых, говорится – «ласты склеить»? Куда торопишься? Что так повлияло на тебя?

Стикс решил идти напролом.

– Видимо, твое гипнотическое облако было в мобильнике. И такое же сейчас. Я ведь в нем?

– Тебя не обманешь... Это хорошо. Значит, правильный сделала выбор, – сказала Кольгрима. – Еще разок испытала тебя. Вижу: кремень. Не поддаешься на уловки. Ну да ладно. Иди, работай.

Больше к этой теме они не возвращались. Программист

погрузился в работу и забыл обо всем на свете. Он вновь – под влиянием ли морака или самовнушения – оказался в плену своего тщеславия. Быстро промелькнул месяц, и Стикс завершил работу над программой, позволявшей воздействовать на атмосферный воздух так, что им нельзя было дышать! Программист был уверен, что именно это было главной целью колдуньи. Она ведь так и говорила: «Преврати воздух в не-воздух, и я тебя озолочу!»

Кольгрима радостно потеряла руки, подарила всем новые мобильные телефоны «Samsung» («Самсунг») последней модификации и в награду устроила коллективу праздничную экскурсию на катере с экскурсоводом и приглашенным от ресторана официантом по водным гладям северной столицы.

На следующий день хозяйка отправила Стикса, Мишеля и Сержа в Сюсьмя. Там у нее был еще один дом в поселке, где жили Аарно Какконен и эстонец Калле. Сама волшебница осталась на один день с Ахеронтом в Петербурге, чтобы утрясти какие-то дела.

– Ахероша заодно потащит мой чемодан, – сказала она. – Я тоже решила проехаться на поезде. Посмотрю в окошко на окрестности. А то всё под землей, да под землей!

Ахеронт вызвался ради прогулки проводить отъезжающих на Финляндский вокзал. Стикс обратил внимание, что приятель был крайне возбужден, но отнес это на счет предстоящего отдыха.

Когда пересекли границу и прошли пограничный и таможенный контроль, зажужжал телефон Стикса. Звонила Кольгрима:

– А где Ахероша?

– Как где? В Питере!

– Я понимаю, что в Питере. А в Питере – где? Он, паразит, не вернулся и, мало того, отключил свой мобильник!

– Может, с ним случилось что?

– Да жрет где-нибудь, – буркнул Мишель.

– Мишель говорит, что у него прорезался аппетит, опять перекусывает в кафе.

Телефон Кольгримы отключился, и больше она никого не тревожила. Видимо, нашелся Ахероша. Стикса он стал раздражать чем-то неуловимо скользким.

Двухэтажный дом в поселке был обставлен точно так же, как и предыдущие коттеджи. Кухня, спальни, компьютерный класс, сауна были полностью оборудованы и подключены к электрической и водопроводной сети. Едва успели оглядеться, нагрянула Кольгрима.

– А что одна? – спросил Стикс. – Ахеронт...

– Ахеронт задерживается, – сказала хозяйка, подозрительно огляделась и кивнула Стиксу, чтобы шел за ней в ее комнату.

– Сядь. Ахероша сбежал! – Она буквально впилась в программиста взглядом. – Знал?

– Если бы знал, сказал. Если бы знал, он не сбежал бы.

– Думаешь, он просто сбежал? Он сбежал с твоей программой! Чую, загнал ее по дешевке питерским бизнесменам. Хочет, наверное, купить кафешку и обжираться там!

– В Питере компьютеры отключены?

Кольгрима махнула рукой:

– А! Не до этого было!

Стикс зашел на компьютер Ахеронта и стал перелистывать его переписку. Странный адрес, с которым Ахеронт довольно интенсивно переписывался в последнее время и о котором Стикс ничего не знал, насторожил программиста. Порывшись в Интернете, Стикс убедился, что это один из серверов злейшего врага Кольгримы – мага Салема, чьи владения были в другом полушарии земли.

– Госпожа, – доложил он Кольгриме. – Скорее всего, Ахеронт продал продукт не питерским бизнесменам.

– Московским?

– Бери выше.

– Выше куда? Там не из моего ведомства.

– Магу Салему, как мне кажется. Хакеру не составило труда связаться с ними. Так что не кафешку, а островок, да еще не один купит наш Ахероша.

Кольгрима от неожиданности плюхнулась в кресло.

– Я чуяла! Я чуяла, что продаст! Хотя тебя подозревала больше!

– Ничем не могу помочь, – пожал плечами Стикс. – Видимо,

сказалось воспитание.

– Во всяком случае, не мое! – бросила Кольгрима. – Сколько времени потребуется тебе, чтобы восстановить программу?

– Неделю. В моем питерском сейфе есть диски-дубликаты. Да и я всё помню. Не переживай, госпожа. Восстановлю. Лишь бы они программу не запатентовали.

– Пусть патентуют! Это будет их последний патент! – в сердцах воскликнула Кольгрима. Заметив недоуменный взгляд программиста, поправилась: – Всё равно продадим эту программу мы. Да я уже продала ее. Уже и аванс на счете. Через неделю программу поменяем на оставшуюся сумму.

Неожиданно комп Ахеронта отключился. Стикс хотел войти в другие компьютеры, но и они обесточились. Исчезла и сеть.

– Похоже, Ахеронт вернулся и вышел из сети, – сказал он.

Кольгрима тут же позвонила Ахероше, но его мобильник был недоступен.

– Что будем делать? – спросила она саму себя. – Вернулся он или не вернулся, в принципе это ничего не меняет. В любом случае нам надо возвращаться. Но какой же он неблагодарный! Свинья свиньей! Это я не в прямом смысле, – бросила она Стиксу.

– Я понимаю. В переносном. Вообще-то я вепрь. И меня боятся не только люди, но и ведьмы.

Кольгрима хмыкнула:

– Напугал! Собирайся. Успеем на последний «Аллегро».

Глава 7. Ломай! Грызи!

У Григория весь день изобиловал приключениями. Перед работой Петр выдал ему шапку-невидимку, и они вышли из дома.

– Когда вернешься? – спросил хозяин в пустоту. Ему нравилось вести диалог с «Никем». Втайне он желал, чтобы кто-нибудь это увидел и удивился. Вполне объяснимое человеческое желание похвастать чем-то чужим, которое отчасти и твое! «Никто» ответил:

– Альфа Премудрая хочет проникнуть к Кольгриме. Я ей нужен, потому что невидим и могу подсказать, что делать. Она сама хочет посмотреть, где ее король, чтобы со своими ребятами освободить его из плена. Мы быстро. Посмотрим, и я тут же вернусь. Признаться, у меня нет особой охоты идти туда. Мрачное место!

В это время из дома вышла бранчливая старушка с первого этажа. Услышав разговор и увидев перед собой одного Петра, она раздраженно бросила: «Ни на минуту не могут оторваться от своих мобильных!» И тут же услышала в ответ душераздирающее «мяу», так как опять наступила невидимому коту на лапу. Перекрестившись и несколько раз оглянувшись, бабка трусцой удалилась от орущей пустоты.

Слегка сконфуженный Петр пошел на работу, а кот, хромая, направился к Альфе Премудрой. Он чувствовал, как со всех сторон его ощупывают и просвечивают крысиные взгляды. Но он был парень не робкого десятка, к тому же монарших кровей, и потому мужественно и беспрепятственно дошел до временного жилища крысиной королевы. Дальше парочка тронулась в сопровождении всей гвардии, насчитывавшей более трех тысяч голов, готовых в любую минуту вгрызться во врага своей королевы.

Оставив гвардию у входа в шкаф, Григорий и Альфа Премудрая проникли в жилище Кольгримы. Судя по всему, оно пустовало, хотя в компьютерном центре горели огоньки не выключенных компьютеров.

– Наверное, вышли, – шепотом сказал кот. – Могут скоро вернуться.

– Успеем! – решительно произнесла крыса. – Тут есть кладовка?

– Должна быть. Скорее всего, вон там!

Они с трудом открыли дверь, для чего Григорию пришлось подпрыгнуть и схватиться за ручку, а Альфе вцепиться зубами в отслоившуюся дощечку и потянуть дверь на себя. В углу комнатенки стояла клетка с узником!

Королева бросилась к клетке и, заламывая лапы, стала убеждать супруга, что немедленно прикажет гвардейцам освободить его.

– О эти женщины! – вздохнул кот и сам позвал гвардейцев. Те ворвались в жилище и, увидев своего короля живым и невредимым, в мгновение ока перегрызли прутья клетки. Аксель Тринадцатый сам не мог дотянуться до них, так как был спеленат железной рубашкой и прикован к кольцу, вделанному в пол по центру клетки.

После этого гвардейцы перегрызли электрический кабель. При этом несколько крыс погибли. Затем разгрызли, искромсали одежду, мебель, компьютеры, проводку. Перегрызли даже водопроводные трубы, и в помещение хлынула вода. Все кинулись наружу. Пропустив первыми королевскую чету и невидимого Григория, гвардейцы, топча друг друга, устремились за ними. При этом погибло еще несколько крыс. Когда воинство во главе с монархом прибыло во временное жилище Альфы Премудрой, Аксель Тринадцатый тут же устроил смотр гвардейского полка и присвоил погибшим героям звание «Главного витязя королевства» и из королевских закровов выдал членам их семей по куску подкопченного сала.

После смотра король приказал доставить слесаря-дантиста, чтобы тот укоротил ему передние зубы, так называемые резцы. Дело в том, что ведьма больше месяца не давала ему возможности стачивать зубы, из-за чего они выросли у него на два сантиметра. Монарх от этого стал плохо есть и почти лишился сна.

* * *

Когда команда Кольгримы, осиротевшая на одного члена, вновь оказалась в подzemелье Петропавловки, их взору предстало затопленное и не пригодное более к проживанию пристанище. Спальни, санузел, кухню нельзя было узнать. Все шкафы, кровати, одежда были раскурочены. В компьютерном центре полностью уничтожена вся оргтехника. Кольгрима заглянула в кладовку.

Золотого дворца, в котором томился в заточении Аксель Тринадцатый, не было.

– Это крысы! Это они! – негодовала Кольгрима. – Что же я, дура, и эту Альфу не сунула в клетку?! Век живи, век учись! Видишь, к чему приводит не до конца продуманная мелочь! Что-то у меня в последнее время одни лишь проколы! С «драконом», с шаманом, с девчонками, теперь вот с Ахерошей! Как ты теперь восстановишь всё это?! – В голосе колдуньи появились истерические нотки.

– Это всё железо, – утешил хозяйку Стикс. – Восстановим. Есть дубликаты. Странно, что Ахеронт, не подумал об этом. Видно, спешил.

Программист открыл свой сейф. Дубликатов не было! Ахероша, оказывается, не забыл про них! Кольгрима, не замечая изменившегося от потрясения лица Стикса, повторяла как заведенная:

– Да бестолочь он! Переть на рожон и против кого – против меня! – Видно было, что ведьму буквально душит злоба.

Положение еще можно было исправить. Вот только бы покупатель разместил в своей сети эту программу! Остается взломать сервер Салема и изъять ее! Конечно, вероятность этого не велика, но всё же есть.

Глава 8. Странствия Кольгримы

Поскольку компьютерный центр перестал существовать, да и жить в разоренном помещении уже было нельзя, пришлось возвращаться в поселок! И тут Кольгрима столкнулась еще с одной проблемой. Выйти из подземелья наружу было нельзя, так как территорию крепости оцепил спецназ! Возле стен ходили военные с собаками, миноискателями и еще какими-то приборами. Явно они кого-то или что-то искали.

– Это ищут нас. Ищут вход сюда. Неужели Ахероша продал нас еще и им? Иуда! Придется возвращаться тоннелем. Я по очереди переправлю вас в поселок. Мощей уже нет, чтобы разом переслать всех. Одни мощи остались. Да и надо беречь силы. Чувствую, они понадобятся мне.

Первым волшебница переправила Стикса. Тот тут же уселся за компьютер. Ему повезло: он достаточно быстро смог взломать сервер прислужников Салема и найти украденную программу. Ее, правда, с целью маскировки изменили и дали другое имя, но для такого программиста, как Стикс, это не стало серьезным препятствием. Однако изъять ее из базы похитителя не удалось. Ее словно тросами удерживали невидимые связи. Оставалось уничтожить дистанционно. Лучше всего было внедрить вирус, который пробил бы их антивирусную программу. В этом случае вся работа Стикса пропадала, и надо было начинать всё заново. И хотя программист обладал прекрасной памятью, потребовалось бы еще как минимум два месяца напряженной работы.

Стикс сказал об этом Кольгриме. Та против ожидания философски изрекла:

– Ждала и еще подожду. Что два месяца по сравнению с вечностью? Куда спешить? Но там ее – уничтожь! Мне всё равно как. Главное – эффективно и эффектно, чтоб в другой раз неповадно было! А с Ахерошей я разберусь сама. Он думает, что скрылся от меня на другом конце света! Если, конечно, уже скрылся. Наивняк! Ему что на том конце света, что на этом уготован один славный конец – на скотобойне!

– Может, ну его, госпожа? – сказал Стикс. – И сам от обжорства помрет.

– Не твоего ума дела! Учти: хуже предательства только второе предательство! И наказывалась измена всегда самым жестоким образом! И эта не будет исключением! Ну, ты тут, как мой правопреемник, командуй. Коллектив не расхолаживай. Пусть займутся сбором ягод, ловлей рыбы, но чтоб не бездельничали! А я на денек отлучусь по неотложным делам. Уж очень большой крюк предстоит сделать. Ни разу в Антарктиде не была.

Стикс решил, что ослышался. Что надо было колдунье в Антарктиде? Должно быть, какой-нибудь поселок с леденящим названием...

Но программист ошибся. Кольгриме как раз и нужна была Антарктида, чтобы испросить у главного колдуна мира разрешение на встречу с магом Салемом. Собственно, ей понадобилось не само дозволение – по таким мелочам никто из подданных не тревожил владыку – ей нужно было, чтобы он как-то подтвердил ее неприкосновенность во вражьем логове. Ведь Салем давно уже точил зуб на нее, как этот жалкий крысиный царек Аксель Тринадцатый. Надо было ему с самого начала не давать стачивать резцы. То-то стал бы микромамонтом! Она даже хихикнула, представив себе мерзкий образ этого жалкого крысёныша с отросшими резцами-бивнями.

В Антарктиду Кольгрима попала беспрепятственно главным тоннелем, прорытым еще в незапамятные времена, когда все гномы оказались во власти главного колдуна и изрыли, как кроты, всю землю вдоль и поперек ходами, тоннелями, колодцами и лабиринтами. Единой картой подземелий владел колдун, а ее дубликатом король гномов. Но Кольгрима еще шестьдесят лет назад сделала с дубликата копию, о чем, естественно, никто не знал, так как гнома, скопировавшего карту, ведьма тут же в награду превратила в безмолвное бревно.

В Антарктиде Кольгрима оказалась впервые. Она виделась до этого с владыкой пару раз, но это случалось в других подземельях. Волшебницу потрясла грандиозность подземного царства Антарктики. Громадные озера, ущелья, водопады – красные, желтые, синие, зеленые, невиданных размеров и форм рыбы и птицы, небывалых размеров тюлени и пингвины, летучие мыши похожие на драконов – об этих созданиях ничего не было известно в других частях Подземелья!

В приемной дворца владыки Кольгриму предупредили:

– Напоминаем, обращаться к владыке только по имени «О-ты-который-тот!».

– Благодарю вас, я помню.

Настоящего имени главного колдуна никто не знал и все обращаются к нему: «О-ты-который-тот!». Тех же, кто осмелился нарушить этот ритуал, потом не могла отыскать даже служба подземного розыска, в которую обращались родственники исчезнувших.

Весь церемониал встречи с владыкой Кольгрима знала с юности, ее обучила этому бабка.

– Что привело тебя ко мне, досточтимая Кольгрима? Давненько не видел тебя. Как тебе мои водопады?

– Они само совершенство, О-ты-который-тот!! Отчего они такие разноцветные?

– Дело в том, что тут у меня главные залежи всех драгоценных металлов и полезных ископаемых земли. Водопад красный – от железа, желтый – от золота... Надеюсь, в твоих краях всё хорошо? Слышал, образовался какой-то Добрый край? Так? Или это слухи?

– Был, – чуть-чуть замялась Кольгрима. – Но его больше нет. Почти нет. Он почти уже невидим,

– Надеюсь, и не увижу его. И больше не услышу о нем. Так с чем пожаловала ко мне?

Кольгрима объяснила трудности предстоящей встречи с магом Салемом.

– Я знаю о них, – поморщился владыка. – Право, как дети! За пятьдесят лет не помирились и не пришли к согласию! Хорошо, помогу, но в первый и в последний раз. Больше по таким пустякам не приходи ко мне. Не приму. Помогу только по старой дружбе с твоей бабкой. Красавица была! И умница! Таких больше нет. Исключая присутствующих, разумеется. Я не стану договариваться с Салемом по вашей встрече. Сейчас тебе принесут пояс. – Владыка кивнул стражнику, тот другому по цепочке, и тут же из закровов гостье доставили расшитый пояс с двумя яркими пуговицами.

– Надень его. Это тебе и охранный ярлык, и сама охрана. Видишь две пуговицы? Синюю нажмешь, когда зайдешь к Салему.

Только предупреди всех, чтобы к тебе ближе, чем на десять метров не подходили, иначе ослепнут. А красную нажмешь, если ослушаются. Это их успокоит навеки. Сам Салем знает силу этого пояса. Если прикинется, что не знает, жми на красную. Даже если спасется, всё равно окончит свои дни на необитаемом острове в Тихом океане. Ему, помнится, нравилась книжка о Робинзоне. Пояс потом вернешь мне. Что ж, я тебе помог. Чем мог. А чем мне ты поможешь?

– Что пожелаешь, О-ты-который-тот!.

– Программист нужен. Мои какие-то медлительные. Пингвины! Программку одну задумал. Давненько не тревожил этих, верхних. Докладывали, совсем отбились от рук!

– Будет тебе программист!

– Стоящий?

– Гениальный!

– Договор не подписываю. Без бумажек надежнее. Горючий материал! А слово никуда не исчезает. Оно записывается на диске вечности. У тебя есть доступ к диску?

– Пока нет.

– Ну, какие твои годы! Получишь еще. Ступай! Тебе покажут путь.

– Я знаю, – неосторожно вырвалось у Кольгримы.

– Откуда знаешь? – посуровел О-ты-который-тот!.

– Король гномов сказал.

– А-а, – смягчился владыка. – Ступай. Привет ему.

Путь до владений Салема был извилист и запутан, местами страшен, но страшен не для Кольгримы, и колдунья быстро преодолела его.

Салему доложили о визитерше. Тот приказал схватить ее. Но гостья, предупредив охрану о возможной неприятности для них, нажала на синюю пуговицу. Стражники тут же ослепли. Об этом сказали Салему, и тот вынужден был принять своего злейшего врага. Салема не просто раздражил приход Кольгримы, а разъярил. Только что ему сообщили, что программа, которую доставил ему перебежчик от этой северной колдуньи, уничтожена! Какой-то хакер влез в сеть и

внедрил вирус, против которого оказались бесполезны все антивирусы.

Кольгрима предупредила, что ближе, чем на десять метров, она к трону подойти не может.

– Иначе и ты ослепнешь, Салем!

– Стой там. Кресла не предлагаю. Или всё же лучше подать?

– У меня еще есть сила в ногах! – ответила волшебница.

– Времени у меня нет. Что угодно?

– Мне нужен Ахеронт!

– Не знаю такого, – солгал Салем.

– Знаешь! Предатель, что принес тебе мою программу!

– Извини, за так я тебе его не отдам!

– Отдашь! – Кольгрима ткнула пальцем на свой пояс и коснулась красной пуговицы.

– Забирай! – поспешно сказал Салем. – Позвать этого предателя!

Позвали Ахеронта. Тот увидел Кольгриму и бросился к Салему. Упал пред ним на колени. Но тот брезгливо оттолкнул хакера своим жезлом.

– Прочь! Из-за тебя я могу впасть в немилость моего владыки!

Ахеронт направился к Кольгриме, но та предостерегла его ладонью:

– Не подходи! Ослепнешь! Следуй за мной на расстоянии.

Выйдя от Салема, Кольгрима нажала на синюю пуговицу и поманила к себе Ахеронта.

– Ну что, предатель, дорого продал свою хозяйку или за похлебку? Ступай за мной. Вознагражу. Да не бойся. Не убью. И не вздумай убегать от меня. Хуже будет. Не станешь же ты заставляя пожилую женщину гоняться за тобой. Я ведь всё равно догоню. Неужели не убедился? Даже тут тебя нашла. Так за сколько продал?

Ахеронт уныло плелся за колдуньей. Та не стала больше ни о чем разговаривать с изменником и перенеслась с ним на небогатую ферму, где хозяйничали пожилые бездетные супруги. Чета встретила

их возле просторного свинарника, в котором лежали две большие свиньи с поросятами.

– Вот мы и пришли, Ахероша. Заходи к своим. Чувствуй себя, как дома. Еды тут тебе будет вдосталь. Приятного аппетита!

Кольгрима подтолкнула слугу, и тот влетел в свинарник уже не человеком, а огромным хряком. Хозяин фермы быстро закрыл калитку.

– Это вам спонсорская помощь. – Кольгрима протянула мужчине пачку денег. – Он немного исхудал. Кормите его получше. К сочельнику поправится. Не жалейте булочек со сгущенкой. Любит сладенькое, стервец! А что касается остального – он свинья свиньей.

Глава 9. Едем в Сюсьмя!

В конце мая у Маши и Даши окончился учебный год, и через неделю семья отправилась в Сюсьмя. Петр с Ириной взяли недельный отпуск, а потом с девочками до конца июля должна была остаться сестра Ирины, Ольга, учительница начальных классов.

К этому времени приурочили свой отпуск и Денис с Зинаидой. Маклеод в очередной раз незаконно пересек государственную границу. Уже на финской стороне он встретил стаю диких свиней. Хотел молчком пробежать мимо, так как связываться с вепрем было себе дороже, но вдруг услышал за спиной:

– Маклеод! Что не здороваешься? Зазнался, барон! Что забыл тут?

– Я ничего не забыл, – ответил пес, повернувшись на знакомый голос. Это был вебрь Зубило.

– Да, брат! Идет мимо – не взглянет! Будто и не сеттер! – пристыдил кабан. – Что так далеко от дома ушел?

– Ничего не далеко. От дома к дому иду. Оттуда туда, – пес указал лапой сначала в сторону Петербурга, а потом в сторону Сюсьмя.

– А я встречным ходом! Ту-ту! – засмеялся кабан. – Вот не знал, что собаки занимаются контрабандой!

– Да какой контрабандой? Со мной ничего нет.

– Это ты на таможне расскажи! Себя несешь, это и есть контрабанда!

Побалагурив, приятели расстались. Зубило передал привет Так-таку.

– И всем остальным, если встретишь: Мишелю, Стиксу... – прибавил вебрь.

Погода стояла замечательная. «Просто розово-голубой теплый нежный июнь», – так охарактеризовала первый месяц лета Даша и нарисовала красивую картинку. В голубом небе желтое солнце, белые облака, похожие на кусочки ваты, разноцветные бабочки. И много-много зеленой травы. Красным карандашом написала: «Ура, лето!»

Маша же прыгнула за электронное пианино и с воодушевлением исполнила одну из своих любимых лирических пьес Грига, на что Петр сказал:

– Помнишь, Ириша, как мы читали на веранде рассказ Паустовского «Корзина с еловыми шишками»?

А Ириша вздохнула:

– Да, божественная музыка! Какой мерцающий, переливчатый колорит!

Даже комары не кусали, хотя их хватало. То ли они разнежились благодатной погодой, то ли, расслабленные долгой зимой, еще не успели нагулять аппетит. А может, просто не настал еще вечер. Сами комары причину собственной лени знали хорошо и по этому поводу особо не заморачивались.

Эстонец Калле привез Юстаса с Пеструхой, Дурой-Жанной и несколькими желтыми цыплятами нового выводка. Те высыпали на лужайку перед домом, как одуванчики. Прошлогодних цыплят Калле еще осенью посчитал и не без выгоды раздал своим знакомым.

Григорий и Юстас едва не прослезились, встретившись под смородиной.

– Как жизнь, друг? – спросил кота петух.

– Наполняю жизнь смыслом! Стараюсь высыпаться по утрам. А как твоя, Юстас?

– Я тоже стараюсь кукарекать от восхода солнца!

Две курицы копошились под кустами. Григорий кивнул на Д'Жанну:

– Как она? Дурью мается?

– Пока нет.

– Погоди, всё впереди, – пророчески изрек кот. – Дурь – она всегда в перьях!

Прилетела Чернавка и, не поздоровавшись, прокричала, что Кольгрима снова живет в поселке, через два дома от Аарно Какконена.

– Ее никто еще не видел, а я в окно глянула – она! И ночью

выходила на террасу!

– Ты в другой раз подготовь слушателей! – попросил кот. – Нельзя же так сразу! Инфаркт можно получить от твоих новостей!

– Они не мои! Они теперь твои! – каркнула ворона.

Спустя какое-то время прибежал Маклеод. За ним пришли и Денис с Зинаидой. Ирина стала собирать на стол, а четвероногие и двуногие друзья собрались возле курятника и, перебивая друг друга, рассказывали о событиях минувшего года.

Узнал о приезде Сомовых и Так-так. Он появился среди всеобщей радости, поприветствовал кота, пса, ворону, кур, передал им привет от Лоухи, а Петру сообщил о том, что Кольгрима вновь поселилась здесь.

– Не знаю, что задумала она, – сказал муми-тролль. – Бабуля уверена, что вернулась напакостить Доброму краю. Надо как-нибудь Стикса увидеть. У Кольгримы в этом году сплошные неприятности. Похоже, и в доме ее нелады. Ведьме сейчас не до девочек, но со временем, боюсь, снова захочет через вас выйти на меня с бабулей. Будьте осторожны. Детей одних не выпускайте. – Так-так задумался. Потом воскликнул: – Слушай, Петр! Ирина! Переезжайте к нам! Изба у нас просторная, никто из чужих и зловердных к нам не забредет. Собирайтесь прямо сейчас. Можете прогуляться вдоль озера. Григорий знает путь. Пусть ведет всех к домику лесника, а там я встречу.

Петр хотел сказать, что тоже помнит эту дорогу, но его опередили сеттер, петух и ворона, в один голос воскликнув:

– И я знаю!

– Вот и отлично! – засмеялся Так-так.

– Спасибо, Так-так, за приглашение. Но для начала для порядка сядем всё-таки за стол! – сказал Петр.

Вся живность направилась на берег озера, где уютно расположилась возле перевернутой лодки и продолжила столь долгожданное общение друг с другом.

Девочки взяли ракетки, а взрослые после трапезы приготовились выслушать от Калле очередную правдивую историю. Тем более что он сам уже «принял на грудь» подобающую порцию пива.

– Вы же знаете, – начал Калле, – что Юстас вполне комфортно провел осень, зиму и весну в моем курятнике. Короче, прописался на пяти квадратах жилплощади.

– Сколько цыплят? – перебил приятеля Петр.

– Шесть.

– Помнится, Калле, по финским законам на каждую птицу положен один квадратный метр, а тут что же получается? Шесть цыплят, петух, две курицы – девять кур! Нарушаешь!

– Цыплят по осени посчитаем. Это не куры, так, мелочь пузатая!

– Скажи спасибо, что тебя Юстас не слышит!

– Он мое отношение к этой мелкоте знает и одобряет. Так вот, о Юстасе и вообще о курах. Дай-ка мне калькулятор!

Петр протянул эстонцу пиво.

– Да нет, калькулятор!

Подали планшет. Калле произвел несколько арифметических действий и задумался. Потом вздохнул и изрек:

– Да, так оно и есть. – И снова замолчал.

– Хочешь сказать, что Юстас научился считать, как знаменитый математик Гаусс или Эйлер? – спросил Денис. – Ирина, для Маклеода нет случайно сахарной косточки?

– Я ему сразу дала, как прибежал, – сказала Ирина.

– Нам как-то ближе Софья Ковалевская, – уточнила Зинаида. – Калле, начинай!

– Я о другом хочу сказать, – возразил рассказчик. – Начать историю с яйца.

– Ab ovo,^[8] – изрек знаток латыни Петр.

– И не с простого яйца, – продолжил Калле, – а с золотого.

– Маша, Даша! – позвал дочек отец. – Идите сюда! Дядя Калле расскажет сказку про Курочку Рябу.

– Это не сказка, Петр. Это реальная быль. Куриных историй, кстати, три будет. Вот они.

Глава 10. Ab ovo, ^[9] или Три истории Калле

История первая. О золотом яйце

– В середине января стояла жуткая холодина, – начал Калле первую историю. – Разгар крещенских морозов. Моя жена укатила к своей больной матери в Таллинн, она и сейчас еще там, а я остался во всем поселке один как перст. Не считая Какконена, он вообще не выезжает отсюда. Видно, не хочет спускать флаг над домом. К тому же был сильный ветер, и меня где-то прохватило. Температура поднялась, начались прочие удовольствия. Кур я занес в дом, чтоб они не померзли в курятнике, да и самому, чтоб лишний раз на холод не выскакивать. Лежу пластом. Хорошо, Юстас ухаживал. Градусник в клюве подавал, чтоб я температуру мерял. А тут он уснул, я Жанну попросил подать градусник. Она взяла его в клюв со столика и уронила. Градусник разбился. Эта дура – нет, чтоб собрать шарики ртути – склевала их! Ну, думал, конец курице. Потом объясняй вам, почему сдохла, еще и не поверите.

– Да брось ты, не поверим! – отмахнулся Петр. – Сейчас же верим!

– То сейчас, а то тогда. Прошло какое-то время. Мне полегчало. И тут Жанна снесла яичко.

– Не простое, а золотое! – воскликнула Даша.

– Да, золотое! И золотое всё – от скорлупы до желтка!

– Ты его бил, дядя Калле? – спросила нетерпеливая Даша.

– Нет, Дашенька, зачем? Зачем красоту портить? Даже не пробовал.

– А как же узнал, что желток золотой? – спросил Петр.

– Эка невидаль! Да у всех яиц желток золотой. Как узнал? Любишь ты, Петр, каверзные вопросы задавать! Только они каверзные для тебя, а не для меня. Очень просто узнал. По удельному весу!

– Как это?

– Просто. Среднее куриное яйцо весит шестьдесят-семьдесят грамм. Удельный вес чуть больше одного грамма в кубическом сантиметре, замечал – яйцо плавает иногда в воде. А удельный вес золота – это вы должны знать – около двадцати грамм в кубическом сантиметре, в двадцать раз больше, чем у воды и, соответственно, у яйца. То есть золотое яйцо размером со среднее простое будет весить – шестьдесят умножить на двадцать – больше одного килограмма! Оно так и весило: кило триста! А я что говорил! Никакое другое яйцо столько весить не может, только золотое, золотое всё, от скорлупы до желтка! Хотел сдать его в скупку или в ювелирный магазин. Передумал. За грамм золота дают восемь-десять евро. Получил бы больше десяти тысяч евро! Представляете? Хорошо жена в Таллинне. Но прежде чем нести яйцо на продажу, я решил показать его в университете Хельсинки – всё ж таки редкий случай, чтоб курица несла золотые яйца. Там посмотрели и не поверили. Я, конечно, малость сам переборщил. Надо было просто показать яйцо и сказать, что так мол и так, снесла моя курица. А я приплел, что это яйцо несет в себе разгадку того, чем занимались тысячу лет алхимики. Стал объяснять ученым (а они же на дух не выносят алхимию!), что знаменитые алхимики, всякие там Парацельсы и Фламель, пытались превратить ту же ртуть в золото. И у них ничего не получилось. А у меня с Юстасом и Жанной получилось! Склевала ртуть, а снесла золото. То есть курица представляет собой самый настоящий алхимический аппарат! Это ж открытие мирового уровня! Нобелевская премия. И вообще... Не поверили. Один вообще сказал: «Чушь!» Но яйцо взяли, заплатили немного, не столько, конечно, как в скупке. Запаяли его в пуленепробиваемый стеклянный шар и прикрепили табличку, что золотое яйцо снесла моя курица там-то и тогда-то. Потом этот экспонат возили по всяким выставкам и ярмаркам, пока не продали на аукционе Сотбис за какую-то умопомрачительную цену. Точно не знаю, говорят. Говорят еще, что в табличке на продаже значился уже не я с курицей, а сам Карл Фаберже. А мне недавно вручили диплом и медаль. Вот так вот. Теперь вторая история.

История вторая. О поле цыплят

– Когда Жанна завохтала и готова была приступить к высиживанию птенцов...

– Она была готова высиживать их всё прошлое лето, – заметил Петр.

– Ну, это лето. Пивка налей, пожалуйста. Так вот, у меня, у нее то есть, к тому времени уже набралось два десятка яиц. А я не знаю, как отобрать из них те, из которых точно вылупятся курочки. Петушки мне зачем? Одного Юстаса хватит. Лучше его вряд ли будут.

– Лучше Юстаса нет никого! – воскликнула Даша.

– Вот. Я и спрашиваю у Юстаса: «Из каких яиц по твоему мнению вылупятся курочки, а из каких петушки?» «А чего тут думать? – отвечает он. – Из этих петушки, а из этих курочки». Я так и сделал. Оставил те, из которых курочки должны были появиться. Из семи яиц шесть птенцов вывелись, седьмое так и пролежало. И все шесть – курочки.

– А как ты узнал, что это курочки? – спросил Петр. – Я и сейчас не пойму, кто там кто. Все одинаковые!

– Не хитра наука. Надо народ спрашивать. Вот спроси меня: как отличить петушка от курочки? Спроси-спроси! – рассказчик потянулся к бутылке пива.

– Как отличить петушка от курочки? – спросил Петр, и Калле выпил еще пива.

– И я тебе отвечу. Есть несколько приемов. Надо однодневного птенца – упреждаю вопрос, именно однодневного – взять и посмотреть на его ножки. У курочки лапки тоненькие, как у балерины, а у петушка потолще. Это первый способ. Второй. На спину опрокидываешь птенца. Если лапки поджимает – курочка, выпрямляет – петушок. Третий способ. Также на спинке расправляешь ему крылышки. Маховые перышки у петушка длиннее, чем у курицы. Четвертый. Держишь птенца за лапки вниз головой...

– Бр-р... – содрогнулась Ирина.

– ...Курочка голову поджимает, а петушок голову вниз. Да и можно по внешнему виду определить. Это пятый способ. У петушка крылышки значительно светлее, чем весь он, а у курочки всё одноцветно. Есть еще несколько способов, но это для куроводов. Когда я рассказал университетским ученым, что мой петух правильно определяет по яйцам пол будущего цыпленка, меня высмеяли.

Сказали, что в мире на эту тему защитили сотни диссертаций, а определять пол птенца по яйцу так и не научились. Я тогда настоял, чтобы провели эксперимент с участием Юстаса! Его арендовали на неделю. Он провел им отбор двух партий яиц, прорек, где курочки, где петушки. И потом всё подтвердилось! На сто процентов! Научная общественность стояла на ушах! Написали то ли двенадцать, то ли двадцать две научные статьи. Юстасу присвоили звание мастера сельскохозяйственных наук, дали диплом и медаль! Вот, – Калле достал из кармана медаль, на которой был выгравирован петух и написано: «Мастер сельскохозяйственных наук Юстас, петух».

История третья. О динозаврах

– И третья история, заключительная... Когда я еще болел, зимой... Петр, пиво осталось? Спасибо. Когда я еще болел, Юстас рассказал мне легенду, которая передается курами из поколения в поколение. Некогда, в незапамятные еще времена, когда нас с вами, людей, еще не было, а куры, оказывается, уже были, они все переселилась на плато, в недрах которого были богатейшие месторождения урана. Куры, понятно, об этом не знали, а когда догадались, было уже поздно. Стали вдруг у них вылупляться из яиц мутанты. Яйца становились всё больше, и мутанты всё больше. И у этих мутантов появились нешуточные когти, а в клюве острые зубы. И всё больше птенцы стали походить то ли на драконов, то ли на ящеров. В конце концов, родился первый тираннозавр. Слышали о таком? Так что спор, что первично – яйцо или курица – не дает вообще никакого ответа. Впервые родился ящер! Гроза всей земли. Через какое-то время настал ледниковый период, еще что-то, и неблагоприятные условия жизни погубили мамонтов и саблезубых тигров и вновь превратили тираннозавров в кур! Кстати, характер у того же Юстаса вполне ящерный. Эту легенду я пересказал ученым. Добавил, что в природе есть только один круговорот: от курицы к ящеру и обратно от ящера к курице. Но они к легенде и к моему заключению тоже отнеслись с недоверием. Даже с насмешками. В Интернете я потом нашел, что ученые в разных странах нашли сходство между курами и ящерами, но на меня нигде не ссылаются. Я понимаю, была бы у меня степень, звание, совсем по-другому приняли бы, а так – не их я человек!

Калле расчувствовался, помолчал и вынул из внутреннего

кармана небольшой альбом, на котором было написано «Юстас и К^о-Ко» и, чуть не прослезившись, сказал:

– Вот, чтоб развеять последние ваши сомнения в правдивости сказанного мною, полистайте альбом. Тут фотки и вырезки из газет и журналов обо всём, что я рассказал.

Глава 11. Золотой петушок

Мимо дома проехал автомобиль. Кольгрима не успела разглядеть номер, заметила лишь русские буквы.

– Серж! Вон авто. Сгоняй, узнай, кто приехал.

Поваренок вприпрыжку, как кролик, побежал по дороге. «Из кролика хоть ягуара сделай, всё кролик! – подумала колдунья. – Натура не поддается волшебству».

– Это те девочки с родителями! – доложил посыльный. От бега он покраснелся, и по всему его облику видно было, что «те девочки» ему очень нравятся.

«Вот и отлично! – подумала Кольгрима. – Есть на ком отыграться. Нужно же как-то возместить нервные расстройства! И откладывать нечего».

– Серж, ну-ка встань передо мной, как конь перед травой! Полюбуюсь на тебя. Если тебе бейсболку надеть, темные очки нацепить... Нет, узнают. Девочкой хочешь побыть? – И не дожидаясь ответа поваренка, превратила его в хорошенькую пухленькую девочку.

– Пройдись туда-сюда. Да как девочка, не как пацан! Вот бестолочь! Еще! Нет, узнают!

Повозившись с бестолковым Сержем минут десять, колдунья вернула ему прежний облик и отослала на кухню чистить картошку.

– Ни на что не годен! Умишко с его хвостик!

Кольгрима зашла в компьютерный центр. Поинтересовалась делами. Потом предложила программисту немного передохнуть. Стикс уже привык к тому, что слово «передохнуть» означает выпить с госпожой чашечку кофе и выслушать очередные ее поучения либо получить новое неотложное задание.

– Я вот что подумала, Стикс... – изрекла Кольгрима, отпив глоток кофе. – Твои питерские знакомые пожаловали. Только что. Видно, отпуск начался. Обустроятся, вечером наведайся к ним. Скажи, будто случайно шел мимо. Разузнай, надолго ли приехали и вообще, что собираются делать. Ну что мне тебя учить? Всё узнай!

Вечером Стикс не без волнения зашел к Сомовым. Гости уже разошлись, а Петр с Ириной собирали сумки, чтобы утром отправиться в Добрый край. Девочки радостно запрыгали вокруг гостя.

«Шел мимо, вижу, приехали», – хотел сказать молодой человек, но вместо этого признался, махнув рукой в сторону дома Кольгримы:

– Узнала, что вы приехали. Прислала уточнить. Опять что-то задумала.

– А мы завтра уезжаем, – произнес Петр. Ирина кашлянула, запоздало предупредив мужа, что не стоило говорить об этом.

– Да вы не бойтесь, я не проболтаюсь, – сказал Стикс. – К Так-таку? Правильно. Я бы тоже ушел. Но не могу.

– Ну и пошли с нами! Она туда не сунется!

Стикс помотал головой.

– Нет-нет! Вы потом вернетесь домой, а мне возвращаться некуда. Не быть же вечным нахлебником. Да и дело одно надо завершить.

– Опять виртуальные драконы? – спросил Петр.

Программист ничего не ответил и собрался уходить.

– Ты всё-таки подумай, – проводил его хозяин, – места там всем хватит.

Едва Стикс вошел в дверь, Кольгрима тут же усадила его и стала расспрашивать. Скупое донесение разведчика о том, что русские приехали на все лето, раззадорило ее.

– Прекрасно! Прекрасно! Времени навалом!

Утром, едва проснувшись, колдунья откуда-то узнала, что все Сомовы уже ушли из своего коттеджа и приближаются к домику лесника. С ними пешим порядком топают куры и кот. «Как дети! – хмыкнула Кольгрима. – Спасают зачем-то кота с петухом!»

– Неужели не обратил внимания на то, что они собирались бежать из дома? – с подозрением спросила она Стикса.

– Ничто не говорило об этом, – ответил тот. – Они проводили гостей и готовились отойти ко сну...

– Ладно, сейчас разберусь! – буркнула ведьма и исчезла.

Как только путники зашли в избушку лесника, следом зашла и Кольгрима.

– Кого я вижу? – воскликнула колдунья. – Рада приветствовать вас в моем краю!

– Это не твой край! – сказал Григорий. – Не ври!

Юстас с криком: «Круши ведьму!» кинулся на Кольгриму, выставив перед собой воистину ящерные когти и тут же упал на пол, превратившись в яркий флюгер. Все с ужасом глядели, как флюгер хрипит: «Круши ведьму! Круши...»

– Заткнись, – ласково сказал колдунья. Флюгер замолчал. – Какой милый котик! Дашенька, смотри, как он сейчас превратится в мышку!

– Не боюсь тебя, Кольгрима! Проходи скорее мимо! – закричала девочка.

Не успела колдунья произнести заклинание, чтобы обратить кота в мышь, открылась дверь и вошли Лоухи и Так-так. Формально домик лесника был нейтральной территорией, на которой каждый мог действовать на свой страх и риск в меру своих сил. У Кольгримы был шанс на успех – всё-таки это были скорее ее владения, чем Лоухи. Тем не менее она не решилась вступить сейчас с сестрой и ее внуком в открытую схватку. Как всегда, ей милее было тайное оружие – коварство и обман. Презрительно взглянув на «родственников», ведьма молча удалилась из избушки. Из воздуха соткались два слова: «Еще встретимся!»

Через час Сомовы, Григорий и осиротевшее куриное семейство уже были у Лоухи. Во всеобщем молчании Петр прикрепили флюгер к коньку крыши. Молча сели за стол. Хозяйка подала вкуснейший пирог из ржаной муки – калакукко с лососем и перловкой. Его так любил Юстас! Не успели доесть кушанье, как Лоухи убедила остаться всех у нее на всё лето. Когда Ирина сказала, что вместо нее и Петра с детьми будет ее сестра Ольга, Лоухи со слезами на глазах (ей было жалко петушка!) воскликнула:

– Сестра? И сестра! Да хоть весь Петербург!

Старушка отлучилась на минуту глянуть в барометр времени и вернулась из кабинета Стикса успокоенная и даже повеселевшая.

«Всё будет хорошо», – понял Стикс.

Неожиданно Лоухи выкатила из стены пианино и пригласила Машу за инструмент. Дала ей ноты русских романсов и с воодушевлением спела романс Александра Гурилёва «О, не целуй меня» и с Машей дуэтом его же романс «Нет, не тебя так пылко я люблю». После этого гости, несколько смирившись с потерей Юстаса, пошли за Так-таким. Муми-тролль привел их на свою любимую поляну, усыпанную сладкой земляникой. «Верьте, всё будет хорошо!» – шепнул он на ушко Даше и Маше.

Глава 12. Шмат сала

К июлю Стикс практически восстановил программу. Кольгрима уже продумала, как и где провести пробную проверку. Разумеется, ночью и в Добром краю! Кто б сомневался? В случае успешного испытания затем можно лишить воздуха и целый город, скажем, Петербург. Это стало бы впечатляющей заявкой Кольгримы на владение пока еще не всем миром, но хотя бы северным его полушарием. «А с южной стороной сочтемся позднее», – думала ведьма, вспоминая свое обещание отдать главному колдуну Стикса. Она почему-то была уверена, что этого не случится. «Помнится, Ходжа Насреддин обещал эмиру за двадцать лет обучить своего ишака богословию. Как он говорил? «За двадцать лет кто-нибудь из нас уж обязательно умрет – или я, или эмир, или этот ишак» Вот и колдун пусть ждет моего программиста двадцать лет!»

Всё шло хорошо, но неожиданно в один день произошли два события, одно хуже другого. Утром, непонятно откуда, словно из-под стола вылез огромный пингвин с письмом от владыки. Послание, написанное от руки, было коротким:

«Досточтим. Кольгрима! Будь на ежегодном собрании колдунов Подземелья в полночь 1 июля».

«Интересно, – подумала волшебница, – Неужели секретарша не могла напечатать письмо? Писулька какая-то! Написано от руки, с сокращением, без подписи. И дата никак не связана с праздниками или с памятными днями. К тому же – ежегодно. Если «ежегодно», почему меня пригласили в первый раз? Что-то тут не так. Наверняка потребует программиста. Неужели только из-за этого зовет? Придется Стикса взять с собой. Ослушаться нельзя. Во всяком случае, пока не испытала программу. Сегодня какое? Тридцатое июня. Так это же сегодня надо быть там! Успею. Надо за продуктами съездить».

– Передай владыке, что непременно буду! – сказала Кольгрима пингвину. Тот тут же исчез. Волшебница села в автомобиль и уехала в Сюсьмя.

Прошло минут пятнадцать, прикатил агент Международной экспресс-доставки, вручил Мишелю посылку. Повар расписался в квитанции и отнес посылку в спальню госпожи.

– Что там? – спросил Стикс.

– Посылка хозяйке.

– Откуда?

– Издалека. Не запомнил. Штат Вермонт, кажется.

«Странно, – подумал программист. – Ни разу не слышал от нее ни о ком из штата Вермонт». Почему-то это слово вселило в него тревогу, от которой он не мог избавиться до приезда Кольгримы. Помогая занести пакеты с покупками в дом, Стикс сообщил хозяйке:

– Тебе посылка пришла. Из штата Вермонт.

– Откуда? – удивилась Кольгрима. – Хм, от кого же это? Где она?

– Мишель отнес наверх.

Хозяйка поднялась к себе. Вскоре она позвала программиста:

– Стикс! Зайди на минутку!

Стикс оторвался от компьютера и поднялся наверх.

Кольгрима разложила на столе вскрытую посылку. В ней оказался завернутый в фольгу шмат сала.

– Какая прелесть. – Волшебница втянула носом воздух. – Чудный запах! Понюхай!

Стикс нагнулся над столом, понюхал. Действительно, запах был весьма аппетитный.

– Знакомый фермер прислал. Потомок русских эмигрантов. Из Диканьки, кажется. У Гоголя читал «Вечера на хуторе близ Диканьки»? Там писатель о моем дедушке, чертушке, писал. Шутка. Охотно верю, что с Украины выходец. Толк в сале знает, и солить умеет. Солить сало просто, а не все могут. Тут генетика засольщика важна. Да ты садись. Попробуй сальца. Сейчас отрежу. Серж! Ножик принеси! Хотя пошли вниз. Всех угощу.

Хозяйка доверила поварам достать хлеб и горчицу, а сама стала нарезать тонкими ломтиками сало, сопровождая эту процедуру воспоминаниями.

– К этому салу да бородинский бы хлеб, тот старый! Совсем разучились хлеб выпекать даже в России. В старые добрые времена

положишь на кусок бородинского хлеба ломтик сала, намажешь его домашней горчицей, откусишь кусочек... Слюнки-то текут? Одна завыка – зубы надо иметь острые и сильные, как у вас, молодых. А моими не откусишь и не пережует. Одни воспоминания остались. Ну да мне удовольствие посмотреть, как вы будете есть!

Стикс обратил внимание, как зорко следит Кольгрима за всеми, словно хочет всех поймать и уличить в страшном преступлении. «Чего это она так?» И тут в его голове мелькнула страшная догадка. Серж и Мишель уже поднесли бутерброды ко рту, но Стикс выбил ведьмино угощение из их рук.

– Ты чего? – опешил Мишель, а Серж даже захныкал.

– Не ешьте. Это Ахеронт!

– Как Ахеронт?

– Да так! Она его превратила в кабана, отдала на ферму. Там из него сделали сало!

Кольгрима исчезла и сверху позвала:

– Стикс! Ко мне!

Стикс, понимая, что настал самый важный час в его жизни, поднялся к колдунье.

– Программу на стол! – приказала та категорическим тоном. – И готовься, сейчас отправишься к другому хозяину!

– А уговор?

– Не смей меня! Уговор! Строптивый чересчур!

– Никуда я не пойду!

– Пойдешь, как миленький! – Кольгрима даже затряслась от злости.

Стикс сбежал вниз, схватил на кухне топорик и стал крушить оргтехнику в компьютерном центре. Ведьма, услышав доносившийся грохот, решила, что программист в истерике бьет мебель на кухне, а когда спохватилась, было поздно. Ни компьютеров, ни программы, ни дисков-дубликатов больше не было!

Кольгрима, онемев, смотрела на погром, учиненный ее рабом. В нее стало просачиваться осознание того, что случилась непоправимая

катастрофа. А тут еще этот визит в Антарктиду!

– Пошли! – крикнула она, схватив Стикса за рукав. – Пошли к новому хозяину!

Тот вырвал руку.

– Никуда я не пойду! Силой отправишь, я там стану нападать на всех! У меня нет хозяина! Я вепрь!

– Так будь же вепрем! – в сердцах крикнула колдунья и превратила программиста в дикого кабана. Кaban толкнул ее рылом, опрокинув на кровать, скатился со второго этажа на первый и, выбив входную дверь, вышел вон.

– И вы кыш отсюда! – крикнула Кольгрима, выгнав из дома медведя и кролика.

«Ничего, скажу, что никудышный оказался программист!» – подумала она.

Глава 13. Кого же?

Ровно в полночь Кольгрима вошла вместе с другими колдунами и магами Подземелья в круглый зал, как в пасть хищного зверя. Стены состояли из желтых острых зубов сталактитов, свисавших с потолка. Им навстречу вздымались такие же желтые острые клыки сталагмитов. В центре зала, в свете алого прожектора вращался трон. Из трона били два прожектора, освещая и слепя усевшихся вдоль стены членов собрания.

Колдун, не тратя время на вступительные слова, сказал, что спешно собрал всех для того, чтобы произвести перестановки в управлении рядом областей Подземелья.

– По большому счету я доволен всеми колдунами, – сказал О-ты-который-тот!. – Ваши владения процветают. Но два участка в северном полушарии – подземелье Салема на северо-западе и подземелье Кольгримы на северо-востоке – надо слегка подчистить. Салем занимается плодотворно мелкими пакостями, но часто упускает из виду большие. А Кольгрима хоть и берется за очень большие гадости, к сожалению, в последнее время не всегда успешно их делает. Это поправимо. Нами поправимо. Я оставляю их обоих на время у себя. Обменяются опытом, а я пока назначу в их области наместников. Вот, собственно, и всё.

О-ты-который-тот! три раза прокрутился, рассматривая своих подданных, и махнул рукой, чтоб все ушли.

– А вы, Салем и Кольгрима, останьтесь! Салем, пройди к моему помощнику, он введет тебя в курс дела и покажет, где будешь жить. Ну, а ты, Кольгрима, рассказывай, почему одна пришла? Где обещанный программист? Или мне обещанного три года ждать? Я по три года не жду. Это меня могут ждать и три года, и тридцать три. Как уж мне приспичит.

– Программиста не взяла, О-ты-который тот! по той причине, что он никудышный. Много в него вложила. Большие надежды подавал. На многое рассчитывала. Но обманулась. Я обязательно подыщу тебе, О-ты-который-тот! другого.

– Через три года? – Владыка скривил рот в усмешке. – Или через двадцать, как Ходжа Насреддин? Я всё, дорогуша, знаю. От меня

ничто и никто не укроется. Вот ты утверждаешь, что твой Стикс (его ведь Стикс зовут?) оказался никудышным программистом. А у меня совсем другие сведения. В прошлом году он разработал прекрасную программу «Дракон», которая могла бы уничтожить все мегаполисы там наверху. В этом году он создал программу «Воздух», которая могла бы вообще удушить всех этих «подобий» – не стану говорить, кого! Признаться, я сильно радовался твоим успехам. И что же? А? Что скажешь?

– Я не знаю, откуда у тебя эти сведения, О-ты-который-тот!! – растерялась колдунья. – Это были виртуальные штучки, вроде компьютерных игр. Ими ничего нельзя изменить в реальной жизни наверху!

– Не верю тебе. Своим экспертам верю. Они меня ни разу не обманывали. А ты уже солгала несколько раз. Всё-таки отбивается от рук персонал, когда работает в отрыве от руководства! Мне урок. Но ничего, теперь поработаешь на моих глазах! Жаль, конечно, что до сих пор не помирилась с Салемом. Придется помириться, и чем скорее, тем лучше. Я для этого поселю вас вместе. Вместе легче решать задачи – и «Воздух», и «Дракона». Мне твоя задумка нравится. У Салема, кстати, прекрасные программисты. Из Силиконовой долины.

Колдун замолчал, и, казалось, даже задремал.

– Я пошла, – осторожно произнесла Кольгрима.

– Иди, – очнулся О-ты-который-тот!. – Помощник покажет тебе место работы и жительства. Но это не всё. Это твоя последующая жизнь. А наказаньеце за предыдущую, как думаешь, заслужила? Небольшое, но чтоб впредь неповадно было нарушать данное мне слово. Соверши-ка, досточтимая Кольгрима, всего-навсего одно доброе дело. Знаю, что противно. Потому и наказаньеце! Какое? Ну, чтоб попроще, сними чары с кого-нибудь, кого ты в этом году околдовала. Да ты не кривись! Глядишь, он тебе потом памятник поставит. Ну, решила? С кого?

«С кого же? – соображала ведьма. – Ахерошу уже не вернуть. Какая жалость. Ведь он был мне почти что сын!» – Кольгрима уронила слезу из левого глаза, а правый потеряла на всякий случай.

Колдун усмехнулся.

«Так кого же? Чтобы поменьше сделать добра и потом не

злиться на себя всю жизнь за излишнюю доброту! Сержа? Нет.
Мишеля? Нет. Стикса? Нет. Кого же?»

Эпилог. Юстас! Юстас! Юстас!

Вепрь подошел к дому Лоухи. На крыльцо вышел Так-так.

– Привет, Так-так! – сказал кабан. – Это я, Стикс!

– Ты почему... такой? – воскликнул муми-тролль. – Она превратила?

– Она. Такой, какой есть.

– Бабуля! Выйди! – крикнул Так-так.

Вышла Лоухи, всплеснула руками.

– Можешь снять чары Кольгримы? – спросил внук.

Лоухи не успела ничего ответить, как вепрь произнес:

– Нет-нет! Я не хочу быть человеком! Я устал от мира зла!

– В лесу тоже хватает зла, – возразил Так-так.

– В лесу не зло, – не согласился кабан. – Зло там, где люди. Это их сущность. Я не хочу быть больше человеком. Не хочу делать зло.

– Но ведь не все люди делают зло! – настаивал Так-так.

– Не все. Но все в нем живут. Скажи, где сейчас Зубило? Попрошу его пристроить меня к какой-нибудь стае.

– Хорошо, пошли со мной, – сдался Так-так. – Может, ты и прав. Приходи к нам в любое время! Бабуль, а ведь его Добрый край пропустил! Значит, в нем совсем не осталось зла!

Так-так нашел Зубило, и тот отвел Стикса в небольшую стаю свиней, где браконьеры два дня назад застрелили вожака. Стикса там приняли охотно и без особых расспросов.

Вернувшись домой, Так-так порадовал всех, что Стикс обрел семью, а им теперь надо подумать над тем, как увековечить память Юстаса. Скорбь о безвременно ушедшем друге не давала покоя не только муми-троллю. Григорий, Маклеод и Чернавка скучали о красавце петухе. О курицах и говорить было нечего. Одни лишь бестолковые цыплята копошились под кустами, ничего еще не зная о жизни, думая, что она наполнена одной лишь травкой и бабочками.

– Дарий-Григорий! – посоветовал Так-так. – Мы с бабулей

подумали и вот что решили. – Попробуй сегодня ночью вместе с Маклеодом и Чернавкой, можешь и кур прихватить, просить Юстаса, чтобы он вернулся. Заодно и Кольгриму, чтобы она сняла с него чары. Сегодня ночь особенная – первое июля, в нее всякие чудеса случаются.

– Так Кольгримы же нет тут! – сказал Григорий. – Как мы ее будем просить?

– И хорошо, что нет! Я ж тебе говорю, ночь сегодня особенная. Если нет Кольгримы, это вовсе не означает, что нет ее зла. Зло никуда не уходит, оно таится до поры рядом с нами, вокруг нас, в нас самих. И чтобы оно не обернулось еще большим злом, проси у него добра. Проси Кольгриму, чтобы она сняла с Юстаса свои заклятия.

Всю ночь кот, пес, ворона и куры простояли, задрав свои головы к флюгеру. Тот сначала темнел на фоне неба, а потом пропал. Всю ночь друзья повторяли одно и то же:

– Юстас! Будь добр, вернись!

– Кольгрима, будь добра, верни Юстаса!

– Юстас! Будь добр, вернись!

– Кольгрима, будь добра, верни Юстаса!

...

А когда солнце позолотило своими первыми лучами Добрый край, Григорий, Маклеод, Чернавка, Пеструха и Жанна слышали радостный крик:

– Юстас! Юстас! Юстас! – И с конька крыши весь в золотых лучах восходящего солнца на землю слетел красный петух.

Март-май 2017 г.

Конец

Примечания

1

Herra, херра (фин.) – обращение к мужчине, господин.

Ruova, руова (фин.) – обращение к замужней женщине, госпожа.

Neiti, нэити (фин.) – обращение к девушке.

4

C'est La Vie (фр.) – такава жизнь.

О мой Бог! (англ.)

Vita – жизнь (лат.)

Карп Жан-Жак Юстас (фр.)

«От яйца», т. е. с самого начала (лат.)

«От яйца», т. е. с самого начала (лат.)